

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Март
№ 3
2016

ИЗДАНИЕ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Создание и развитие
отечественных
подводных сил

Забайкальско-
Амурский
(Забайкальский)
военный округ
в 1945—1953 гг.

Национальные
воинские
формирования
русской армии
периода Первой
мировой войны

Крымская ошибка
Манштейна

Подготовка кадров
для автомобильных
частей русской армии
в начале XX века

Особый отдел ВЧК
против 2-го отдела
польского генштаба:
ликвидация
резидентуры «Сверц»
в 1920 году

Гибель Краковской
республики

Военные
эксперименты
великого
дрессировщика
В.Л. Дурова в период
Первой мировой
войны

ISSN-0321-0626

Медсестра и раненый солдат на поле боя
Открытка начала XX в.
Художник А.А. Лавров

8 марта — Международный женский день
27 марта — День внутренних войск МВД России

МЫ ТЕБЯ НЕ ЗАБЫЛИ, РИММА!

Орден Св. Георгия 4-й степени
Фирма «Эдуард», Санкт-Петербург, 1908–1916 гг.
Золото, эмаль

Гимназистка Римма Иванова

Римма, сестра милосердия

22 СЕНТЯБРЯ 2015 года (9 сентября по ст. ст.) исполнилось 100 лет со дня гибели Риммы Михайловны Ивановой, 21-летней сестры милосердия. Она стала третьей женщиной после императрицы Екатерины II и королевы Обеих Сицилий Марии-Софии-Амалии и единственной в России посмертно удостоенной высокой офицерской боевой награды — ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4 степени — за воинский подвиг в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. Наградили её по личному соизволению императора Николая II, нарушившего статут ордена в виде исключения.

Римма Иванова родилась в Ставрополе 15 (27 по нов. ст.)* июня 1894 года в семье казначея Ставропольской духовной консистории, училась в городской Ольгинской гимназии, где была одной из лучших учениц. С юных лет для неё были характерны общительность, смелость и целеустремлённость. На последнем году обучения гимназистка Иванова спасла утопавшего в пруду мальчика, бросившись в воду не раздумывая ни секунды.

После окончания гимназии Римма стала работать учительницей в земской школе, но вспыхнувшая война заставила её изменить свои жизненные планы. Римма возвратилась в родной Ставрополь, окончила там курсы медсестёр и поступила на работу в госпиталь для больных и раненых воинов, а затем, несмотря на протесты родителей, в январе 1915 года добровольно отправилась на фронт, чтобы оказывать помощь русским воинам на полях сражений.

Под именем Ивана Михайлова Римма зачислилась в 83-й пехотный Самурский полк на должность санитаря. Вскоре её разоблачили, однако командование полка, проникшись уважением к молодой девушке, позволило ей продолжить службу под настоящим именем.

Молодая хрупкая Римма самоотверженно бросалась туда, где ждали её помощи. Во время кровопролитных боёв в Карпатах она получила свою первую награду — Георгиевскую медаль 4-й степени за вынос с поля боя раненого прапорщика Гаврилова. Вторую медаль — за спасение прапорщика Соколова и восстановление повреждённой линии связи.

В июле 1915 года Римма съездила в отпуск навестить тяжело заболевшего отца, а затем снова вернулась на фронт, но уже в 105-й пехотный Оренбургский полк, в котором младшим военврачом служил её родной брат Владимир. Однако он не смог удержать сестру при полковом лазарете. Римма снова отправилась на передовую, где в первых же боях заслужила Георгиевский крест 4-й степени за спасение раненого командира полка полковника А.А. Граубе. За время пребывания на фронте ей удалось вынести из-под огня около 600 раненых солдат и офицеров.

* Далее в тексте все даты даны по старому стилю.

Памятная доска на здании гимназии

9 сентября 1915 года Оренбургский полк участвовал в тяжёлых боях в ходе Свенцянского прорыва немцев. Римма, как всегда, находилась на передовой, спасая жизни пострадавшим. В ходе боя у села Доброславка (севернее города Пинска в Белоруссии) в 10-й роте погибли оба офицера, солдаты растерялись и стали отступать.

И тогда впереди поредевшей русской цепи показалась маленькая фигурка в сером холстинном платье с красным крестом на переднике.

— Братцы, за мной!..

Это было так неожиданно, что солдаты растерялись. А когда поняли, что на вражеские окопы бежит их любимая «святая Римма», рванулись за ней в штыки с громовым «ура!».

Руководимые сестрой милосердия, солдаты выбили противника из окопов и захватили вражескую позицию, но сама Римма при этом была смертельно ранена разрывной пулей в бедро и скончалась на руках бойцов. По словам очевидцев, перед смертью она прошептала: «Боже, спаси Россию...» и перекрестила окруживших её рыдающих солдат.

Тело девушки 24 сентября было доставлено в её родной город Ставрополь, и 26 сентября при огромном стечении народа погибшая была торжественно, с воинскими почестями похоронена в ограде Свято-Андреевского храма.

Командование полка, поддержанное командиром дивизии, ходатайствовало о награждении Р.М. Ивановой офицерским орденом Святого Георгия 4-й степени (посмертно). Но Римма не была военнослужащей, поэтому командующий фронтом сделал соответствующий доклад на имя императора. И Николай II сделал исключение из правил. Указ о посмертном награждении героини был опубликован через месяц.

До революции для увековечения памяти Риммы Ивановой местные власти учредили стипендии её имени в фельдшерской школе, Ольгинской женской гимназии и земской школе села Петровское. Революция, а затем гражданская война не позволили установить в Ставрополе памятник в её честь. Кладбище на территории Андреевского храма уничтожили. Имя национальной героини было предано забвению.

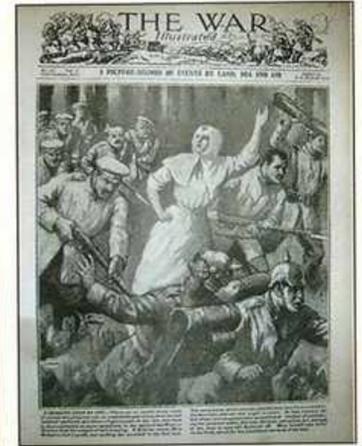
И только недавно память о Римме Ивановой вновь возродилась. В ограде храма Андрея Первозванного, ставшего кафедральным собором, было установлено скромное надгробие на предполагаемом месте захоронения. Ставропольская и Владикавказская епархия совместно с общественным благотворительным фондом «Мир и здоровье» и Союзом деловых женщин Ставрополя учредила премию «За жертвенность и милосердие» имени Риммы Ивановой.

Р.М. Иванова с полковыми товарищами

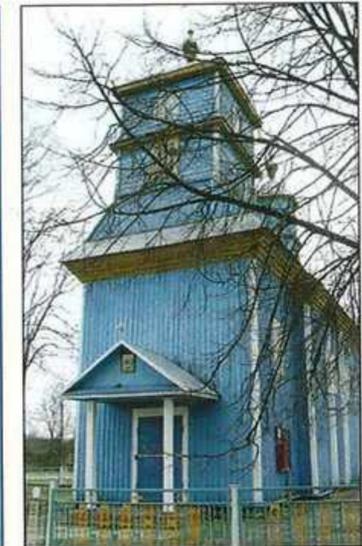
▲ Обложка журнала «Весь Мир» с сообщением о подвиге Риммы

▲ Подвиг Риммы Ивановой
Обложка английского журнала «The War illustrated» от 23 октября 1915 г.

▲ Храм, где отпевали Римму на фронте, сохранился до наших дней. На нём установлена памятная доска

▲ Похороны Риммы Михайловны Ивановой в Ставрополе 26 сентября 1915 г. возле Андреевской церкви

Могила Риммы Ивановой

▲ Георгиевский крест IV степени

▼ Георгиевская медаль IV и III степеней

«ИДЕЯ, ПРЕДЛОЖЕННАЯ В.Л. ДУРОВЫМ, ЗАСЛУЖИВАЕТ БОЛЬШОГО ВНИМАНИЯ...»

Памятник В.Л. Дурову на Новодевичьем кладбище в Москве

Памятная марка о В.Л. Дурове

«На перекрёстке эпох». Портрет дрессировщика В.Л. Дурова
Художник О.Ю. Кондратьева
Музей театра «Уголок дедушки Дурова», Москва

В.Л. Дуров с морским львом в своей лаборатории

ВЕЛИКИЙ русский дрессировщик Владимир Леонидович Дуров учился в гимназии, хотя с раннего детства мечтал о цирке. Оставив дальнейшее обучение, он в 16 лет осуществил своё желание. В 1915 году, когда Первая мировая война 1914—1918 гг. была в самом разгаре, а имя Дурова гремело по всей России, он обратился в Морское ведомство с крайне неожиданным предложением.

С помощью отработанных в цирке методик дрессировки Владимир Леонидович решил подготовить дельфинов и тюленей для борьбы с немецкими подлодками и плавучими минами — обучить морских животных, можно сказать, сапёрному делу за короткий срок. Вскоре были подготовлены до 20 боевых морских животных. На контрольных испытаниях питомцы дрессировщика показали высокие результаты. Появились конкретные планы использования отряда морских животных против немцев и турок на Чёрном море. Однако в результате диверсии, осуществлённой предположительно германской разведкой, все млекопитающие погибли.

Подробнее о работе знаменитого дрессировщика В.Л. Дурова по подготовке и использованию морских животных в решении сложных военно-морских задач читайте в статье А.В. Петровичина и В.С. Ухаровой «Морской штаб находит предложение Дурова весьма полезным...». Военные эксперименты великого дрессировщика в период Первой мировой войны».

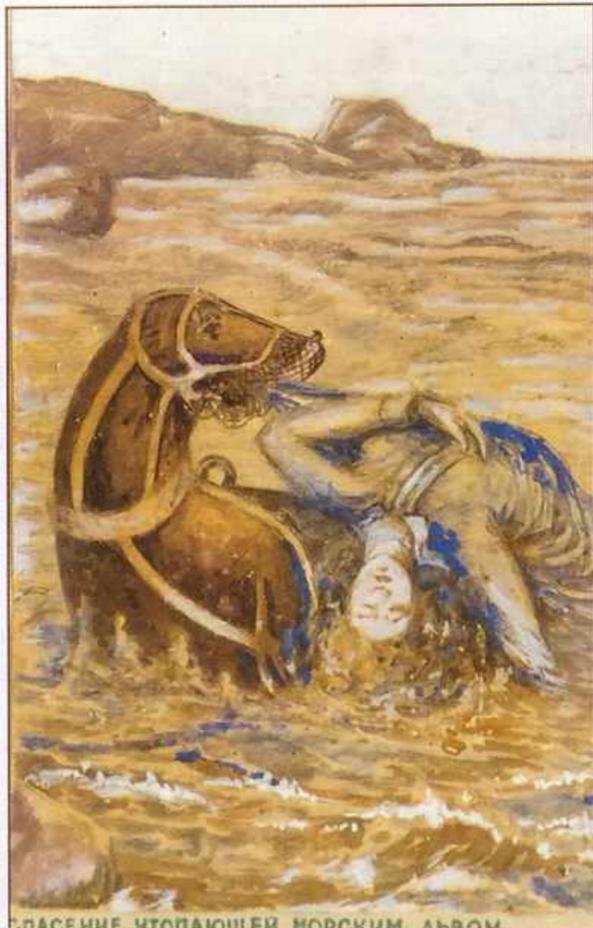

Макет боевого дельфина в научной лаборатории

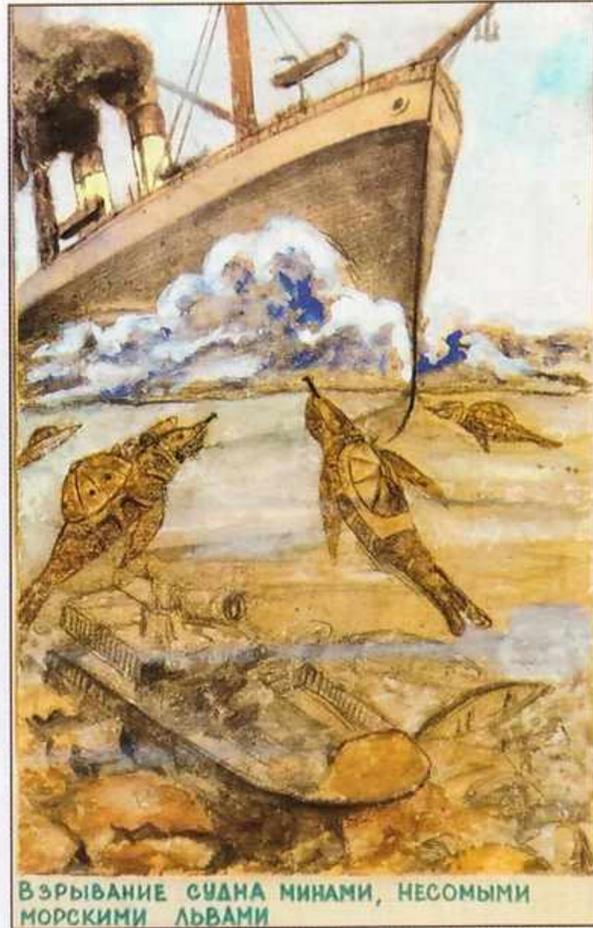

СРЕЗАНИЕ МИН МОРСКИМИ ЛЬВАМИ

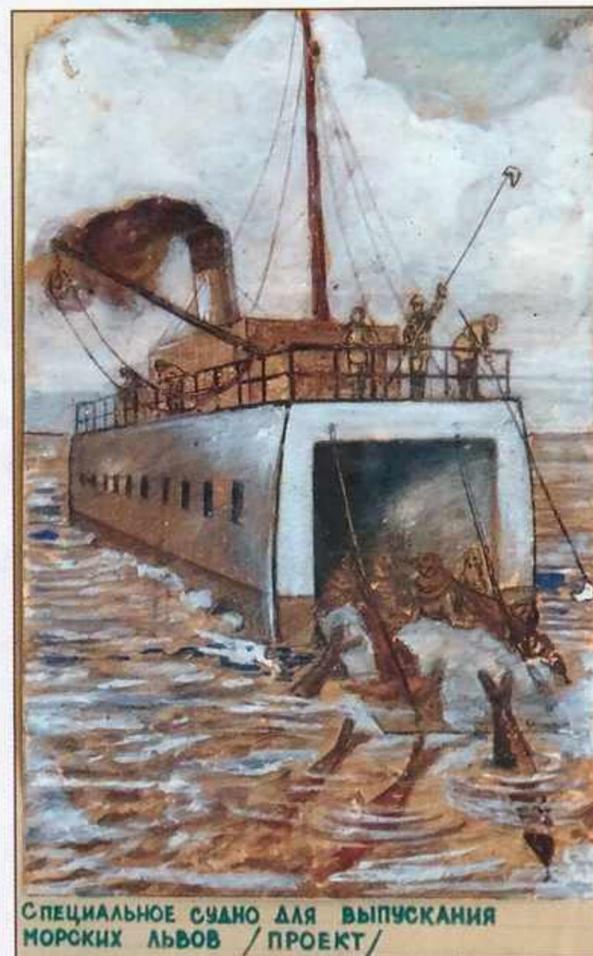
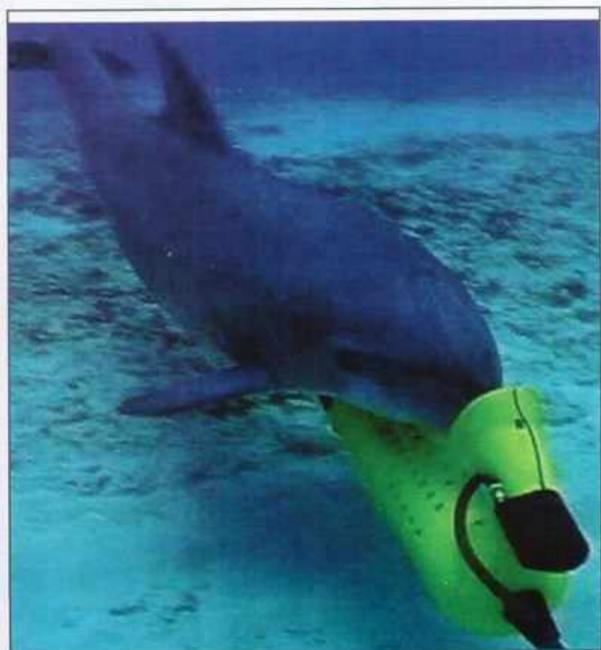

СПАСЕНИЕ УТОПАЮЩЕЙ МОРСКИМ ЛЬВОМ

ВЗРЫВАНИЕ СУДНА МИНАМИ, НЕСОМЫМИ МОРСКИМИ ЛЬВАМИ

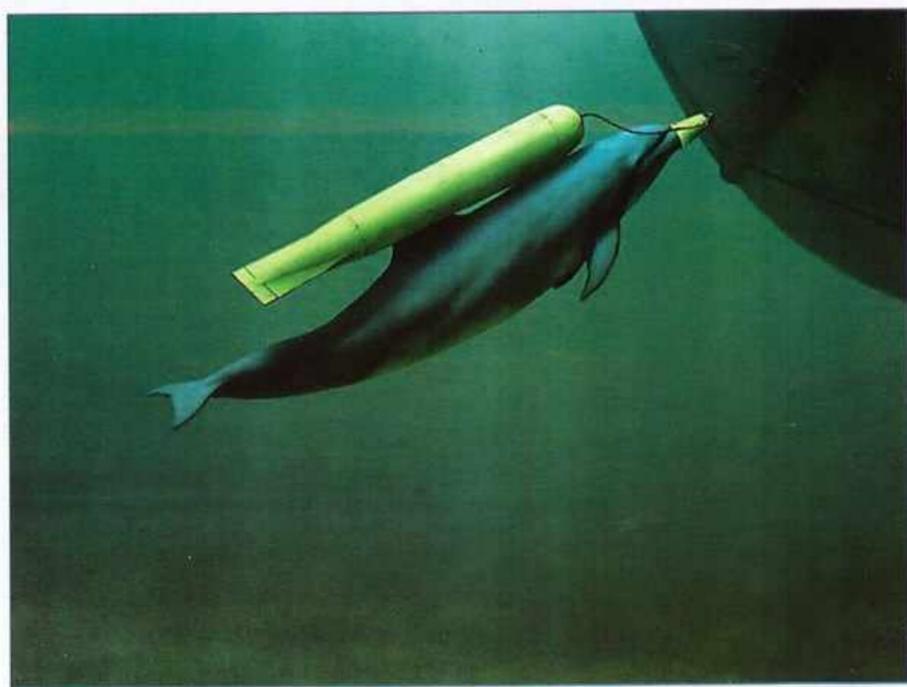
Авторские рисунки В.Л. Дурова по тренировке морских животных для военных целей

СПЕЦИАЛЬНОЕ СУДНО ДЛЯ ВЫПУСКАНИЯ МОРСКИХ ЛЬВОВ /ПРОЕКТ/

Читайте в номере

В наше время научные работы с морскими животными проводят многие страны

УСТАВ ВОИНСКИЙ 1716 ГОДА

300 лет военно-правовому документу Петра I

Пётр I со знаком ордена Св. Андрея Первозванного на голубой андреевской ленте и звездой на груди
Художник Ж.-М. Натье, 1717 г.

Воинский артикул Петра I
Рукопись второй половины XVIII в.
Троице-Сергиева лавра.
Фонд собрания «Прочие» библиотеки
Московской духовной академии

Гренадер лейб-гвардии Преображенского полка 1705—1720 гг.
Художник Д.Н. Кардовский
Почтовая карточка, около 1909 г.

Солдаты лейб-гвардии Преображенского полка 1700—1720 гг.
Художник В.В. Висковатов

В РОССИИ воинские уставы действовали с XVI века. Это «Боярский приговор о станичной сторожевой службе» (1571 г.), «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» (1607 и 1621 гг.), «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (1647 г.), Воинский устав царя Алексея Михайловича 1649 года.

Создавая регулярную армию по европейским образцам, Пётр Великий обратился к изучению западноевропейских военных кодексов. До 1716 года выходили различные артикулы воинские, корабельные и прочие, над которыми трудились сподвижники Петра I — А.А. Вейде, Я.В. Брюс, А.А. Виниус. Только после глубокого и всестороннего изучения иностранных источников, после значительного числа проектов, над исправлением и совершенствованием которых Пётр I работал в течение нескольких лет, его военное законодательство приняло окончательную форму.

Военный устав, утверждённый 10 апреля (30 марта по ст. ст.) 1716 года при Данциге, является одним из основных документов, положенных в основу реформ юридической системы Российской империи. Труд включает сам Воинский устав из 68 глав, в котором изложены военно-учредительные законы, и три приложения:

— «Артикул воинский», официально изданный 6 мая (25 апреля по ст. ст.) 1715 года (хотя на титуле печатного издания стоит иная дата) военно-уголовный кодекс (с кратким толкованием без общей части, в основном излагал наказания за воинские преступления). Состоит из 209 статей-артикулов;

— «Краткое изображение процесса или судебных тяжб», изданный в 1715 году военный уголовно-процессуальный кодекс (три части и 14 глав);

— О экзерциции (или учении), о приготовлении к маршу, о званиях и о должности полковых чинов (три части).

Только со времени появления Воинского устава следует считать учреждение регулярного войска в России свершившимся историческим фактом. С принятием к руководству этого важного документа армия получила единство, организацию и законы соответственно требованиям и условиям военного искусства того времени. По своему значению Воинский устав 1716 года является одним из важнейших памятников законодательства не только в военной истории России — он оказал несомненное влияние на всё дальнейшее развитие нашего уголовного права.

Воинский устав для производства был разослан в войска, по губерниям и канцеляриям. Воинский артикул действовал вплоть до правления императора Николая I, когда был введён Свод законов Российской империи.

Артикул воинский
Печатное издание 1715 г.

Основан
в августе 1939 года

УЧРЕДИТЕЛЬ

Министерство
обороны
Российской
Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

МАРТ

№3 (671)
2016

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор

ЧАХУХ
Игорь Мадиевич,
полковник запаса

Заместитель главного редактора

АВЕРЧЕНКО
Сергей Викторович,
подполковник запаса,
кандидат исторических наук

Научные редакторы

А.Л. БОЧАРОВА;
Е.В. ДОБЫЧИНА,
кандидат исторических наук;
В.А. ЕВДОКИМОВ,
подполковник запаса;
Н.Ф. КОВАЛЕВСКИЙ,
полковник запаса,
кандидат философских наук,
старший научный сотрудник;
С.В. МАНИУКОВ,
полковник запаса;
В.Г. ОПОКОВ,
капитан 1 ранга в отставке;
А.В. ОСТРОВСКИЙ;
А.В. ПЕТРОЧИН;
С.П. СИДОРОВ,
полковник запаса

Ответственный секретарь

М.В. ЗАБРОДИНА

Секретариат

Е.В. КРИГЕР;
А.А. ЛАНЦОВА;
А.А. ПИМЕНОВ,
полковник в отставке;
Ю.В. СНЕГОВА

Литературная редакция

Н.И. ВАХРОМЕЕВА;
А.Н. ГОНЧАРОВА;
А.М. ПЕТРОВ,
полковник запаса

Художественные редакторы

Л.П. ДЕМАХИНА;
И.В. НЕДОСТОЕВА

Заведующая редакцией

М.П. МОИСЕЕВА

Перевод

В.С. СИДОРОВ

Компьютерная вёрстка

Е.Н. КУЗНЕЦОВА;
М.А. МАГАКЯН

Адрес для переписки:
119160, Москва, Хорошёвское шоссе, 38 Д, редакция «Военно-исторического журнала».
Тел.: (495) 693-57-45,
8-906-751-06-97.

Электронная версия «Военно-исторического журнала» — на сайте www.history.milportal.ru, на сайте Министерства обороны РФ www.mil.ru и на сайте Научной электронной библиотеки www.elibrary.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.И. БАСИК — начальник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, полковник запаса, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва)
I.I. BASIK — the Chief of the Research Institute (of Military History) of the Military Academy of the General Staff of the RF Armed Forces, Colonel (res.), Cand. Sc. (History), Senior Researcher (Moscow)

А.А. БУДКО — начальник Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы запаса, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач РФ (Санкт-Петербург)
A.A. BUDKO — the Chief of the Military Medical Museum of the Russian Defence Ministry, Colonel (med. service, res.), D. Sc. (Medicine), Professor, Honoured Doctor of Russia (St. Petersburg)

И.О. ГАРКУША — директор Российского государственного военно-исторического архива, заслуженный работник культуры РФ (Москва)
I.O. GARKUSHA — the Director of the Russian State Military Historical Archives, Honoured Worker of Culture of the Russian Federation (Moscow)

Е.Ю. ГУСЬКОВА — руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)
Ye.Yu. GUSKOVA — the Director of the Centre for the Studying the Balkans crisis of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (History) (Moscow)

И.С. ДАНИЛЕНКО — ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра (научного руководителя фундаментального многотомного труда «Великая Отечественная война 1941—1945 годов») Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, генерал-майор в отставке, доктор философских наук, профессор (Москва)

I.S. DANYLENKO — Leading Researcher of the Research Centre (Scientific Supervisor of the academic multi-volume work "The Great Patriotic War of 1941—1945") of the Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Major-General (ret.), D. Sc. (Philosophy), Professor (Moscow)

А.А. ЗДАНОВИЧ — советник Генерального директора Всероссийской государственной телерадиокомпании, генерал-лейтенант запаса, доктор исторических наук (Москва)

A.A. ZDANOVICH — the Adviser to the General Director of the All-Russian State TV and Radio Broadcasting Company, Lieutenant-General (res.), D. Sc. (History) (Moscow)

А.В. КИРИЛИН — начальник Управления делами Аппарата Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, генерал-майор запаса, кандидат исторических наук (Москва)

A.V. KIRILIN — the Chief of the Administrative Department of the Office of the Central Election Commission of the Russian Federation, Major-General (res.), Cand. Sc. (History) (Moscow)

Г.Ф. КРИВОШЕЕВ — консультант Управления МО РФ по увековечению памяти погибших при защите Отечества, генерал-полковник в отставке, кандидат военных наук (Москва)

G.F. KRIVOSHEEV — the Consultant of the RF Defence Ministry's Administration on perpetuation of the memory of those perished in protecting the Fatherland, Colonel-General (ret.), Cand. Sc. (Military) (Moscow)

В.М. КРЫЛОВ — директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, полковник запаса, доктор исторических наук (Санкт-Петербург)

V.M. KRYLOV — the Director of the Military Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Communications Troops, Colonel (res.), D. Sc. (History) (St. Petersburg)

В.Н. КУЗЕЛЕНКОВ — директор Российского государственного военного архива (Москва)

V.N. KUZELENKOV — the Director of the Russian State Military Archives (Moscow)

А.И. КУЗНЕЦОВ — директор Историко-документального департамента Министерства иностранных дел РФ, кандидат исторических наук (Москва)

A.I. KUZNETSOV — the Director of Historical Documents Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Cand. Sc. (Moscow)

Г.А. КУМАНЁВ — руководитель Центра военной истории России, главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, академик РАН, профессор (Москва)

G.A. KUMANOV — the Director of the Centre of Military History of Russia, Chief Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Academician of the RAS, Professor (Moscow)

С.В. МИРОНЕНКО — директор Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук (Москва)

S.V. MIRONENKO — the Director of the State Archives of the Russian Federation, D. Sc. (History) (Moscow)

Н.И. НИКИФОРОВ — заместитель начальника Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ по научной работе, полковник запаса, кандидат исторических наук (Москва)

N.I. NIKIFOROV — the Deputy Chief of the Research Institute (of Military History) of the Military Academy of the RF Armed Forces' General Staff for Research, Colonel (res.), Cand. Sc. (Moscow)

А.К. НИКОНОВ — директор Центрального музея Вооружённых сил, полковник запаса (Москва)

A.K. NIKONOV — the Director of the Central Museum of the Armed Forces, Colonel (res.) (Moscow)

Э.А. ПАДЕРИН — начальник Архивной службы Вооружённых сил Российской Федерации, полковник (Москва)

E.A. PADERIN — Head of the Archival service of the Russian Armed Forces, Colonel (Moscow)

И.А. ПЕРМЯКОВ — начальник Центрального архива МО РФ, полковник запаса, заслуженный работник культуры РФ, кандидат исторических наук (г. Подольск Московской области)

I.A. PERMYAKOV — the Chief of the Central Archives of the Russian Defence Ministry, Colonel (res.), Honoured Worker of Culture of Russia, Cand. Sc. (History) (the city of Podol'sk, Moscow Region)

Ю.А. ПЕТРОВ — директор Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

Yu.A. PETROV — the Director of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (History) (Moscow)

М.Р. РЫЖЕНКОВ — директор Российского государственного архива древних актов, кандидат исторических наук (Москва)

M.R. RYZHENKOV — the Director of the Russian State Archives of Ancient Acts, Cand. Sc. (History) (Moscow)

А.Н. САХАРОВ — советник Российской академии наук, член-корреспондент РАН, профессор (Москва)

A.N. SAKHAROV — the Adviser of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow)

В.С. ХРИСТОФОРОВ — начальник Управления регистрации и архивных фондов ФСБ РФ, генерал-лейтенант, доктор юридических наук (Москва)

V.S. KHRISTOFOROV — the Chief of the Administration of Registration and Archival Funds of the RF Federal Security Service, Lieutenant-General, D. Sc. (Law) (Moscow)

А.О. ЧУБАРЬЯН — научный руководитель Института всеобщей истории Российской академии наук, академик РАН, профессор (Москва)

A.O. CHUBARYAN — Scientific leader of the Institute of Global History of the Russian Academy of Sciences, Academician of the RAS, Professor (Moscow)

В.Е. ЧУРОВ — председатель Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, председатель Научного совета Российского военно-исторического общества (Москва)

V.Ye. CHUROV — Chairman of the Central Election Commission of the Russian Federation, Chairman of the Scientific Council of the Russian Military-Historical Society (Moscow)

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Министерства образования и науки РФ «Военно-исторический журнал» включён

в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

Мы тебя не забыли, Римма! <i>We have not forgotten you, Rimma!</i>	2-я стр. обл.
---	------------------

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

«Идея, предложенная В.Л. Дуровым, заслуживает большого внимания...» <i>"The idea suggested by V.L. Durov deserves a lot of attention..."</i>	2-я стр. цв. вкл.
---	----------------------

ВОЕННАЯ РЕФОРМА

Устав воинский 1716 года <i>Military Regulations of 1716</i>	4-я стр. цв. вкл.
---	----------------------

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

С.Л. ТАШЛЫКОВ, А.А. КОРЯКОВЦЕВ — Создание и развитие отечественных подводных сил S.L. TASHLYKOV, A.A. KORYAKOVTSSEV — <i>Creation and development of the Russian submarine forces</i>	3
--	---

В.М. ПЕТРЕНКО — Забайкальско-Амурский (Забайкальский) военный округ в 1945—1953 гг. V.M. PETRENKO — <i>Trans-Baikal-Amur (Trans-Baikal) Military District in 1945—1953</i>	10
---	----

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

А.В. ОЛЕЙНИКОВ — Национальные воинские формирования русской армии периода Первой мировой войны A.V. OLEYNIKOV — <i>National military formations of the Russian army during World War I</i>	18
---	----

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.

А.В. ИСАЕВ — Крымская ошибка Манштейна A.V. ISAYEV — <i>The Crimean error of Manstein</i>	27
--	----

ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

Г.Г. СЕДОВ — Подготовка кадров для автомобильных частей русской армии в начале XX века G.G. SEDOV — <i>Cadre training for automobile units of the Russian army at the beginning of the twentieth century</i>	31
---	----

НЕИЗВЕСТНОЕ ИЗ ЖИЗНИ СПЕЦСЛУЖБ

А.А. ЗДАНОВИЧ — «Помогли не угрозы... а сила аргументов». Особый отдел ВЧК против 2-го отдела польского генштаба: ликвидация резидентуры «Сверщ» в 1920 году A.A. ZDANOVICH — <i>"No threats were helpful... but the force of arguments". The CHEKA's special department against the 2nd Department of the Polish General Staff: elimination of the residency "Svershch" in 1920</i>	37
---	----

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

А.Р. СОКОЛОВ — Гибель Краковской республики A.R. SOKOLOV — <i>The death of the Krakov Republic</i>	43
---	----

ЗАБЫТОЕ ИМЯ

С.С. БЛИЗНИЧЕНКО — «Энергичный, твёрдый и настойчивый работник» S.S. BLIZNICHENKO — <i>"Energetic, hard and persevering worker"</i>	50
--	----

АРМИЯ И ОБЩЕСТВО

А.В. ПЕТРОЧИНИН, В.С. УХАРОВА — «Морской штаб находит предложение Дурова весьма полезным...». Военные эксперименты великого дрессировщика в период Первой мировой войны A.V. PETROCHININ, V.S. UKHAROVA — <i>"Naval Staff considers Durov's proposal to be very useful ...". Military experiments of the great animal trainer during World War I</i>	54
---	----

ЖЕНЩИНЫ В АРМИИ

В.И. ШАЙКИН — «10 пробоин из 10 возможных за 57 секунд...». Подготовка женщин — командиров стрелковых подразделений в годы Великой Отечественной войны V.I. SHAYKIN — <i>"10 holes out of 10 possible ones in 57 seconds..."</i> . <i>Training of women commanders of rifle divisions during the Great Patriotic War</i>	62
---	----

ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ МЕДИЦИНЫ

С.А. КУСКОВ — Эвакогоспитали Урала в 1945 году. Участие в санитарном обеспечении Красной армии в ходе Советско-японской войны S.A. KUSKOV — <i>Evacuation hospitals Urals in 1945. Participation in the sanitation of the Red Army during the Soviet-Japanese War</i>	65
--	----

НА РУБЕЖАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

И.В. ТОРОПИЦЫН — «За полтора часа до свету пришли на город Терек неприятельские люди» I.V. TOROPITSYN — <i>"Enemy people came nearer to the city Terek the hour and a half before the first light"</i>	70
---	----

ВОСПОМИНАНИЯ И ОЧЕРКИ

И.В. ЗИМИН — Камер-казаки императрицы Александры Фёдоровны I.V. ZIMIN — <i>Court Cossacks of the Empress Aleksandra Fyodorovna</i>	74
---	----

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННОГО ОБМУНДИРОВАНИЯ И СНАРЯЖЕНИЯ

А.В. ПЕЧЕЙКИН — От кирасы к бронежилету A.V. PESHEYKIN — <i>From cuirass to body armour</i>	76
--	----

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННОГО ОБМУНДИРОВАНИЯ И СНАРЯЖЕНИЯ

Пуленепробиваемые доспехи <i>Bullet-proof body armour</i>	3-я стр. обл.
--	------------------

ПО СТРАНИЦАМ РЕДКИХ ИЗДАНИЙ

Основной вид вооружения по ленд-лизу <i>The main type of armaments under Lend-Lease</i>	4-я стр. обл.
--	------------------

С.Л. ТАШЛЫКОВ,
А.А. КОРЯКОВЦЕВ

S.L. TASHLYKOV,
A.A. KORYAKOVTSSEV

СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПОДВОДНЫХ СИЛ

CREATION AND DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN SUBMARINE FORCES

Сведения об авторе. Ташлыков Сергей Леонидович — профессор кафедры истории войн и военного искусства Военной академии Генерального штаба ВС РФ, капитан 1 ранга в отставке, доктор исторических наук (Москва. E-mail: stashlykov@yandex.ru);

Коряковцев Алексей Анатольевич — профессор кафедры строительства и применения ВМФ Военной академии Генерального штаба ВС РФ, капитан 1 ранга, кандидат исторических наук (Москва. E-mail: rtm6711989@yandex.ru).

Аннотация. В статье раскрывается содержание процесса создания и строительства отечественных подводных лодок.

Ключевые слова: подводные силы; подводное кораблестроение; проекты и типы подводных лодок.

Information about author. Sergey Tashlykov — Professor of the Department of history of wars and military art Military Academy of the General Staff of the Russian Armed Forces, Captain 1 Rank, D. Sc. (Hist.) (Moscow. E-mail: stashlykov@yandex.ru);

Aleksey Koryakovtsev — Professor of the Department of the Navy's Build-up and Using, Military Academy of the General Staff of the Russian Armed Forces, Captain 1 Rank, Cand. Sc. (Hist.) (Moscow. E-mail: rtm6711989@yandex.ru).

Summary. The article reveals the process of creation and construction of domestic submarines.

Keywords: submarine forces; submarine shipbuilding; projects and classes of submarines.

Каждый год 19 марта военнослужащие и гражданский персонал подводных сил Военно-морского флота (ВМФ) Российской Федерации отмечают свой профессиональный праздник — День моряка-подводника, в нынешнем году — 110-летие подводных сил. Постоянный читатель журнала наверняка заметит, что первая подводная лодка (ПЛ) появилась в составе отечественного ВМФ в 1903-м, а тут вдруг — 1906-й. У читателя, естественно, возникнут вопросы: почему отсчёт «возраста» подводных сил ведётся с 1906 года и почему для празднования была выбрана именно эта дата?

Дело в том, что первые ПЛ относились к классу миноносцев¹, но 19 (6 по ст. ст.) марта 1906-го указом Николая II они были включены в классификацию судов военного флота как новый класс боевых кораблей — «подводные лодки». Это решение было закреплено в приказе по Морскому ведомству России, подписанном морским министром адмиралом А.А. Бирюлёвым². С той поры в Российской империи ежегодно отмечался вплоть до 1917 года День моряка-подводника. В советское время эта традиция как-то забылась, однако в РФ праздник был возрождён. 15 июля 1996 года главнокомандующий ВМФ России адмирал флота Ф.Н. Громов подписал приказ № 253, в котором предписывалось отмечать День моряка-подводника ежегодно 19 марта.

КАК боевые корабли ПЛ вступили в начальную стадию своего развития в конце XIX века. Следует отметить, что в этот период русские инженеры и изобретатели имели приоритет в отдельных областях подводного судостроения и вооружения. Так, в 1834 году по проекту К.А. Шильдера была построена опытная подлодка, впервые оснащённая перископом, шестовой миной, зажигательными и фугасными ракетами. В 1866-м И.Ф. Александровский построил первую в мире ПЛ с механическим двигателем, работавшим на сжатом воздухе. Однако Морское министерство не оказало изобретателю помощи в проведении необходимых испытаний. Шестнадцать лет спустя С.К. Девецкий создал проект первого в мире подводного судна с электрическим двигателем, работавшим от аккумуляторной батареи, но и он не заслужил должного внимания со стороны ведомственных чиновников.

В то же время изобретатели в других странах к началу XX века уже сумели реализовать подобные проекты с применением электромоторов, керосиновых и паровых двигателей. Во Франции была построена подлодка «Нарвал», схожая с той, которая могла бы получиться по проекту С.К. Девецкого. В Соединённых Штатах Америки после испытаний лодки, созданной по проекту Дж. Голланда, был разработан проект ПЛ «Голланд № 9», ставший на десятилетия эталонным. Значение «глубинных кораблей» оценили и в Англии, где по чертежам Голланда начали их серийную постройку.

Вскоре, ознакомившись глубже с «подводной» проблемой, Морское ведомство Российской империи начало проявлять обеспокоенность нашим явным отставанием в подводном судостроении. По решению Морского технического комитета (МТК) к весне 1901 года специально созданной комис-

М.Н. Беклемишев

Э.Н. Щенснович

сией под руководством корабельного инженера И.Г. Бубнова был разработан проект первой отечественной боевой подводной лодки (миноносец № 113, затем № 150, с 5 июня 1904 г. «Дельфин»), превосходившей по некоторым параметрам зарубежные аналоги. По объективным и субъективным причинам, связанным с необходимостью закупки корабельного оборудования за рубежом и отсутствием опыта подводного кораблестроения, создание ПЛ заняло более двух лет.

Первым командиром «Дельфина» стал один из авторов проекта М.Н. Беклемишев. 20 августа 1903 года императорская семья и высшие чины флота наблюдали за манёврами «Дельфина» на кронштадтском рейде. Однако военные руководители так и не смогли оценить перспективную роль нового вида оружия. Морское министерство отвергло все поступавшие предложения о постройке для России подводных лодок, поэтому «Дельфин» до начала Русско-японской войны (1904—1905 гг.) оставался единственной ПЛ, входившей в состав ВМФ³.

Начавшаяся война с Японией заставила Морское министерство изменить отношение к подводным лодкам. В феврале—марте 1904 года на Балтийском заводе были размещены заказы на строительство шести отечественных подводных лодок типа «Касатка». Невскому заводу выдали заказ на шесть ПЛ Голланда. На этом возможности российской судостроительной промышленности были исчерпаны, поэтому пришлось покупать готовые лодки за границей — в США (фирмы Голланда и С. Лэка) и Германии (завод Круппа). После ускоренной достройки и испытаний их частично разбирали и отправляли во Владивосток по железной дороге. Первой в сентябре 1904-го туда прибыла малая опытная лодка «Форель», подаренная России заводом Круппа по случаю заключения контракта. Остальные 13 ПЛ, закупленные за рубежом и построенные на российских заводах, были доставлены к месту назначения в период с ноября 1904 по март 1905 года⁴. В ходе боевых действий они несли дозорную службу в районе островов Русского и Аскольда, и, хотя потерь от их действий противник не имел, японцы вынуждены были считаться с новой возникшей угрозой. Само присутствие русских ПЛ на морском театре ограничивало свободу действий японских кораблей, которые при обнаружении наших ПЛ предпочитали срочно покинуть опасный район⁵.

Выделение нового класса боевых кораблей в самостоятельный явилось своего рода признанием

их широких возможностей для ведения вооружённой борьбы на море. Вслед за этим последовало создание соответствующего Учебного отряда, который все последующие годы существования Российского императорского флота был не только школой «для обучения чинов флота подводному плаванию», но и центром формирования рекомендаций по разработке новых планов и проектов судостроения. Командиром отряда был назначен участник Русско-японской войны контр-адмирал Э.Н. Щенснович. Одновременно он исполнял должности заведующего подводным плаванием флота и председателя комиссии по испытанию и приёмке новых ПЛ.

С самого начала строительства новых лодок Э.Н. Щенснович возражал против их заказа за границей. В декабре 1905 года он направил морскому министру записку о необходимости строить подводные лодки на отечественных предприятиях по проектам русских инженеров. В записке, в частности, отмечалось: «Неужели нам и в этом деле быть позади иностранцев и давать им возможность учиться, как нас побеждать, на наши же средства? А заказ лодок за границей и даже строительство в России заграничных типов к этому приводит... Мы имеем уже таких опытных руководителей постройкой подводных лодок, как Беклемишев и Бубнов. Появляются проекты новых лодок И.А. Гаврилова, Л.И. Мациевича. Так неужели бросать это дело?»⁶.

Обвинения Щенсновича имели под собой основу. Так, верфь Круппа «Германия» до получения русского заказа никогда раньше не занималась строительством подводных лодок, за исключением экспериментальной малой ПЛ «Форель». Именно русский заказ дал старт последующему стремительному развитию германского подводного судостроения. Фирмы Голланда и Лэка при заключении контрактов в 1904 году сумели добиться для себя самых выгодных условий. После окончания боевых действий Морское министерство России продолжало сохранять тесные контакты с американскими и немецкими фирмами. В результате за первое пятилетие после войны с Японией из одиннадцати ПЛ, полученных флотом, только две («Минога» и «Акула») были построены по проектам И.Г. Бубнова на Балтийском заводе⁷. Вместе с тем опыт их использования подтвердил необходимость постройки более крупных кораблей этого класса с большим радиусом действия и усиленным вооружением.

С 1911 года в развитии подводных сил России начался новый этап, который характеризовался постепенным переходом к строительству подводных лодок преимущественно отечественных проектов. Отделению Балтийского завода в Николаеве были заказаны три ПЛ типа «Морж», дальность плавания которых в 3—4 раза превышала этот показатель прежних подводных кораблей. На Балтийском заводе в Санкт-Петербурге и верфях акционерного общества «Ноблесснер» («Нобель — Лесснер») в Ревеле (Таллин) началось строительство 18 ПЛ типа «Барс»⁸. Оба проекта были разработаны И.Г. Бубновым, что свидетельствовало о постепенном вытеснении зарубежных заказов из российских планов подводного судостроения. Однако полностью отказаться от использования иностранных разработок не удалось. Так, отделению Невского

завода в Николаеве была заказана подводная лодка «Нарвал» по проекту американской фирмы «Голланд». Кроме того, часть корабельного оборудования Россия продолжала закупать за границей. В результате с началом Первой мировой войны (1914—1918 гг.) находившиеся в постройке отечественные ПЛ остались без дизельных двигателей, заказанных в Германии. В этих условиях Морское министерство вынуждено было отдать распоряжение об установке на строившихся кораблях дизелей, снятых с амурских канонерских лодок, а также о закупке двигателей в Америке. Как тут не вспомнить проблемы импортозамещения, которые приходится решать российскому военно-промышленному комплексу, но уже в наше время, после введения Западом так называемых санкций.

На 1 июля 1914 года в составе Российского ВМФ числилось 48 подводных лодок. В ходе войны их действия приобретали всё большее значение. Выявилась необходимость пополнения состава подводных сил Балтийского и Черноморского театров. В этих целях в дополнение к строившимся на отечественных заводах подводным лодкам были закуплены 11 единиц американской фирмы «Голланд». Они были доставлены в Россию в виде секций, собирались в Петрограде и Николаеве и получили наименование «АГ» (Американский Голланд). В годы Первой мировой войны, действуя на Чёрном и Балтийском морях, русские подводные лодки потопили четыре боевых корабля и около 40 грузовых судов противника. По этим показателям они практически сравнялись с нашими надводными кораблями⁹.

Октябрьская революция (1917 г.), затем Гражданская война и интервенция (1917—1920 гг.) развели наших соотечественников по разные стороны фронта. Но если на Балтике большая часть подводных лодок перешла под контроль советского руководства и вошла в состав Рабоче-крестьянского Красного флота (РККФ), то на Чёрном море и в дальневосточных водах они были захвачены интервентами, а впоследствии затоплены или уведены в заграничные порты. Всего (с учётом боевого урона) флот потерял 26 ПЛ. Из оставшихся кораблей лишь небольшая часть была боеспособной. С апреля 1920 года началось возрождение сил флотов путём восстановительного ремонта и достройки сохранившихся на стапелях кораблей¹⁰.

Планомерному процессу строительства советского флота способствовало постановление Совета народных комиссаров от 24 марта 1921 года «О государственном судостроении». Морской подкомиссией Центральной комиссии по воссозданию военной и морской промышленности были определены требования к будущим проектам подводных лодок. Однако финансовые и экономические проблемы, а также межведомственные разногласия мешали решению этого вопроса. «Программа строительства Морских сил РККА» была утверждена Советом труда и обороны СССР только в ноябре 1926-го. Её выполнение предусматривало строительство 12 подводных лодок в течение 1928—1932 гг. Столь скромные запросы объясняются неоднозначным отношением к флоту командования РККА, которое считало, что флот — явное излишество для континентальной страны. В этой связи бюджетные ассигнования на ВМФ с 1923 по 1927 год не превышали 13 проц. рас-

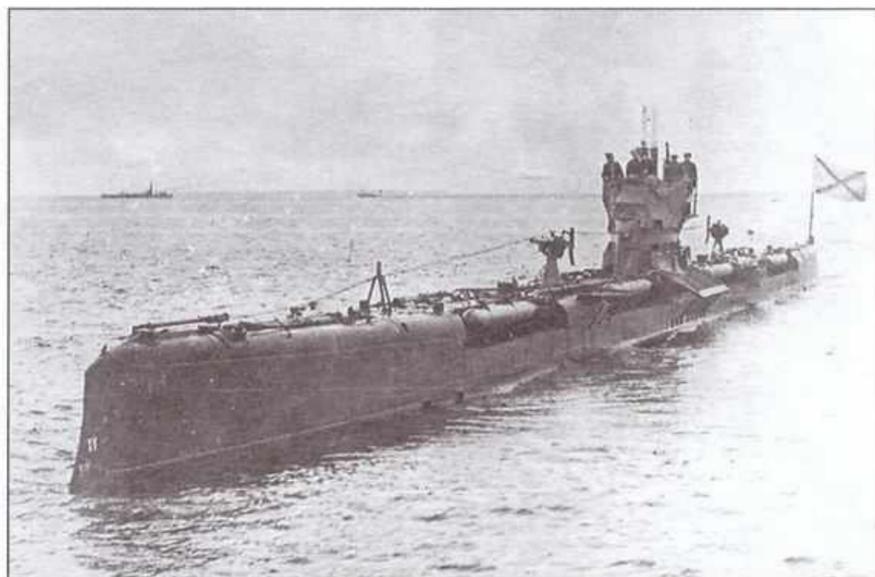

Первая отечественная боевая подводная лодка «Дельфин»

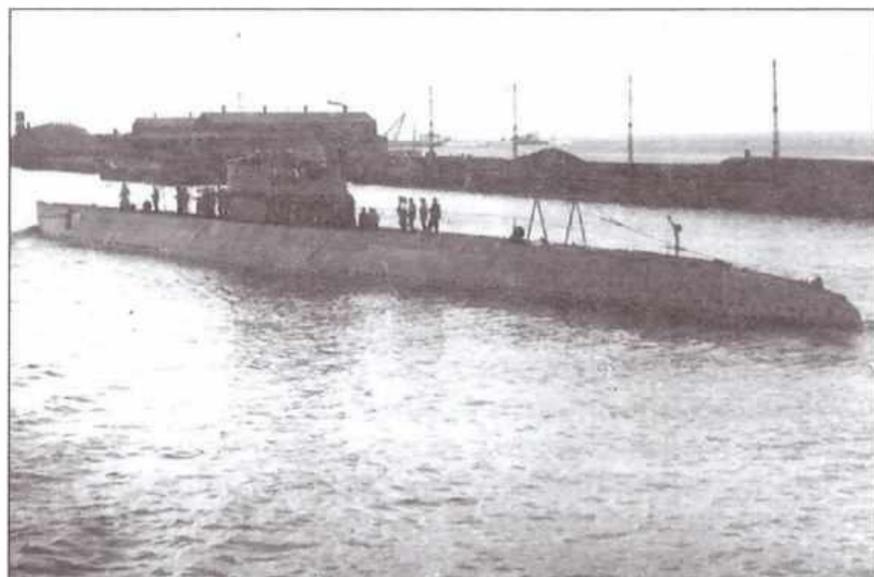
ходов на армию, а расходы на кораблестроение и вооружение 8 проц. затрат на сухопутные силы. К тому же доля флота в расходах на оборону имела тенденцию к снижению¹¹. В итоге за первую пятилетку (1928—1932 гг.) в строй вошли только шесть ПЛ I серии типа «Декабрист», созданных по проекту Технического бюро № 4 Балтийского завода под руководством Б.М. Малинина.

Вместе с тем в этот период вероятные противники в будущей войне наращивали свои морские силы. Германская промышленность была готова развернуть массовое строительство кораблей. Финский и румынский флоты пополнились новыми надводными кораблями и подводными лодками. На Дальнем Востоке Япония ввела в строй около 30 больших кораблей и 10 ПЛ. В этой связи оперативно-стратегическое обоснование программы развития ВМС РККА на вторую пятилетку (1933—1937 гг.) исходило уже из необходимости «надёжной и активной обороны морских границ СССР на четырёх основных театрах (Балтийское и Чёрное моря, Дальний Восток, Север)». Постановлением Совета труда и обороны «О программе военно-морского строительства на 1933—1938 гг.» предусматривалось строительство 169 подводных лодок различных типов. При этом концепция развития подводных сил предполагала численный и качественный рост в первую очередь средних ПЛ.

Принятыми мерами удалось расширить судостроительную базу и ускорить строительство подводных лодок, заложенных в первую пятилетку. В 1933 году флот принял головную ПЛ II серии типа «Ленинец» (руководитель проекта Б.М. Малинин). К маю 1935-го строительство серии из пяти единиц было завершено. Усовершенствованный проект «Ленинца» был реализован при постройке шести больших ПЛ серии II-бис (позднее XI серия). Они вступили в строй в конце 1936 года. Одновременно с проектированием и строительством «Ленинцев» в Техбюро № 4 создавались средние подводные лодки III серии. Головная ПЛ «Щука», давшая наименование всей серии, вступила в строй в октябре 1933-го. Примечательно то, что параллельно с разработкой базового проекта коллектив Техбюро работал по усовершенствованию «щук». Это вылилось в создание нескольких новых серий ПЛ. Так, проект лодок «Щука-А» был отнесён к V серии. По этому проекту для Дальнего Востока в крайне сжатые сроки на судостроительных заводах Ле-

Подводная лодка «Львица» типа «Барс»

Первая подводная лодка советской постройки «Декабрист»

нинграда к сентябрю 1934 года было построено 12 лодок. Секции построенных корпусов грузились на железнодорожные транспортёры и доставлялись во Владивосток и Хабаровск, где и производилась их сборка.

С учётом необходимости срочного серийного строительства сравнительно дешёвых подводных лодок после внесения некоторых изменений в проект строительство было продолжено. Этот вариант проекта отнесли к V-бис серии. По нему было построено 14 подводных лодок, из которых 8 вошли в состав Морских сил Дальнего Востока. Последняя модификация этих подводных лодок — «Щука-Б» составила VIII серию из 13 единиц.

Создание новой средней подводной лодки IX и IX-бис серий осуществлялось с использованием иностранного опыта.

Параллельно со строительством отечественных ПЛ руководство управления Рабоче-крестьянского Красного флота искало пути закупки готовых лодок за границей или приобретения общих проектов. Весной 1933 года представилась возможность использовать германский опыт подводного судостроения. В качестве исполнителя советского заказа была избрана немецкая фирма «Дешимаг», которая в обход статей Версальского договора, запрещавшего строительство подводных лодок в Германии, развернула деятельность своего проектно-конструкторского бюро в Голландии. Фирма имела опыт подводного судостроения: в Испании по её проекту была создана средняя ПЛ E-1. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что представлялась возможность заказать зарубежным фирмам ряд лодочных механизмов и устройств: дизели, аккумуляторные батареи, главную ходовую электростанцию, электрокомпрессоры, эхолоты, насосы и другое оборудование. С фирмой «Дешимаг» был заключён договор, в котором предусматривались предоставление советской стороне всей технической документации проекта ПЛ E-1, разработка проекта средней ПЛ по нашему тактико-техническому заданию и содействие в размещении советских заказов на механизмы, оборудование и системы подводной лодки на предприятиях немецких и других зарубежных фирм.

Разработанный немецкой фирмой технический проект, который у нас стал называться проектом ПЛ типа «Н» («немка») IX серии, был одобрен ко-

мандованием Морских сил и наркомом тяжёлой промышленности. По рабочим чертежам, изготовленным нашими специалистами, были заложены три лодки (Н-1, Н-2 и Н-3), и в сентябре 1936-го две первые из них пополнили флот. В целом создание ПЛ IX серии имело положительное значение. Оно дало возможность глубокого изучения зарубежного опыта проектирования и постройки подводных лодок, образцов корабельного оборудования, систем и механизмов, лучшие из которых затем были освоены нашей промышленностью и установлены на других отечественных лодках.

В ходе строительства и испытаний первых двух ПЛ IX серии был выявлен ряд недостатков. На третью подводную лодку — Н-3 дизели фирмы «МАН» и другое оборудование были получены с опозданием на два года. Стало очевидным, что строить большую серию по этому проекту нельзя, так как невозможно рассчитывать на гарантированную и своевременную поставку заграничного комплектующего оборудования. Поэтому было решено: силами наших специалистов проект переработать, устранить вскрывшиеся недостатки и, главное, заменить иностранное оборудование на отечественное. Так появился новый проект подводной лодки IX-бис серии. Всего было построено 38 лодок, из них 14 накануне Второй мировой войны (1939—1945 гг.), 16 — в военное время и 8 — в послевоенный период.

В 1932 году по инициативе конструктора А.Н. Асафова был разработан проект малой подводной лодки типа «М» («малютка») VI серии. На заводах Николаева было построено 30 ПЛ этого типа, из них 28 вошли в состав Тихоокеанского флота. Дополнительно по усовершенствованному проекту было построено ещё 20 ПЛ VI-бис серии. Всего в ходе выполнения пятилетней программы 1933—1938 гг. флот получил 137 подводных лодок различных типов.

В 1938 году политическим руководством страны был взят курс на создание большого океанского флота. В подводном судостроении наступил этап, характеризовавшийся масштабным строительством кораблей среднего и большого водоизмещения. Самой большой подводной лодкой, созданной накануне Великой Отечественной войны, стала крейсерская эскадренная ПЛ XIV серии (КЭ), неофициальное название «Катюша». Главным конструктором и строителем «катыш»

Первая советская атомная подводная лодка
«Ленинский комсомол»

ПЛАКР проекта 949

был назначен М.А. Рудницкий. По совокупности тактико-технических элементов и своеобразию конструкторских решений, придавших этой ПЛ высокие боевые качества, она являлась лидером советского подводного флота и стояла в ряду передовых образцов мирового кораблестроения своего времени. Было построено 11 крейсерско-эскадренных ПЛ, причём 5 из них достраивались уже в военное время. Одновременно с лодками типа «КЭ» продолжалось строительство лодок типа «Л» серии XIII-38, «Щ» X и X-бис серий, «С» (бывшая «Н») серии IX-бис. Кроме того, в предвоенные годы на основе полученного опыта эксплуатации малых подводных лодок первых двух серий были созданы ПЛ типа «М» XII и XV серий. Всего в межвоенный период было построено 206 подводных лодок.

К 22 июня 1941 года в постройке находились 49 больших, 9 средних и 33 малых подводных лодки. С началом войны производственная база сузилась. В августе 1941-го врагом был захвачен Николаев, другой крупнейший центр кораблестроения — Ленинград оказался в блокаде. Были потеряны ещё десятки заводов, обеспечивавших поставку корабельного оборудования. Тем не менее в Ленинграде, Горьком и иных кораблестроительных центрах достройка подводных лодок продолжалась. Так, в Ленинграде было достроено 8 подводных лодок. Корабелы завода «Красное Сормово» (Горький) сдали флоту 6 средних и 16 малых ПЛ. А всего за время войны флот получил от промышленности 54 подводные лодки. Для доставки построенных кораблей к месту постоянной дислокации широко использовались Северный морской путь, железные дороги, озёра, реки и каналы. 57 подводных лодок таким образом были перевезены из Ленинграда в Белое море и на Каспий, а также из Владивостока в Поты¹³.

Война нанесла колоссальный ущерб отечественному кораблестроению, однако строительство лодок не прекращалось. Прежде всего достраивались корабли, которые были заложены перед войной, а по мере восстановления судостроительных заводов и мощностей смежных отраслей промышленности к производству подключались новые предприятия. Обращает на себя внимание небывалый ранее в России и в СССР объём подводного кораблестроения. Первая боевая ПЛ послевоенной постройки была сдана флоту в 1951 году. За десять лет (1948—1957 гг.) были спущены на воду 315 подводных лодок общим

надводным водоизмещением свыше 300 тыс. т. К сожалению, некоторые построенные корабли по техническому уровню соответствовали мировым достижениям лишь середины 1940-х годов. Так, до 1948 года продолжалось строительство средних ПЛ IX-бис серии, до 1953-го — морально устаревших «малюток» XVI серии.

Вместе с тем советскими конструкторами в эти годы были разработаны и новые проекты, отвечавшие современным на тот период требованиям к подводным лодкам. Так, в ЦКБ-18 был разработан проект большой дизельной подводной лодки проекта 611, тем самым была успешно решена задача создания океанской ПЛ нового типа. По проекту того же ЦКБ под руководством главных конструкторов В.Н. Перегудова и Е.Я. Евграфова в декабре 1955 года заводом «Красное Сормово» была сдана средняя ПЛ проекта 613, ставшая головной в самой массовой серии отечественного подводного судостроения¹⁴. Одновременно велись разработки подводных лодок с единым двигателем. На первой из них (малая ПЛ проекта 615) использовался режим замкнутого цикла работы дизелей. Проект пошёл в серию, однако из-за пожаров и взрывов, случившихся на этих подводных лодках, плавание их на режимах замкнутого цикла было запрещено. Другой принцип единого двигателя — с использованием перекиси водорода — был воплощён на ПЛ проекта 617. Эта лодка (конструктор А.А. Антипин) стала прообразом высокоскоростных кораблей и внесла свой вклад в развитие атомного подводного флота.

Большое значение для развития ВМФ в целом и подводных сил в частности имело совещание руководящего состава Вооружённых сил, созванное 11 февраля 1955 года Президиумом ЦК КПСС. Основной акцент в строительстве флота предлагалось сделать на развитие атомных подводных лодок. В этом же году в истории развития подводных сил произошли два знаменательных события: 16 сентября с борта подводной лодки впервые стартовала баллистическая ракета¹⁵, а 24 сентября в Молотовске заложили первую атомную подводную лодку (ПЛА) проекта 627 — будущую К-3 («Ленинский комсомол»). Научным руководителем создания первой советской ПЛА был академик А.П. Александров, главным конструктором проекта — В.Н. Перегудов. Главными конструкторами последующих проектов атомных ПЛ были А.К. Назаров,

С.Н. Ковалёв, Н.Ф. Шульженко, П.П. Пустынцев, Н.А. Климов, Н.Н. Исанин.

С конца 1950-х годов в конструкторских бюро велись работы по созданию подводных лодок с крылатыми ракетами (КР) П-5 для стрельбы по берегу. В качестве носителей были использованы модернизированные дизельные и атомные ПЛ. Всего до 1962 года было построено 12 ДПЛ проектов 644 и 665, а также 6 ПЛА проекта 659. Однако дальнейшего развития специализированные ПЛ с КР для стрельбы по берегу не получили, поскольку эта задача была возложена на ПЛ с баллистическими ракетами.

С начала 1960-х годов развитие атомных подводных лодок с крылатыми ракетами (ПЛАКР)¹⁶ пошло по пути вооружения их противокорабельными ракетами. Именно ПЛАКР (см. табл. 1) стали основным компонентом противовоздушных сил ВМФ СССР. Всего до середины 1980-х годов от промышленности было получено 25 подводных лодок проектов 670, 670М, 949 и 949А. Во второй половине 1980-х годов вновь вернулись к идее применения КР с подводных лодок по берегу. С этой целью была проведена модернизация атомной ПЛ с баллистическими ракетами под КР «Гранат». Проект получил название 667АТ.

В 1967 году флот получил атомную подводную лодку с ракетно-торпедным вооружением (ПЛАТ) проекта 671 (главный конструктор ПЛАТ и всех её последующих модификаций Г.Н. Чернышёв). Эта лодка второго поколения вобрала в себя все последние на тот период достижения отечественного подводного кораблестроения. Она была предназначена для борьбы с ПЛАРБ противника, с надводными кораблями, а также для прикрытия своих кораблей и конвоев. С целью расширения боевых возможностей ПЛАТ путём их оснащения дальнеходными торпедами нового типа, торпедо-ракетами

и увеличения боекомплекта был разработан проект 671РТ. Головная лодка вошла в строй в 1972 году. В основу проекта следующей модификации (671РТМ, шифр «Щука») легли проработки по размещению на ПЛАТ нового радиотехнического вооружения, в частности гидроакустического комплекса «Скат» и боевой информационной управляющей системы «Омнибус», а также мероприятия по увеличению автономности до 80 суток¹⁷. Всего промышленностью флоту были переданы 48 лодок проекта 671 и всех его последующих модификаций.

С целью создания опытной комплексно-автоматизированной скоростной ПЛАТ был разработан проект 705 (главный конструктор М.Г. Русанов, затем В.В. Ромин). Главная его особенность заключалась в использовании в качестве ядерной энергоустановки реактора с жидкометаллическим теплоносителем. Комплексная автоматизация позволила сократить численность экипажа до 40 человек. Лодка имела титановый корпус, обеспечивавший большую глубину погружения и высокую скорость (до 41 узла подводного хода). Сочетание этих качеств вынудило наших вероятных противников создать новое поколение противолодочного оружия. По изменённому проекту 705К в дополнение к опытной лодке были построены ещё 6 ПЛАТ.

Третье поколение ПЛАТ было представлено двумя проектами — 971 и 945. Обе лодки создавались практически под одинаковое вооружение, однотипную однореакторную установку и имели всплывающую спасательную камеру. Отличие между ними заключалось в том, что ПЛАТ проекта 971 создавалась со стальным корпусом, а проекта 945 — с титановым. К началу 1990-х годов флот получил 4 ПЛАТ 945 и 945А (модифицированного) проекта и 10 ПЛАТ проекта 971. Эти лодки с увеличенными ударными возможностями¹⁸, с пониженным уровнем

Таблица 1

Данные по строительству и вооружению ПЛАКР

	Проект			
	670	670М	949, 949А	667АТ
Построено ПЛА	11	6	8	5
Вооружение: ракетное ракетно-торпедное	8 ПКР «Аметист» 4 533-мм ТА 2 400-мм ТА 18 торпед или ПЛУР	8 ПКР «Малахит» 2 650-мм ТА 4 533-мм ТА 14 торпед или ПЛУР	24 ПКР «Гранит» 4 650-мм ТА 4 533-мм ТА торпеды, ПЛУР	32 КР «Гранат» 12 533-мм ТА 8 (П-6)

Составлена по: Гусев А.Н. Подводные лодки с крылатыми ракетами. СПб.: Галлея Принт, 2000. С. 70—87.

Таблица 2

Данные по строительству ПЛА с ракетно-торпедным вооружением

	Проект				
	671	671РТ, 671РТМ	705, 705К	945, 945А	971
Построено ПЛА	15	7 + 26	1 + 6	2 + 2	10
Ракетно-торпедное вооружение	6 533-мм ТА 18 торпед или ПЛУР	2 650-мм ТА 4 533-мм ТА 24 торпед, ПЛУР, КР «Гранат»,	6 533-мм ТА 20 торпед, ПЛУР	2 650-мм ТА 4 533-мм ТА торпеды, ПЛУР, КР «Гранат»,	4 650-мм ТА 4 533-мм ТА торпеды, ПЛУР, КР «Гранат»,

Составлена по: Кузин В.П., Никольский В.И. Военно-Морской Флот СССР 1945—1991. СПб.: Историческое морское общество, 1996. С. 71—81.

акустического поля и сегодня являются самыми совершенными из отечественных многоцелевых подводных лодок.

Дальнейшее развитие получили и дизельные подводные лодки (ДПЛ). Так, на подводной лодке проекта 633 (главный конструктор З.А. Дерибин, затем А.К. Назаров и Е.В. Крылов) были внедрены новейшие достижения подводного судостроения, значительно увеличившие её боевую эффективность по сравнению с кораблями этого класса, находившимися в строю. Взамен устаревшей ПЛ проекта 611 была создана большая подводная лодка проекта 641 (главный конструктор С.А. Егоров, затем — З.А. Дерибин) с увеличенными автономностью, дальностью плавания и глубиной погружения. Модификация этого проекта — большая торпедная ПЛ проекта 641 представляла третье поколение советских ДПЛ. Во второй половине 1970-х годов было принято решение начать строительство принципиально новой ДПЛ, причём не только для ВМФ СССР, но и для стран Варшавского договора. Эта ДПЛ проекта 877, шифр «Варшавянка» (главный конструктор Ю.Н. Кормильцин), имела значительно улучшенные тактико-технические характеристики по сравнению с предыдущими проектами. «Варшавянка» оказалась самой современной и малозумной ДПЛ, за что за рубежом ей дали название «чёрная дыра»; она пользовалась спросом на мировом рынке вооружений. Всего с 1951 по 1991 год ВМФ СССР получил 391 боевую дизельную подводную лодку¹⁹.

Таким образом, 1965—1980 гг. стали самым ярким этапом отечественного подводного кораблестроения, в ходе которого были созданы ПЛ принципиально новых классов и типов; в их основе лежали новейшие достижения науки и техники. Подводные силы с середины 1960-х годов заняли и прочно удерживали ведущее место в структуре ВМФ, при этом интенсивность строительства атомных подводных лодок возрастала. Так, во второй половине 1970-х годов количество сдававшихся промышленностью только атомных ПЛ достигало восьми единиц в год.

Появление в ВМФ новых многоцелевых подводных лодок позволяло решать трудную проблему ведения действенной борьбы с атомными подводными лодками вероятного противника (прежде всего с ракетными) и с авианосцами. Этому способствовали снижение шумности ПЛ, оснащение их специальным противолодочным и противокорабельным вооружением и эффективными радиоэлектронными средствами.

На конец 1980-х годов в составе ВМФ СССР насчитывалось более 300 подводных лодок, в том числе: 64 атомных и несколько дизельных ракетносцев с баллистическими ракетами; 79 носителей крылатых ракет, из них 63 атомных; около 80 ПЛАТ и примерно такое же количество дизельных субмарин с ракетно-торпедным вооружением²⁰.

Развал СССР повлёк за собой стремительное сокращение ВМФ, в том числе и подводных сил: уже к середине 1990-х годов списочная численность кораблей уменьшилась примерно вдвое. Промышленность практически прекратила строительство новых подводных лодок. Понизилась и доля боеготовых кораблей. Тем не менее в начале 2010-х годов, с принятием Государственной программы вооружения на период 2011—2020 гг., которая

предусматривает серьёзные затраты на строительство флота, появилась надежда на возрождение былой мощи отечественных подводных сил.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мусеев С.П. Список кораблей русского парового и броненосного флота (с 1861 по 1917 г.). М.: Военное издательство Министерства Вооружённых сил Союза ССР, 1948. С. 32.

² В приказе № 52 от 24 марта 1906 г. отмечалось: «Государь Император [Николай II], в шестой день марта сего года, Высочайше повелеть соизволил... включить в классификацию корабельного состава флота подводные лодки». См.: Летопись Российского флота. От зарождения мореходства в древнерусском государстве до начала века: В 3 т. Т. 2. 1901—1945 гг. СПб.: Наука, 2012. С. 61.

³ История отечественного судостроения. В 5 т. Т. 2.: Паровое и металлическое судостроение во второй половине XIX в./ Р.М. Мельников. СПб.: Судостроение, 1996. С. 436—441.

⁴ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 421. Оп. 6. Д. 34. Л. 218—233.

⁵ Келле Э. Подводные лодки в России в 1904—1905 гг. Л.: Картографическая Гидрографического управления УВМС РККА, 1934. С. 24, 25.

⁶ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 28006. Л. 59, 60.

⁷ История отечественного судостроения. Т. 3.: Судостроение в первой четверти XX в. (1905—1925)/ И.Ф. Цветков. СПб.: Судостроение, 1996. С. 90—91.

⁸ ПЛ «Барс» являлась усовершенствованным проектом подлодки типа «Морж»: у неё была увеличена мощность электромоторов и дизелей и повышены запасы топлива. См.: Буров В.И. Отечественное военное кораблестроение в третьем столетии своей истории. СПб.: Судостроение, 1995. С. 46, 47.

⁹ Козлов Д.Ю. Нарушение морских коммуникаций по опыту действий Российского флота в Первой мировой войне (1914—1917): Монография. М.: Русский фонд Содействия образованию и науке, 2012. С. 396—399.

¹⁰ К концу 1924 г. на Балтийском флоте были восстановлены девять ПЛ типа «Барс». На Чёрном море были введены в строй четыре ПЛ типа «АГ» и одна — типа «Барс». Остальные лодки на Балтийском, Чёрном, Белом и Каспийском морях из-за отсутствия ряда механизмов восстановлению не подлежали. Однако и восстановленные 14 ПЛ к этому времени уже устарели.

¹¹ В 1927—1928 гг. суммарные расходы на флот составили 11,2 проц. военного бюджета, а на судостроение — 6,2. См.: РГА ВМФ. Ф. р.1483. Оп. 1. Д. 65. Л. 6.

¹² С октября 1937 г. для лодок этой серии приняли литеру «С» — от слова «средняя» с сохранением тех же номеров. См.: История отечественного судостроения. Т. 4: Судостроение в период первых пятилеток и Великой Отечественной войны 1925—1945 гг. С. 137, 138.

¹³ Центральный Военно-морской архив. Ф. 403. Д. 40304. Л. 32; Три века Российского флота: В 3 т. Т. 3 / Под ред. И.В. Касатонова. СПб.: LOGOS, 1996. С. 206.

¹⁴ Всего было построено 215 подводных лодок проекта 613. См.: Кузин В.П., Никольский В.И. Военно-Морской Флот СССР. 1945—1991. СПб.: Историческое морское общество, 1996. С. 93.

¹⁵ Подробнее о строительстве подводных лодок с баллистическими ракетами и развитии морских ракетных комплексов стратегического назначения рассказывается в статье «Морские стратегические ядерные силы СССР: 50 лет на защите Отечества» // Воен.-истор. журнал. 2015. № 7. С. 3—7.

¹⁶ Гусев А.Н. Подводные лодки с крылатыми ракетами. СПб.: Галлея Принт, 2000. С. 70—87.

¹⁷ Авторы статьи с конца 1970 до начала 1990-х гг. проходили службу на лодках проекта 671РТМ и могут подтвердить высокие возможности оружия и радиотехнического вооружения этих ПЛАТ, сочетавшиеся с простотой управления и надёжностью систем и механизмов. При этом в отдельных походах длительность боевой службы превышала проектную автономность.

¹⁸ Кузин В.П., Никольский В.И. Указ. соч. С. 71—81.

¹⁹ Павлов А.С. Советский ВМФ. 1990—1991 г.: Справочник. Якутск: Сахаполиграфиздат, 1994.

²⁰ Там же.

В.М. ПЕТРЕНКО

V.M. PETRENKO

ЗАБАЙКАЛЬСКО-АМУРСКИЙ (ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ) ВОЕННЫЙ ОКРУГ В 1945—1953 гг.

TRANS-BAIKAL-AMUR (TRANS-BAIKAL) MILITARY DISTRICT IN 1945—1953

Сведения об авторе. Петренко Валерий Михайлович — консультант Управления Федеральной службы по техническому и экспортному контролю по Дальневосточному федеральному округу, полковник запаса, кандидат исторических наук (г. Хабаровск. E-mail: spectr-58@mail.ru).

Аннотация. На основе архивных материалов автор анализирует процесс формирования Забайкальско-Амурского (с 1947 г. — Забайкальского) военного округа и совершенствования структуры его войск, сил и органов управления в первые послевоенные годы.

Ключевые слова: Забайкальско-Амурский военный округ; Забайкальский военный округ; 1-я Отдельная Краснознаменная армия.

Information about author. Valery Petrenko — Consultant of an Administration of the Federal Service for Technical and Export Control on the Far Eastern Federal District, Colonel (res.), Cand. Sc. (Hist.) (city of Khabarovsk. E-mail: spectr-58@mail.ru).

Summary. On the basis of archival materials the author analyzes the process of formation of the Trans-Baikal-Amur (from 1947 – Trans-Baikal) Military District and improvement of the structure of its troops, forces and control bodies in the early postwar years.

Keywords: Trans-Baikal-Amur Military District; Trans-Baikal Military District; 1st Separate Red Banner Army.

9 АВГУСТА 1945 года Советский Союз вступил в войну с милитаристской Японией. Это резко изменило военно-политическую обстановку на Дальнем Востоке. Уже 14 августа японское правительство приняло решение о капитуляции своих вооружённых сил. Хотя они пытались продолжить сопротивление, наступление советских войск было неудержимым.

С учётом приближающегося окончания войны Ставка Верховного Главнокомандования запросила соображения Главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке об организационном построении и дислокации подчинённых ему соединений и частей после окончания военных действий. Работа по подготовке соображений проводилась в соответствии с директивой штаба главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке № 160/нш от 22 августа 1945 года. В ней участвовали штаб главнокомандующего и штабы Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов¹.

2 сентября в Токийской бухте на борту американского линкора «Миссури» представители Японии — министр иностранных дел М. Сигэмицу и начальник генштаба Е. Умэдзу — подписали Акт о капитуляции. Вторая мировая война завершилась.

Через неделю, 10 сентября 1945 года, вышла директива Ставки Верховного Главнокомандования № 11128 об образовании на Дальнем Востоке трёх военных округов — Забайкальско-Амурского (ЗАВО), Приморского (ПримВО), Дальневосточного (ДВВО), о составе и дислокации войск в них².

ЗАВО формировался на базе полевого управления и войск Забайкальского фронта (ЗабФ). Его командующим был назначен Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский, ранее возглавлявший

ЗабФ, членом Военного совета — генерал-лейтенант А.Н. Тевченков, начальником штаба — генерал-лейтенант Е.Г. Троценко. В состав ЗАВО были включены территории Бурят-Монгольской АССР, Читинской области и Хабаровского края без Камчатской и Сахалинской областей, без районов Нижне-Амурской области к востоку от р. Амур и без городов Комсомольск, Николаевск-на-Амуре, а также части Красной армии, расположенные в Монгольской Народной Республике (МНР)³. Управление Забайкальско-Амурского военного округа сначала размещалось в городе Чанчунь (Маньчжурия), к декабрю 1945 года оно переместилось в город Хабаровск, назначенный местом его дислокации. При этом функции по управлению войсками ЗАВО, расположенными на территории Читинской области и Бурят-Монгольской АССР, до октября 1946 года выполняла Читинская группа с управлением в городе Чите (с января по октябрь 1946 г. именовалась Группой заместителя командующего войсками Забайкальского фронта), которой также подчинялись войска, дислоцировавшиеся на территории МНР⁴.

Структура управления ЗАВО была схожей по структуре с управлениями других военных округов и в то же время отражала характер решаемых округом задач. Оно состояло из штаба, 7 управлений (политического, командующего артиллерией, командующего бронетанковыми и механизированными войсками, инженерных войск, связи, боевой и физической подготовки, тыла), 5 отделов (химического, кадров, всеобщего военного обучения, финансового, по делам репатриации), частей охраны и обслуживания. В управление округа входили также военный трибунал, военная прокуратура,

управление военной контрразведки, окружной совет Всеармейского военно-охотничьего общества⁵.

В штаб ЗАВО входили секретариат, оперативное управление, отделы — укрепленных районов, разведывательный, организационно-учётный, мобилизационный и укомплектования, мобилизационного планирования вооружения и материального технического обеспечения, топографический, службы войск, комплектования и ремонта конского состава и др., а также военная цензура, канцелярия, комендатура, хозяйственный отдел, финансовая часть, квартирно-эксплуатационная часть, медицинский пункт.

В управлении тыла были штаб, 6 управлений (интендантское, военно-строительное, квартирно-эксплуатационное, автомобильное, военно-медицинское, военных сообщений), 2 отдела (ветеринарный, снабжения горючим) и 3 инспекции (начальника тыла, пожарной охраны, по котлонадзору).

Охрану и повседневную деятельность управления округа обеспечивали 266-я отдельная рота охраны, 48-я отдельная автомобильная рота, 18-й поезд специального назначения, 2 узла связи штаба округа (80-й — в Чите, 81-й — в Хабаровске), 90-я отдельная рота военной контрразведки, 15-й отдельный хозяйственный взвод штаба округа, 52-я военно-почтовая станция, 10-й военно-почтовый сортировочный пункт и отдельная батарея радиосвязи командующего артиллерией округа⁶.

В связи с переходом на мирное положение в округе проходили демобилизация личного состава, сокращение и реорганизация войск, осуществлялся вывод войск с территории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) и МНР. ЗАВО передавал в другие военные округа и принимал от них большое количество соединений и частей.

В ЗАВО (бывшем ЗабФ) были расформированы 2 управления общевойсковых армий (17-й и 53-й), управление конно-механизированной группы, 6 управлений стрелковых корпусов (18-го гвардейского, 2, 49, 57, 94 и 113-го), 17 стрелковых (6, 52, 103, 124, 209, 210, 221, 243, 262, 275, 278, 292, 293, 298, 317, 338 и 358-я), воздушно-десантная (1-я гв.), мотострелковая (57-я) и кавалерийская (59-я) дивизии, а также значительное количество других соединений, частей родов войск и учреждений.

В соседний Дальневосточный военный округ (бывший 2 ДВФ) из ЗАВО были переданы 126-й лёгкий горно-стрелковый корпус и управление 85-го стрелкового корпуса (ск). Из 12-й воздушной армии (ВА) ЗАВО в 10 ВА ДВВО поступили 6-й бомбардировочный авиационный корпус (бак) и 54-я транспортная авиадивизия.

В Приморский военный округ (бывший 1 ДВФ) переданы 39-я армия (А), 2 механизированных корпуса (мк) (5-й гв. и 7-й) из 6-й гвардейской танковой армии (ТА), артиллерийская дивизия прорыва (6 гв. адп), 2 зенитные артиллерийские дивизии (зенад) — 14-я и 17-я, 2 артиллерийские бригады — 55-я истребительно-противотанковая (иптабр) и 139-я пушечная (пабр). Из 12 ВА ЗАВО в 9 ВА ПримВО были переданы 7 бак (в его состав входили 113 бад и 179 бад) и 3 авиационные дивизии — 245-я истребительная авиационная (иад), 248-я штурмовая авиационная (шад) и 21-я гвардейская транспортная авиационная (трад).

Здание штаба Восточного военного округа, где в 1945—1947 гг. находился штаб Забайкальско-Амурского военного округа
г. Хабаровск

В Восточно-Сибирский военный округ (ВСибВО) из ЗАВО убыли 110-я гвардейская стрелковая дивизия, 203-я (в настоящее время — 7-я отдельная Запорожско-Хинганская Краснознаменная, ордена Суворова 2-й степени механизированная бригада Вооружённых сил Республики Казахстан)⁷ и 227-я стрелковые дивизии (сд), а в состав конвойных войск НКВД СССР — 192 сд (в настоящее время — Центральное Оршанско-Хинганское Краснознаменное региональное командование внутренних войск МВД России)⁸.

В Западно-Сибирский военный округ убыла 109-я гв. сд (в настоящее время — Омское ракетное объединение Ракетных войск стратегического назначения Вооружённых сил РФ — гвардейская ракетная Бериславско-Хинганская дважды Краснознаменная, ордена Суворова 2-й степени армия)⁹.

В то же время из ПримВО ЗАВО принял управление 1-й Краснознаменной армии (КА), а также ряд соединений и частей этой армии.

Из ДВВО были приняты 8 стрелковых дивизий (3, 12, 34, 35, 361, 388, 390 и 396-я), из которых затем 6 расформировали (3, 35, 361, 388, 390 и 396-ю), 2 укрепрайона (101-й и 102-й), 5 танковых бригад (73, 74, 165, 171 и 172-я), другие соединения и части, а также все учреждения и организации, размещавшиеся на отошедших к ЗАВО территориях Хабаровского края, Еврейской автономной и Амурской областей. Из 10 ВА ДВВО в 12 ВА ЗАВО были переданы 253 шад и 254 иад.

Крупной реорганизации были подвергнуты стрелковые, танковые и механизированные дивизии ЗАВО.

Все стрелковые дивизии к 30 декабря 1945 года перевели на организацию с численностью 8132 человека каждая, а 36-ю мотострелковую дивизию преобразовали в стрелковую дивизию аналогичной численности¹⁰.

6-ю гв. ТА преобразовали в механизированную армию (МА), а её 5-й гв. танковый и 9-й механизированный корпуса переформировали в 5-ю гв. танковую (гв. тд) и 9-ю механизированную (мд) дивизии.

Р.Я. Малиновский,
командующий войсками
Забайкальско-Амурского
военного округа в 1945—
1947 гг., главнокомандующий
советскими войсками
на Дальнем Востоке
в 1947—1953 гг.

К.А. Коротеев, командующий
войсками Забайкальского
военного округа
в 1947—1949 гг.

Д.Н. Гусев, командующий
войсками Забайкальского
военного округа
в 1949—1952 гг.

На базе 284 сд в составе армии сформировали 14 мд. Все танковые и механизированные дивизии при этом перевели на типовую структуру¹¹.

Дважды переформировали укрепленные районы (УР) округа. 31-й (Даурский) УР к июню 1946 года — в 3-ю пулемётно-артиллерийскую бригаду (пулабр), 32 (Борзинский) УР — в 8 пулабр, 101 (Благовещенский) УР — в 13 пулабр, 102 (Усть-Сунгарийский) УР — в 14 пулабр. К декабрю 1946 года 3, 8 и 13 пулабр переформировали в 3, 8 и 13 пулемётно-артиллерийские дивизии (пулад), а 14 пулабр оставили в прежней организации¹².

В 12 ВА из отдельных авиационных технических батальонов сформировали две авиационные технические дивизии (атд) (30-ю и 54-ю)¹³.

В мае 1946 года расформировали управления Забайкальской, Приамурской и Приморской армий ПВО, их соединения и части влили в состав вновь сформированного Дальневосточного округа ПВО. При этом на базе зенитных артиллерийских соединений и частей Приамурской армии ПВО, выполнявших задачи на территории ЗАВО, сформировали 46-ю дивизию ПВО и 11-ю бригаду ПВО, а на базе частей Забайкальской армии ПВО — 15-ю бригаду ПВО. Из авиационных соединений Забайкальской и Приамурской армий ПВО образовали 1-й истребительно-авиационный корпус (иак) ПВО (в составе 149 и 297 иад)¹⁴.

К началу 1947 года после реорганизации и сокращения войск в ЗАВО имелись 2 общевойсковые (1 КА, 36 А), одна механизированная (6-я гв. МА) и одна воздушная (12 ВА) армии, 2 стрелковых корпуса (59-й и 86-й), 25 дивизий (стрелковых — 7, механизированных — 2, танковых — 3, кавалерийских — 1, пулемётно-артиллерийских — 3, зенитных артиллерийских — 3, авиационных — 4, авиационных технических — 2), 9 бригад (пулемётно-артил-

лерийских — 1, артиллерийских — 8), другие части и учреждения¹⁵.

Все управления общевойсковых армий имели однотипную структуру. В каждом имелись штаб, 8 отделов (политический, командующего артиллерией, командующего бронетанковыми и механизированными войсками, связи, инженерных войск, химической службы, кадров, финансовый), управление тыла, а также военная прокуратура, военный трибунал, отдел контрразведки МГБ, части охраны и обслуживания. Штаб армии включал отделы — оперативный, разведывательный, организационно-мобилизационный и укомплектования, боевой подготовки, укрепленных районов, топографический и др., а также канцелярию, комендатуру, финансовую часть и хозяйственное отделение. В управлении тыла имелись отделы — военных сообщений, автомобильный, интендантский, снабжения ГСМ, медицинский, ветеринарный, а также инспекция и отделение кадров.

Структура управления 6-й гв. МА несколько отличалась от управлений общевойсковых армий. В нём имелись штаб, 9 отделов (политический, командующего артиллерией, связи, инженерных войск, химической службы, боевой подготовки, автомобильный, кадров, финансовый), управление бронетанкового ремонта и снабжения, управление тыла, а также военная прокуратура, военный трибунал, отдел контрразведки МГБ, части охраны и обслуживания. Штаб армии включал отделы — оперативный, разведывательный, организационно-мобилизационный и укомплектования и др., а также канцелярию, комендатуру, финансовую часть и хозяйственное отделение. В управлении тыла имелись отделы — интендантский, снабжения ГСМ, медицинский и финансовый.

Охрану и повседневную деятельность управлений армий обеспечивали взвод охраны (в 6-й гв. МА — рота), автомобильный взвод (в 6-й гв. МА — рота), стрелковый взвод отдела контрразведки МГБ, военно-почтовая станция. В каждой армии имелись редакция и типография армейской газеты: 1-й Краснознамённой армии — «На защиту Родины», 36-й армии — «Красноармейское слово», 6-й гв. МА — «Защитник Родины». В 6-й гв. МА также имелся ансамбль красноармейской песни и пляски¹⁶.

В состав 1-й КА (соединения и части дислоцировались вдоль советско-китайской границы от Благовещенска до Бикина, управление армии — в Куйбышевке-Восточной, ныне — Белогорск) входили 59 ск (включал 59 сд, 216 абр, соединения и части корпусного подчинения), 5 дивизий (12, 34, 39 сд, 13 пулад, 33 зенад), 3 бригады (14 пулабр, 213 пабр, 60 иптабр), другие соединения и части армейского подчинения¹⁷.

В 36 А (соединения и части дислоцировались в Забайкалье и на территории МНР, управление армии — в Чите) — 86 ск (включал 94 и 209 сд, 3 пулад, 686 абр, соединения и части корпусного подчинения), 4 дивизии (36 сд, 7 кд, 8 пулад, 101 зенад), 2 артиллерийские бригады (152 пабр и 47 иптабр), другие соединения и части армейского подчинения¹⁸.

В 6-й гв. МА (дислоцировалась в Забайкалье, управление армии — в поселке Борзя) имелось 6 дивизий (5-я гв. тд, 61 и 111 тд, 9-я гв. мд и 14мд, 103 зенад), 202-я лёгкая артиллерийская бригада (лабр), другие соединения и части армейского подчинения¹⁹.

В артиллерию округа входили артиллерийские, зенитные артиллерийские соединения и части, радиолокационные части и учебные лагеря (полигоны). В их числе были 46 иптабр, 3 учебных артиллерийских лагеря (Агинский, Даурский, Белогорский), зенитный артиллерийский полигон (Хадабулакский), другие части и учреждения окружного подчинения, а также армейская и корпусная артиллерия²⁰.

К составу бронетанковых и механизированных войск округа наряду с 6-й гв. МА также относились 5 отдельных танковых полков (137-й и 138-й гв., 1-й и 54-й учебные, 205-й), 2 отдельных танковых батальона (35-й и 82-й), 2 отдельных дивизиона бронепоездов (1-й и 2-й).

Все танковые и механизированные дивизии в ЗАВО имели типовую структуру, которая несколько отличалась от установленной приказом НКО № 0013 от 10 июня 1945 года. В танковой дивизии имелось 4 танковых полка (три — танков Т-34, один — танкосамоходный), 1 мотострелковый, 2 артиллерийских полка (миномётный реактивной артиллерии, зенитный), 2 артиллерийских дивизиона (гаубичный, миномётный реактивной артиллерии), 6 отдельных батальонов (мотоциклетный, учебный танковый, связи, сапёрный, медико-санитарный, автотранспортный), 2 базы (подвижная танкоремонтная и полевая авторемонтная), дивизионный обменный пункт, полевой хлебозавод, 2 ремонтные мастерские (артиллерийская и по ремонту вещевого имущества), военно-почтовая станция. В механизированной дивизии было 3 механизиро-

Командующий войсками Забайкальско-Амурского военного округа Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский и Маршал Монгольской Народной Республики Х.Чойбалсан на митинге
Июль 1946 г.

рованных полка, 1 полк танков Т-34, 1 тяжёлый танкосамоходный полк, 3 артиллерийских полка (гаубичный, миномётный реактивной артиллерии и зенитный), 1 артиллерийский дивизион (миномётный реактивной артиллерии). В остальном её состав был идентичным составу танковой дивизии²¹.

Конницу округа составляла 7-я кавалерийская дивизия (кд). Она имела в своём составе 3 кавалерийских полка, 3 дивизиона (артиллерийский, истребительно-противотанковый и зенитный артиллерийский), 3 эскадрона (танковый, сапёрный и связи), 2 мастерских (по ремонту вещевого имущества, по ремонту шорно-седельных и сапожных изделий), военно-почтовую станцию²².

В инженерные войска округа входили 5 полков (3, 12 и 42-й понтонно-мостовые, 23-й и 24-й инженерно-сапёрные), 2 батальона (18-й — инженерных машин, 79-й — инженерный), 2 отряда глубокого бурения (25-й и 26-й), отдельная гидротехническая рота (44-я), несколько складов. Из учреждений военно-полевого строительства имелось 60-е управление оборонительного строительства (включало 183, 184 и 185-й военно-строительные батальоны, 3 отдельные роты — автомобильную, военно-техническую и гужевую транспортную). Из дорожных частей — 2 дорожных батальона (148-й и 426-й) и 2 дорожных депо (12-е и 13-е)²³.

В составе войск связи имелись одна бригада (8-я), 5 полков (23-й учебный, 4, 29, 84 и 127-й), 7 линейных батальонов (168, 306, 307, 318, 486, 706 и 909-й), 5 радиодивизионов (439, 453, 462, 464 и 875-й), 20 отдельных рот (кабельно-шестовых — 10, телеграфно-строительных — 4, эксплуатационно-телеграфных — 5, станционных телеграфно-телефонных — 1), 9 других учреждений (баз, мастерских, складов и др.)²⁴.

Частей и учреждений других родов войск в округе было: 8 — разведывательных, 1 — химических войск, 16 — автотранспортных, 8 — топографических. Имелось также 3 военных конезавода (Забайкальский, Ононский и Бурят-Монгольский) и 11 комендатур тыловых оборонительных рубежей²⁵.

Е.Г. Троценко, командующий войсками Забайкальского военного округа в 1952—1956 гг., начальник штаба Забайкальско-Амурского и Забайкальского военных округов в 1945—1952 гг.

В.Я. Колпакчи, командующий 1-й Отдельной Краснознамённой армией в 1947—1950 гг.

Д.Д. Лелюшенко, командующий 1-й Отдельной Краснознамённой армией в 1950—1953 гг.

В местные стрелковые войска ЗАВО входили 4 батальона, 9 рот, 73 взвода и одно отделение. К частям, выполнявшим хозяйственные и другие работы в интересах войск ЗАВО, относились 2 отдельных рабочих батальона (93-й и 539-й), 3 команды по разгрузке транспортов с интендантскими грузами. К этим же частям относились и 22 отдельных рабочих батальона военнопленных японцев: 501-й и 510-й, располагавшиеся в Куйбышевке-Восточной, 502-й — на станции Онон (МНР), 504-й и 518-й — на станции Яблоновая, 505-й — на станции Ага, 506, 516 и 519-й — в Чите, 507-й и 521-й — на станции Маккавеево, 508-й — в посёлке Бабстово, 511-й и 512-й — на станции Жипхеген, 513-й и 520-й — на железнодорожном разъезде 37-й км, 515-й — на станции Харагун, 522-й — на станции Петруши, 523-й — на станции Плетёное, 527-й — на Красной Речке под Хабаровском, 530-й и 533-й — в поселке Бира²⁶.

Подготовкой офицерского состава в округе занимались пехотное училище в Сретенске (было расформировано в 1947 г.) и Дальневосточное артиллерийское училище в Хабаровске, а повышением квалификации — курсы усовершенствования (офицеров пехоты — на станции Дивизионная, медицинского состава округа, подготовки и переподготовки военных врачей — в Куйбышевке-Восточной, подготовки и переподготовки политсостава — в Чите)²⁷.

Из медицинских учреждений в ЗАВО насчитывались 31 военный госпиталь, 6 военных санаториев (Атамановский, Дарасунский, Кульдурский, Молоковский, Мухинский и Хабаровский) и 58 других (лазаретов, поликлиник, лабораторий и т.п.)²⁸. Учреждений и воинских частей других тыловых служб в округе имелось: 44 — военных сообщений, 43 — снабжения горючим, 11 — продовольственных, 21 — интендантских, 8 — ветеринарных²⁹.

В ведении Политуправления округа находились 40 учреждений: редакции и типографии четырёх газет (окружной «Суворовский натиск», на китайском, монгольском и японском языках), ансамбль красноармейской песни и пляски в Хабаровске, драматический театр в Чите, гарнизонных Домов офицеров — 21, политотделов спецчастей гарнизонов — 8, звуковещательных станций — 2, складов — 4 и 1 ремонтная мастерская³⁰.

Для содержания и ремонта казарменной базы, обеспечения войск имуществом, мебелью, топливом и материалами имелись 33 квартирно-эксплуатационные части гарнизонов и 30 организаций (участков военно-строительных работ, кирпичных заводов, мастерских, автобаз и др.), всего в общей сложности — 63 части и организации³¹.

В состав округа также входили 102 военных комиссариата: Бурят-Монгольской АССР — 25, Читинской области — 40, Амурской области — 23, Хабаровского края — 8, Еврейской автономной области — 6³².

ВВС в округе представляла 12 ВА, имевшая в своём составе 12 сак (в составе 30 бад и 246 иад), 254 иад, 253 шад, 30 и 54 атехд, 6 отдельных авиационных полков, другие части и учреждения. Войска ПВО страны на территории ЗАВО представляли управление Дальневосточного округа ПВО в Хабаровске, а также входившие в состав этого округа 1 иак ПВО (в составе 149 и 297 иад), 46-я дивизия, 11-я и 15-я бригады ПВО, части обеспечения (прожекторные, радиолокационные, связи и др.)³³.

На территории ЗАВО размещались и другие крупные воинские формирования, не входившие в состав округа. В их числе — управление 3 ВА Дальней авиации в Хабаровске, а также ряд частей и учреждений этой армии³⁴.

Временно, до завершения обустройства новых мест дислокации, на территории ЗАВО также располагались более 20 частей ДВВО³⁵.

Советские войска, в том числе и войска ЗАВО, находились в Северо-Восточном Китае до мая 1946 года. В это время они обеспечили сосредоточение в Маньчжурии воинских формирований Коммунистической партии Китая (КПК) и создание здесь базы для образования Национально-революционной армии Китая — Объединённой демократической армии (ОДА). Советское командование по просьбе КПК передало её войскам оружие, боевую технику и снаряжение бывшей японской Квантунской армии, захваченные в качестве трофеев. Это позволило перевооружить, а также оснастить вновь сформированные части и соединения ОДА. Несколько позже им была передана и часть советского оружия.

Таким образом, советские войска на Дальнем Востоке, в том числе войска ЗАВО, помогли китайским коммунистам в создании крупных вооружённых формирований на территории Маньчжурии и их оснащении. Эти вооружённые силы позднее сыграли решающую роль в разгроме гоминьдана и завоевании победы в масштабе всей страны³⁶.

Изменение международной обстановки, возрастание угрозы агрессии со стороны США и их союзников потребовали принятия новых мер в интересах обеспечения безопасности дальневосточных рубежей СССР. Одной из таких мер стала перестройка системы управления войсками и силами на Дальнем Востоке.

В мае 1947 года на базе управления Забайкальско-Амурского военного округа в Хабаровске было сформировано Управление главнокомандующего войсками Дальнего Востока, в подчинение которого перешли все войска и силы, расположенные на Дальнем Востоке и в Забайкалье. Главкомандующим войсками Дальнего Востока стал Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский, начальником штаба — генерал армии М.А. Пуркаев, членом Военного совета — генерал-лейтенант А.Н. Тевченков. К 10 июля того же года Забайкальско-Амурский военный округ преобразовали в Забайкальский военный округ (ЗабВО, 3-го формирования). В его состав вошли войска и учреждения, расположенные на территории Бурят-Монгольской АССР и Читинской области, а также на территории МНР. Управление ЗабВО, сформированное на базе управления 36-й армии, разместилось в Чите. Командующим войсками ЗабВО был назначен генерал-полковник К.А. Коротеев, начальником штаба — генерал-лейтенант Е.Г. Троценко. В 1949 году в командование войсками ЗабВО вступил генерал-полковник Д.Н. Гусев. В 1952 году командующим войсками ЗабВО стал генерал-полковник Е.Г. Троценко, начальником штаба округа — генерал-лейтенант В.А. Пеньковский. Членами Военного совета (с июля 1947 г. по июль 1950 г. — заместителями командующего войсками округа по политической части) в это время были генерал-майор (с мая 1949 г. — генерал-лейтенант) В.К. Шманенко (в 1947—1950 гг.), генерал-лейтенант В.И. Уранов (с апреля по июль 1950 г.), генерал-майор Н.Г. Пономарёв (с июля 1950 г. по февраль 1953 г.), генерал-майор Н.А. Вишневский (с февраля 1953 г. по сентябрь 1957 г.)³⁷.

Структура управления ЗабВО в основном была схожей с управлением ЗАВО. Отличия состояли в том, что в управлении ЗабВО имелась группа госконтроля, а в штабе ЗабВО — два отдела (организационно-мобилизационный, укомплектования) вместо трёх (организационно-учётного, мобилизационного и укомплектования, комплектования и ремонта конского состава). Кроме того, в оперативном управлении штаба ЗабВО имелись отдел укрепленных районов и отдел всеобщего военного обучения, которые в управлении ЗАВО были самостоятельными. Очередное изменение в структуре управления ЗабВО произошло в октябре 1947 года, когда расформировали отдел по делам репатриации.

В состав частей охраны и обслуживания управления ЗабВО входили 427-я рота охраны, 325-я автомобильная рота, 49-я стрелковая рота охраны управления военной контрразведки, 80-й узел связи, 31-й хозяйственный взвод, 10-й военнопочтовый сортировочный пункт, 378-я военнопочтовая станция, два выплатных пункта (Борзинский, Кяхтинский)³⁸.

В ходе реорганизации 1947 года в ЗабВО расформировали управление 59 ск, 3 стрелковые дивизии (34, 59 и 209-ю), 1 пулад (3-ю), 1 зенад (101-ю), 4 артиллерийские бригады (216 и 686 абр, 47 и 60 иптабр), а также значительное количество частей и учреждений. При этом все сооружения 3 пулад передали в 8 пулад, которую перевели на новую организацию. В дивизии из пулемётно-артиллерийских батальонов образовали 3 пулемётно-артиллерийских полка, из отдельных артиллерийских дивизионов — артиллерийский полк, в состав дивизии включили танко-самоходный полк, зенитный артиллерийский дивизион и мотострелковый батальон³⁹.

На базе управления 86 ск в 1947 году сформировали новое управление 36 А, но оно просуществовало около года, и уже в мае 1948 года было расформировано.

На новую организацию перевели также все отдельные танковые полки ЗабВО, которые ввели в состав стрелковых дивизий. На базе ряда танковых полков по приказу главкома войск Дальнего Востока образовали отдельные танковые батальоны для Дальневосточного и других военных округов.

После завершения реорганизации в составе ЗабВО остались одна общевойсковая (36-я), одна механизированная (6-я гв.) и одна воздушная (12-я) армии, один стрелковый (86-й) и один авиационный (12 сак) корпуса, 16 дивизий (стрелковых — 2, танковых — 3, механизированных — 2, кавалерийских — 1, пулемётно-артиллерийских — 1, зенитных артиллерийских — 1, авиационных — 4, авиационных технических — 2), другие части и учреждения.

При этом в состав 36 А (её соединения и части дислоцировались на территории Забайкалья и МНР, управление армии — в посёлке Центральный Дацан) вошли 86 ск (включал 94 сд, 8 пулад, части корпусного подчинения), 36 сд и другие части армейского подчинения, а из армии в окружное подчинение перешла 7 кд. Состав 6-й гв. МА и 12 ВА в ходе реорганизации 1947 года не изменился⁴⁰.

В состав инженерных войск ЗабВО вошли инженерно-сапёрный полк (23-й), понтонно-мостовой

батальон (428-й), отдельная гидротехническая рота, отряд глубокого бурения, 60-е управление оборонительного строительства (стало включать 184-й военно-строительный батальон и 3 отдельные роты — автомобильную, военно-техническую и гужевою транспортную), 3 склада. Из дорожных учреждений — 1 дорожное депо⁴¹.

В состав войск связи входили узел связи штаба округа (80-й), 2 полка (4 и 84-й), 2 линейных батальона (706 и 909-й), 3 радиодивизиона (453, 462 и 875-й), 5 отдельных рот (кабельно-шестовых — 2, телеграфно-строительных — 1, эксплуатационно-телеграфных — 2), 2 склада и мастерская связи⁴².

Частей и учреждений других родов войск: 8 разведывательных, 1 химических войск, 3 автотранспортных, 5 топографических, 3 военных конезавода (Забайкальский, Ононский и Бурят-Монгольский). Частей и подразделений местных стрелковых войск: 2 батальона, 3 роты и 34 взвода⁴³.

Из рабочих частей в ЗабВО создали 6 отдельных рабочих батальонов (93, 502, 504, 505, 506 и 507-й) и 9 отдельных рабочих батальонов военнопленных японцев: 511-й и 512-й — на станции Жипхеген, 513-й и 520-й — на железнодорожном разъезде 37 км, 515-й — на станции Харагун, 516-й и 519-й — Чите, 518-й — на станции Яблоновая, 521-й — на станции Маккавеево⁴⁴.

Военных училищ в ЗабВО не имелось. Повышением квалификации офицеров в округе занимались окружные объединённые курсы усовершенствования офицерского состава на станции Дивизионная и курсы подготовки и переподготовки политсостава в Чите⁴⁵.

Из медицинских учреждений в ЗабВО остались 16 военных госпиталей, 3 военных санатория (Атамановский, Дарасунский и Молоковский) и более 30 других (лазаретов, поликлиник, лабораторий и т. п.), учреждений других тыловых служб: 14 — военных сообщений, 18 — снабжения горючим, 5 — продовольственных, 5 — интендантских, 5 — ветеринарных⁴⁶.

В ведении Политуправления округа остались более 15 учреждений: редакции и типографии трёх газет (окружной «На боевом посту», на китайском и монгольском языках), ансамбль красноармейской песни и пляски в Чите, 8 Домов офицеров, 3 политотдела спецчастей гарнизонов и один склад⁴⁷.

Содержанием и ремонтом казарменной базы, обеспечением войск имуществом, мебелью, топливом и материалами в ЗабВО занимались 20 квартирно-эксплуатационных частей гарнизонов и до 20 других организаций (участков военно-строительных работ, кирпичных заводов, мастерских, автобаз и др.), всего в общей сложности около 40 частей и организаций⁴⁸.

Из органов местного военного управления в округе остались 65 военных комиссариатов: в Бурят-Монгольской АССР — 25, в Читинской области — 40⁴⁹.

Отдельно следует остановиться на территориях Хабаровского края, Амурской области и Еврейской автономной области, которые не были отнесены к ЗабВО. К июлю 1947 года все расположенные здесь войска и военные учреждения (кроме соединений, частей и учреждений ВВС и Войск ПВО страны)

перешли в подчинение управления 1-й Отдельной Краснознамённой армии (1 ОКА), которое было образовано на базе управления 1 КА. Управление 1-й ОКА обладало функциями военного округа и находилось в непосредственном подчинении Главного командования войск Дальнего Востока. Командующим этой армией был назначен генерал-полковник В.Я. Колпакчи, в 1950 году на данном посту его сменил генерал-полковник Д.Д. Лелюшенко.

В состав 1 ОКА (соединения и части дислоцировались вдоль советско-китайской границы от Благовещенска до Бикина, управление армии — в Куйбышевке-Восточной) в ходе реорганизации 1947 года вошли 4 дивизии (12 и 39 сд, 13 пулад, 33 зенад), 2 артиллерийские бригады (213 пабр и 4биптабр), части армейского подчинения и различные учреждения. При этом 13 пулад перевели на новую организацию, а 14 пулабр переформировали в 6-й отдельный пулемётно-артиллерийский полк (пулап). В 13 пулад из пулемётно-артиллерийских батальонов образовали 2 пулемётно-артиллерийских полка, из отдельных артиллерийских дивизионов — артиллерийский полк, в состав дивизии включили танковый полк, зенитный артиллерийский дивизион и мотострелковый батальон⁵⁰.

Изменения в составе войск на Дальнем Востоке в 1947—1953 гг., в том числе и в ЗабВО, были вызваны международной обстановкой, которая складывалась в это время у советских дальневосточных границ и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. При этом следует отметить, что состав войск в ЗабВО в эти годы сокращался, в то время как в ДВВО и ПримВО он усиливался.

Например, к маю 1948 года в ЗабВО расформировали управление 36 А вместе с частями и подразделениями охраны и обслуживания. В 6-й гв. МА 202 лабр переформировали в артиллерийский полк кадра, а 103 зенад — в 429 зенабр. Были также расформированы более 50 соединений и частей родов войск, специальных войск, технического обеспечения и тыла⁵¹. В это же самое время в ДВВО на базе управления 126-го лёгкого горно-стрелкового корпуса в городе Петропавловске-Камчатском было образовано управление 14 А, а на Камчатке и Чукотке — ряд соединений, частей и учреждений этой армии.

В 1948—1953 гг. значительно менялся состав 12 ВА (с 1949 г. — 45 ВА), а также группировки Войск ПВО страны на территории ЗабВО (с 1949 г. — Забайкальский район ПВО). Это было вызвано реформами, проводившимися в это время в Войсках ПВО страны и в ВВС Вооружённых Сил СССР, а также участием ряда соединений и частей из состава 45 ВА и Забайкальского района ПВО в Корейской войне 1950—1953 гг.

Так, в 1948 году в 12 ВА ЗабВО расформировали 30 атехд, а управление 12 сак передали в состав 9 ВА ПримВО⁵². В 1949 году в рамках реорганизации ВВС 12 ВА была переименована в 45 ВА. В состав армии в это время входили 246 и 254 иад, 30 бад (переименованная в 156 бад), 186 шад, 54 атд, части и учреждения армейского подчинения⁵³. В 1951 году в состав 45 ВА прибыла 74 шад, а из армии убыли 156 бад и 186 шад⁵⁴.

В сентябре 1952 года в Комсомольско-Хабаровский район ПВО из 45 ВА убыла 254 иад. В это же

время с Ляодунского полуострова на территорию СССР вывели управление и две дивизии 83 сак (134 шад и 228 бад) 54 ВА ПримВО и передали их в состав 45 ВА ЗабВО⁵⁵. В 1952 году в рамках реорганизации ПВО страны на базе управления 15-й бригады ПВО в Чите было образовано управление Забайкальского района ПВО, в состав которого вошли 297 иад, два зенитных артиллерийских полка (668-й и 750-й), части обеспечения⁵⁶.

В период Корейской войны 1950—1953 гг. войска ЗабВО, как и войска соседних Дальневосточного и Приморского военных округов, принимали участие в оказании помощи вооружённым силам Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) и Китая (КНР).

В 1951 году на территорию КНР в состав 64-го истребительного авиационного корпуса (иак) из Забайкальского района ПВО убыла 297 иад, а из 45 ВА — 186 шад, 411, 413 и 414-й отдельные авиационные технические батальоны, 214-я подвижная авиаремонтная мастерская⁵⁷. Осенью 1951 года на территорию КНР была направлена 92 зенад, вместо которой в состав Забайкальского района ПВО прибыла 28 зенад⁵⁸, а в 1952 году на территорию КНР убыл 65-й отдельный дивизион радиосветообеспечения⁵⁹.

В ходе очередной реорганизации, которая проводилась с апреля 1953 года, Управление главкомандующего войсками Дальнего Востока расформировали. К июню этого же года на базе управлений главкомандующего и Приморского военного округа сформировали управление единого на Дальнем Востоке военного округа — Дальневосточного (3-го формирования), в состав которого вошли войска бывших Дальневосточного, Приморского военных округов и 1 ОКА. Забайкальский военный округ стал самостоятельным.

Анализ материала показывает, что образование ЗАВО, как и других военных округов, было связано с переводом страны и Вооружённых сил с военного на мирное время, а его преобразование в ЗабВО, с выделением 1 ОКА в самостоятельное оперативное и административно-территориальное объединение с функциями военного округа, вызывалось военно-политической обстановкой на Дальнем Востоке и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Со стабилизацией международной обстановки ЗабВО стал самостоятельным. Опыт функционирования управления ЗАВО (ЗабВО) может быть использован при решении вопросов совершенствования управления группировками войск на Дальнем Востоке России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Русский архив: Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30—40-е годы: Документы и материалы. Т. 18 (7-2). М.: ТЕРРА, 2000. С. 143—146.

² Там же. С. 149, 150.

³ Там же. С. 149.

⁴ Военная энциклопедия: В 8 т. Т. 3. М.: Воениздат, 1995. С. 197.

⁵ Филиал Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации в Восточном военном

округе (Филиал ЦАМО в ВВО). Ф. 2188. Оп. 2488. Д. 2. Т. 1. Л. 162—175.

⁶ Там же.

⁷ См. интернет-ресурс: <http://www.encyclopedia.kz>.

⁸ См. интернет-ресурс: <http://www.vvmvd.ru>.

⁹ См. интернет-ресурс: <http://structure.mil.ru>.

¹⁰ Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1941—1945. Т. 16 (5—4). С. 252.

¹¹ Филиал ЦАМО в ВВО. Ф. 2188. Оп. 2488. Д. 2. Т. 1. Л. 178, 179, 186—192.

¹² Там же. Л. 194 об.—200.

¹³ Там же. Л. 253, 254.

¹⁴ Там же. Л. 261—264.

¹⁵ Там же. Л. 174 об.—207.

¹⁶ Там же. Л. 174 об.—179 об.

¹⁷ Там же. Л. 179 об., 180, 181, 182 об.—184, 189, 192 об., 193, 198—201.

¹⁸ Там же. Л. 180, 182, 184, 185, 189, 193—198, 201.

¹⁹ Там же. Л. 186—189, 190—192, 208.

²⁰ Там же. Л. 192 об.—194, 201, 202.

²¹ Там же. Л. 186—192, 190—192, 200 об.

²² Там же. Л. 194.

²³ Там же. Л. 202, 203.

²⁴ Там же. Л. 203—206.

²⁵ Там же. Л. 200, 206—209.

²⁶ Там же. Л. 209 об.—213, 233—235.

²⁷ Там же. Л. 208.

²⁸ Там же. Л. 213—218.

²⁹ Там же. Л. 218, 219 об., 228—230.

³⁰ Там же. Л. 231—233.

³¹ Там же. Л. 236, 237, 243, 244.

³² Там же. Л. 238—242.

³³ Там же. Л. 261—264, 248—260.

³⁴ Там же. Л. 260, 261.

³⁵ Там же. Л. 265, 266.

³⁶ Ордена Ленина Забайкальский. М.: Воениздат, 1980. С. 224—228.

³⁷ Военная энциклопедия: В 8 т. Т. 2. М.: Воениздат, 1994. С. 418; Ордена Ленина Забайкальский... Воениздат, 1980.

³⁸ Филиал ЦАМО в ВВО. Ф. 2188. Оп. 2488. Д. 2. Т. 1. Л. 395—404.

³⁹ Там же. Л. 194 об.—200, 416 об., 417.

⁴⁰ Там же. Л. 405, 407, 408 об., 409.

⁴¹ Там же. Д. 4. Т. 1. Л. 157 об.

⁴² Там же. Л. 158, 159.

⁴³ Там же. Л. 158—162.

⁴⁴ Там же. Л. 171.

⁴⁵ Там же. Л. 159 об.

⁴⁶ Там же. Л. 162—168.

⁴⁷ Там же. Л. 170, 171.

⁴⁸ Там же. Л. 172, 177.

⁴⁹ Там же. Л. 238—242.

⁵⁰ Там же. Л. 271—275.

⁵¹ Там же. Л. 384, 385, 388, 396, 399.

⁵² Там же. Л. 419, 421, 422.

⁵³ Там же. Д. 8. Т. 2. Л. 217—226.

⁵⁴ Там же. Т. 1. Л. 262, 266.

⁵⁵ Там же. Д. 13. Т. 4. Л. 375, 379—381, 540, 541.

⁵⁶ Там же. Д. 6. Т. 1. Л. 186.

⁵⁷ Там же. Л. 266, 268 об., 269.

⁵⁸ Там же. Д. 8. Т. 1. Л. 732, 733.

⁵⁹ Там же. Д. 13. Т. 2. Л. 388.

А.В. ОЛЕЙНИКОВ

A.V. OLEYNIKOV

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ВОИНСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ АРМИИ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

NATIONAL MILITARY FORMATIONS OF THE RUSSIAN ARMY DURING WORLD WAR I

Сведения об авторе. Олейников Алексей Владимирович — профессор кафедры истории России Астраханского государственного университета, доктор исторических наук (г. Астрахань. E-mail: stratig00@mail.ru).

Аннотация. В статье рассказывается о национальных воинских формированиях русской армии периода Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война; Россия; Русская Императорская армия; территориально-национальные боевые единицы; армянские дружины; Польский корпус; Кавказская туземная конная дивизия; Чешская дружина; латышские стрелки.

Information about author. Aleksey Oleynikov — Associate Professor of Civil Law Disciplines of the Astrakhan State Technical University, D. Sc. (Hist.), Cand. Sc. (Law) (Astrakhan. E-mail: stratig00@mail.ru).

Summary. The article describes the national military units of the Russian army of the First World War.

Keywords: World War I; Russia; Imperial Russian Army; territorialnonatsionalnye combat units; Armenian squad; Polish Corps; Savage Division; The Czech squad; Latvian Riflemen.

Необходимо отметить, что в России (в отличие, например, от Германии) в начале Первой мировой войны территориальный принцип комплектования регулярной армии не применялся (за исключением казачьих войск и некоторых частей). Но политические и военные реалии Первой мировой войны привели к тому, что в структуре русской армии появились новые территориально-национальные боевые единицы.

ТАКИЕ формирования не были незнакомы русской армии. Российская империя — великое многонациональное государство, численность населения которого к 1917 году составляла свыше 180 млн человек: 66,8 проц. русские (в т.ч. 44,3 проц. великороссы, 17,8 проц. малороссы, почти 4,7 проц. белорусы), 6,3 проц. поляки, 4 проц. евреи, 1,4 проц. немцы, 2,8 проц. прибалты (1,1 проц. латыши, менее 1 проц. литовцы, 0,8 проц. эстонцы), 1,06 проц. грузин (включая мингрельцев и имеретинцев), 0,93 проц. армяне, до 0,9 проц. молдаване и румыны и т.д. Разумеется, это накладывало отпечаток и на состав русской армии.

Так, в эпоху императоров Александра I и Николая I входившее в состав империи Царство Польское имело свои вооружённые силы. Но участие их в мятеже 1831 года привело к их ликвидации, что тем не менее не сказалось на положении офицеров-поляков других воинских частей русской армии. Повторный мятеж 1863 года привёл к тому, что в состав Генерального штаба русской армии перестали допускать католиков. Вместе с тем благородное отношение русских властей к полякам-офицерам сохранилось: например, когда русские армейские части были отправлены в Польшу на подавление этого мятежа, всем служившим в них полякам было предоставлено право (без ущерба для карьеры) перевода в воинские части, не участвовавшие в этой войне.

В конце XIX века Великое княжество Финляндское также имело свои войска, однако после освобождения Финляндии от воинской повинности (заменена внесением дополнительного налога) финляндские полки, но уже с русским составом, сохранились в армии под наименованием «Финляндские».

Ряд народностей Российской империи были освобождены от воинской повинности, ложившейся на плечи прежде всего коренного российского населения. Но представители данных народов, желавшие поступить на военную службу, имели такую возможность, например генерал-лейтенант К.Г.Э. Маннергейм (финн), генерал от артиллерии С.С. Мехмандаров (кавказский татарин) и др.

Но именно начало невиданной войны вызвало появление не просто территориальных, но и национальных воинских формирований — призванных усилить действующую армию и в боевом, и в идеологическом отношении.

Также необходимо разграничить национальные части из российских подданных в составе русской армии и иностранные части, находившиеся на Русском фронте Первой мировой войны. Так, если Сербская пехотная дивизия была сформирована из славян — австро-венгерских военнопленных, то чешские части (несмотря на то, что в них значительный процент составляли чехо-военнопленные) в значительной мере (особенно на момент формирования) комплектовались из чехов — российских подданных.

Польские части и соединения

В 1914 году после опубликования Верховным главнокомандующим русской действующей армией великим князем Николаем Николаевичем Декларации о предоставлении Польше после войны автономии в составе Российской империи Польский национальный комитет издал воззвание, в котором сообщалось о формировании в г. Ново-Александрия дружин ополчения (польских легионов) из поляков, находящихся в составе русской регулярной армии. Разрешение на формирование легионов последовало 18 октября 1914 года. И вскоре на перекрёстках улиц в городах и местечках Западного края были расклеены воззвания на польском языке следующего содержания: «Как один человек, должны мы стать в ряды русской армии для удаления пруссаков из пределов Царства Польского... Не допустим в будущем обиды наших братьев в местах, завоёванных пруссаками. Берут нашу молодёжь, посылают их в первые ряды войск, насилуют наших матерей, сестёр и дочерей; грабят наши имения, оставляя после себя нищету и опустошение... В польских легионах будет введена польская команда. Оружие, амуниция и продовольствие будут даны правительством, обмундировка за свой счёт. Более состоятельные смогут сообразно своим средствам обмундировать неимущих»¹.

Легионерами могли стать поляки-католики, достигшие 18-летнего возраста, не бывшие под судом и представившие справку о состоянии здоровья. Каждый легионер был обязан соблюдать воинскую дисциплину. Оставлять ряды легиона до окончания войны запрещалось.

Командный состав легионов комплектовался из офицеров-поляков, выделенных из армейских частей. А в кавалерийский уланский дивизион стали приниматься представители польских аристократических родов, прежде всего из числа лиц, получивших боевые отличия². Был создан комитет польских легионеров, председателем которого стал генерал от инфантерии Свидзинский, а начальником управления — подполковник Горчинский³.

Каждый легион должен был включать в свой состав один стрелковый батальон, пулемётную команду, подразделение связи, кавалерийский эскадрон и лёгкую батарею. Реально были сформированы 2 стрелковых батальона и 1 уланский дивизион (из двух эскадронов).

18 февраля 1915 года стрелковые батальоны были переименованы в 739-ю и 740-ю ополченческие дружины, а уланские эскадроны — соответственно в 104-ю и 105-ю (позднее — 115-ю и 116-ю) ополченческие конные сотни (переименование осталось на бумаге). Дружины и сотни вошли в 104-ю ополченческую бригаду.

22 сентября 1915 года 104-я ополченческая бригада была переименована в Польскую стрелковую бригаду. Она комплектовалась путём приёма в её ряды добровольцев-поляков и выделения поляков-военнослужащих из других частей армии. В соответствии с приказом от 9 мая 1916 года все польские формирования включили в состав Гренадерского корпуса. До Февральской революции 1917 года бригада «была в большом некомплекте, а боевые качества её оставляли желать лучшего»⁴.

Эскадроны польских улан как мобильные подразделения придавались другим частям русской армии на Западном фронте — 1-й эскадрон находился в составе 4-го кавалерийского корпуса, а 2-й — в ка-

честве 7-го эскадрона в лейб-гвардии Драгунском полку. Осенью 1916 года уланский дивизион получил приказ перейти в г. Чугуев для переформирования в Польский уланский полк. В этом городе уланский дивизион встретил Февральскую революцию 1917 года. Поляки отказались признать Временное правительство, т.к. не были освобождены от присяги, принесённой государю, и лишь после официального сообщения дивизиону об отречении императора личный состав заявил начальнику гарнизона о признании Временного правительства.

После Февральской революции в соответствии с приказом от 24 января 1917 года Польская стрелковая бригада была развёрнута в дивизию (в августе получила № 1) в составе четырёх 3-батальонных полков, а уланский дивизион был переформирован в полк.

После революции, когда Временное правительство предоставило широкую автономию польским частям, польский элемент частей русской армии стихийно двинулся в «свою» армию. Усилившаяся дивизия послужила кадром для формирования 1-го Польского корпуса в составе трёх дивизий. 13 июля 1917 года бывший командир 38-го армейского корпуса генерал-лейтенант И.Р. Довбор-Мусницкий принял командование над 1-м Польским корпусом. В сентябре был переброшен в Могилёвскую губернию, в состав этого соединения, и уланский полк (получивший название 1-й Польский уланский Креховецкий полк), послуживший основой формируемой 4-полковой уланской дивизии. В августе началось формирование 2-й и 3-й стрелковых дивизий, запасной стрелковой бригады и частей усиления. В состав корпуса входили и два рыцарских легиона, являвшихся резервом офицерских кадров и одновременно ударно-штурмовыми подразделениями (192 офицера и 48 солдат в каждом)⁵. Войска 1-го Польского корпуса были сосредоточены в районе Минск — Бобруйск — Могилёв — Смоленск.

Осенью 1917 года на Юго-Западном фронте — на Волыни и в Подолии — начался процесс формирования 2-го Польского корпуса и намечено создание 3-го Польского корпуса. Но к концу января 1918 года удалось сформировать лишь одну стрелковую дивизию с артиллерией, двумя уланскими полками и техническими частями.

В итоге осенью 1917 года существовали следующие польские части и соединения: а) 1-й Польский корпус (сосредоточен в районе Бобруйска) в составе трёх стрелковых и одной кавалерийской дивизий — до 24 тыс. человек; б) 2-й Польский корпус (Бессарабия) в составе неполной стрелковой дивизии и двух кавалерийских полков с одной конной батареей — до 10 тыс. человек; в) 3-й Польский корпус (Винница — Умань), который фактически представлял собой только бригаду в составе нескольких пехотных частей, двух полков кавалерии и конно-артиллерийского дивизиона — всего около 3 000 человек.

Важнейшее значение, разумеется, имел 1-й корпус, расположенный на московском направлении. И, несмотря на то что корпус объявил о своём нейтралитете по отношению к произошедшему перевороту, сразу после Октябрьской революции большевистское командование попробовало распропагандировать его части. 27 ноября 1917 года был издан приказ о демократизации польских соединений, т.е. о внедрении войсковых комитетов и выборов командного состава. Но «Польские воинские части... отличались от общероссийских тем, что... не имели комитетов, сохраняли

дореволюционную дисциплину, безусловное подчинение начальству...»⁶.

Тогда началось вмешательство во внутреннюю жизнь корпуса, последовали аресты. Был издан приказ о том, что вследствие неподчинения польского соединения требованиям Ставки оно лишалось всех видов довольствия. В январе 1918 года была сделана попытка разоружить польские части. В итоге в январе—феврале в районе Быхов — Жлобин — Бобруйск началась борьба между частями 1-го Польского корпуса и революционными войсками, которая продолжалась до германского наступления.

Продержавшись до прихода германских войск, по соглашению с немцами в целях сохранения корпуса как будущего ядра польской армии польские части (теперь уже в качестве немецкого союзника) оставались в районе Бобруйска. Но весной 1918 года части 1-го Польского корпуса были разоружены немцами.

Ещё более трагично закончил своё существование 2-й Польский корпус, двигавшийся в начале 1918 года из Бессарабии в Подолию, где уже хозяйничали австро-германцы, продвигавшиеся по Украине на восток. Помня о верности союзникам по Антанте, новый командир 2-го Польского корпуса полковник Галлер решил пробиваться в Россию, направив части своего соединения на Умань и Канев. Но окружённый под Каневым в начале мая 1918 года, после боя, в котором он потерял до 100 военнослужащих убитыми и 200 ранеными, корпус сложил оружие. Все офицеры и солдаты стали военнопленными, но большинству из них удалось бежать в 1-й корпус либо отойти к Одессе, которую удерживали части 3-го Польского корпуса, позже сдавшиеся австрийцам.

Чешская дружина (отдельный Чехословацкий корпус)

К началу войны в Российской империи проживали более 100 тыс. чехов (75 проц. из них — в Киевской и Подольской губерниях), а в составе русской армии служили до 600 офицеров и 15 тыс. солдат — этнических чехов и словаков.

Начало войны привело к активизации чехословацкого национального движения, стремившегося к становлению самостоятельного государства, выделившегося из состава Австро-Венгерской империи. Чешский национальный комитет обратился к Николаю II с призывом помочь в освобождении родины, а во время аудиенции у императора чешской делегацией был предложен проект создания национальной воинской части. 30 июля 1914 года проект был одобрен Военным министерством.

Чешская дружина (на правах батальона) формировалась из добровольцев — русских чехов в Киевском военном округе, и к 20 августа были набраны уже 500 добровольцев. Не менее трети состава рот должны были составлять русские. К 10 сентября в дружине числились: 21 офицер (в т.ч. 6 чехов), 921 дружинник — нижний чин, а также 149 нестроевых чинов.

28 сентября состоялись присяга и освящение знамени дружины, а в октябре она выступила на передовую, войдя в состав 3-й армии Юго-Западного фронта.

В конце октября — начале ноября дружину ротами и взводами придавали дивизиям и корпусам армии для решения разведывательных задач. В дальнейшем, когда 3-й армии пришлось вести бои против

частей германской армии, чешские подразделения были переданы 7, 8 и 11-й армиям, против которых действовали австро-венгерские войска. К началу 1915 года дружина насчитывала не более 1 000 человек, а за 1915 год в неё влились 1,2 тыс. человек. Потери к концу года составили 41 человек убитыми, 95 ранеными и 25 пропавшими без вести⁷.

В декабре 1915 года был создан 1-й Чешско-Словацкий стрелковый полк имени Яна Гуса. 1-й батальон полка, сформированный на основе Чешской дружины, был оставлен на Западном фронте, а 2-й батальон переброшен на Юго-Западный фронт. В этот период полк насчитывал до 2 000 штыков и состоял из 11 рот (восьми пехотных, резервной, пулемётной и нестроевой).

Уже в конце 1914 года было разрешено набирать в дружину добровольцев из числа пленных чехов и словаков, но лишь при условии чьего-либо ручательства за их политическую благонадёжность, в том числе в прифронтовой полосе. С марта 1915 года Верховный главнокомандующий разрешил зачислять в чешские подразделения перебежчиков и пленных из числа бывших австро-венгерских военнослужащих. И в марте 1916 года на фронте действовали уже два полка, которые в мае были сведены в бригаду. К декабрю она насчитывала в своём составе 5750 человек (3250 — в первом полку и 2500 — во втором), которые в большинстве были бывшими военнопленными.

В июне того же года было принято решение на основе бригады сформировать отдельное чехословацкое соединение, непосредственно подчинённое Ставке. Место сосредоточения — г. Киев, пополнение — не только за счёт добровольцев и пленных, но и за счёт мобилизаций. В феврале 1917 года появился 3-й стрелковый полк, и численный состав бригады достиг 7 000 человек. Процесс формирования дивизии был прерван Февральской революцией и возобновлён лишь летом 1917 года.

После Июньского наступления 1917 года бригада насчитывала более 3,5 тыс. штыков. Её успешные действия на фронте предопределили согласие русского Верховного командования на создание более крупного соединения на её основе — 1-й Чехословацкой стрелковой дивизии (4 полка) и ускорили этот процесс. 7 июля 1917 года Верховный главнокомандующий дал согласие на создание 2-й Чехословацкой дивизии. 26 сентября⁸ было начато формирование отдельного Чехословацкого корпуса в составе двух дивизий и запасной бригады (до 40 тыс. солдат и офицеров).

С января 1918 года корпус, который должен был представлять чехословацкую армию на Французском фронте, начал движение на восток. Закончилось его участие в Первой мировой войне, начиналось участие в Гражданской войне в России — на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке.

Латышские стрелковые части

Создание латышских добровольческих частей на ключевом оперативном направлении (рижском) давало русскому командованию возможность получения дополнительных людских резервов для важного участка русско-германского фронта в тяжёлый период войны на Русском фронте.

Верховное командование 29 мая 1915 года санкционировало создание латышских добровольческих батальонов. Это решение поддерживали командование Северного фронта и начальник Штаба Верховного

главнокомандующего генерал от инфантерии М.В. Алексеев.

Латышские стрелковые батальоны по первоначальному плану должны были заниматься прежде всего разведкой в тылу врага и организацией партизанской войны. 16 июля 1915 года было утверждено положение об организации батальонов и создан гражданский комитет, во главе которого был поставлен член Государственной думы от Лифляндской губернии Я. Голдман. Помимо казённых средств деньги на организацию батальонов отпускали местные предприниматели и финансовые учреждения.

В 1915 году в ряды батальонов поступили 6296 человек, причём основной их контингент составляла молодёжь, подлежащая призыву в том же году. Соответственно батальоны пришлось доукомплектовывать солдатами-латышами, переведёнными из других воинских частей Северного фронта и из тыловых частей. В дальнейшем от принципа добровольчества пришлось отказаться, и в латышские стрелковые батальоны начали направлять всех подлежащих призыву латышей.

Старшинство 1-го Усть-Двинского и 2-го Рижского батальонов исчислялось с 1 октября 1915 года, в то время как 3-го Курземского и 4-го Видземского батальонов — с 20 января 1916 года. Батальоны были 4-ротными, пока 11 мая 1916 года не были сформированы 5-е и 6-е роты. 15 сентября части были развёрнуты в 2-батальонные (8-ротные) полки. 31 октября 1916 года вышел приказ о формировании 5-го Семигальского, 6-го Туккумского, 7-го Бауского и 8-го Вольмарского латышских стрелковых полков.

Полки были объединены в две бригады с общим количеством бойцов 38 тыс. человек при одной тысяче офицеров. Кроме того, в армейском тылу (в Юрьеве) был сформирован Латышский резервный полк, численный состав которого колебался от 10 до 15 тыс. солдат.

Латышские стрелковые полки в основном (на 90 и более проц.) были укомплектованы латышами, но в них были солдаты и других национальностей — русские, эстонцы, литовцы, поляки и др. Так, в 6-м Туккумском латышском стрелковом батальоне состояли: солдат-латышей, переведённых из русских частей, — 933 человека (53,6 проц.); мобилизованных — 387 (20,9 проц.); добровольцев — 472 (25,5 проц.). Латышей в батальоне было 87,7 проц., эстонцев — 5 проц., русских — 2,8 проц., литовцев — 2,5 проц., солдат других национальностей — 2 проц.

Латышские стрелковые полки входили в состав войск Северного фронта, которые прикрывали подступы к Петрограду. Вместе с сибирскими частями 12-й армии они занимали боевые позиции на Рижском плацдарме. Он имел важнейшее стратегическое значение, т.к. Рига являлась ключом к Петрограду, а немцы в 1915 году стояли в нескольких десятках километров от Риги, занимая позиции у р. Лиелупе и по левому берегу р. Даугавы.

В декабре 1916 года обе латышские бригады были объединены в Латышскую стрелковую дивизию, но в связи с неудачным исходом Митавской операции в январе 1917 года и последовавшей революцией реорганизация практически не была закреплена, аппарат по управлению дивизией создан не был.

Кавказская туземная конная дивизия

Уникальным соединением русской армии являлась Кавказская туземная конная дивизия. Проживавшие в Российской империи народы Северного Кавказа,

исповедовавшие ислам, были освобождены от воинской повинности. Некоторые представители горской знати получали военное образование и служили офицерами в Императорской армии, во время войн из горцев формировались добровольческие части, но пока не началась Первая мировая война, до создания крупных горских добровольческих соединений дело не доходило.

26 июля 1914 года наместник на Кавказе и главнокомандующий войсками Кавказского военного округа граф И.И. Воронцов-Дашков обратился к императору с предложением создать кавалерийскую дивизию из «воинственных народов Кавказа». 27 июля Николай II разрешил сформировать 6 конных полков 4-сотенного состава каждый. В соответствии с этим на Кавказе 5 августа началось формирование трёх бригад: 1-я включала в себя Кабардинский и 2-й Дагестанский, 2-я — Чеченский и Татарский, 3-я — Черкесский и Ингушский конные полки. В течение двух недель тысячи горцев добровольно явились на сборные пункты, так что в полках пришлось установить жёсткий отбор.

Командиром дивизии стал брат императора (что очень льстило горцам) — великий князь Михаил. Генералы и штаб-офицеры назначались из состава частей и учреждений, не состоявших в действующей армии, в частности из постоянного состава Офицерской кавалерийской школы (среди них знаменитые наездники — князь Д.И. Багратион, принц Наполеон Мюрат, полковники Г.А. Мерчуле, Абелов, ротмистр Бертрэн и др.). В штабе дивизии, а затем во 2-м Дагестанском полку служил сын великого русского писателя Л.Н. Толстого — ротмистр М.Л. Толстой. Многие стремились попасть в ряды дивизии, привлекаемые кавказской экзотикой. По количеству представителей знатнейших родов туземные полки могли состязаться с гвардией. Обер-офицеры и унтер-офицеры подбирались из кавалерийских и казачьих полков, по возможности из лиц, связанных с Кавказом и знающих языки и обычаи горцев. Тем не менее большинству офицеров приходилось всегда иметь при себе переводчиков. В дальнейшем, уже на фронте, многие всадники были произведены в первый офицерский чин за боевые отличия.

В каждом полку числились 22 офицера, полковой мулла, 3 военных чиновника, 575 всадников и 68 нестроевых чинов. Дивизии были приданы следующие части и подразделения: пулемётный и конно-подрывной отряды Балтийского флота, 2-й конно-горный артиллерийский дивизион, команда связи, автомобильный и мотоциклетный отряды, перевязочный и санитарный отряды. Обозы состояли из русских солдат, так как горцы считали для себя неприемлемым служить на нестроевых должностях.

Очевидец так характеризовал новую дивизию: «Кавказская Туземная конная дивизия, прозванная "Дикой", была сформирована из кавказских горцев. Полудикие, почти без всякой военно-уставной подготовки, в большинстве случаев не знавшие русского языка, они разрешали возложенную на них задачу благодаря природным дарованиям и исключительной любви к военному делу. Наездники они были почти все очень хорошие. Боевую дисциплину инстинктивно усваивали, что же касается дисциплины внутренней... вне боя, то этого они не понимали, и только года через 2—3 с трудом одолели, и то не полностью. Ближайшие начальники должны были зорко следить, дабы предотвратить вовремя могущие быть недоразумения, в особенности в области взаимоотношений с местными

жителями, которых, по ту сторону границы, горцы считали врагами России, а следовательно, и своими»⁹.

Другой очевидец писал: «Кавказская туземная дивизия в боевом отношении и по преданности России была одной из лучших частей русской армии до последнего дня её развала и полностью выполнила свой долг перед Царём и родиной. Ни дезертиров, ни сдавшихся в плен она не знала...»¹⁰.

Учитывая надёжность и дисциплину, проявленные горцами во время летних боёв 1917 года, Верховный главнокомандующий генерал от инфантерии Л.Г. Корнилов решил объединить все кавказские части в один корпус. Его приказом от 21 августа 1917 года № 354 в Кавказскую туземную конную дивизию передали из состава 3-й Кавказской кавалерийской дивизии Осетинский и 1-й Дагестанский конные полки. Кроме того, предписывалось сформировать 2-й Осетинский конный полк. Вместе они должны были составить Кавказский туземный конный корпус из двух дивизий: 1-я дивизия — Кабардинский, Чеченский, Черкесский и Татарский конные полки; в то время как 2-я дивизия — 1-й и 2-й Осетинские, 1-й и 2-й Дагестанские и Ингушский конные полки.

Кавказский туземный конный корпус был расформирован в январе 1918 года.

Армянские добровольческие дружины

Армяне Российской империи, с 1886 года отбывавшие обязательную воинскую повинность, участвовали в мировой войне в составе русской армии (призвано 13 проц. армянского населения). Но вступление в войну на стороне держав германского блока Турции, злейшего врага армянского народа, предопределило значительное повышение активности армян в борьбе с общим врагом. Очевидно, что победа Центральных держав, а значит, и Турции, привела бы к уничтожению армянского населения Турции и Закавказья.

Именно в этот период, не довольствуясь лишь участием в боевых действиях в рядах русской регулярной армии, армяне просили военно-политическое руководство России разрешить сформировать свои добровольческие дружины для действий именно на Кавказском фронте.

В середине сентября 1914 года Армянский национальный совет получил разрешение на создание четырёх добровольческих дружин. Формирование было закончено к концу октября 1914 года, а общая численность дружин достигла 2,5 тыс. человек (ещё 600 в резерве). Возглавили дружины герои-партизаны антитурецкого национально-освободительного движения — Андраник, Амазасп, Кери и Дро.

В более крупные соединения дружины не объединяли, придавая их корпусам и боевым группам Кавказского фронта. Так же как и чешских дружинников на австрийском фронте, армян считали наиболее полезными для несения разведывательной службы на турецком фронте. Дружины были распределены равными частями по всему Кавказскому фронту.

В начале 1915 года появились 5-я (командир — Вартан) и 6-я (Авшарян) дружины. Каждая дружина насчитывала 1 000 бойцов (6 дружин — соответственно 6 000 человек). В начале 1915 года 2, 3, 4 и 5-я дружины вошли в состав Ванского отряда Кавказской армии. Позднее появились 6-я и 7-я дружины. В начале марта 1916 года Ставка приняла решение преобразовать армянские добровольческие дружины в 4-ротные армянские стрелковые батальоны — по образцу пластун-

ских батальонов. В зависимости от того, как позволяла боевая обстановка, дружины снимали с передовой и отводили в ближний тыл для переформирования. 1-я дружина была расформирована (вследствие её малочисленности) и пошла на укомплектование других частей; 2-я дружина превратилась в 1-й, 3-я — во 2-й, 4-я — в 3-й, 5-я — в 4-й, 6-я — в 5-й и 7-я — в 6-й стрелковые батальоны.

В связи с постепенным послереволюционным развалом и уходом с Кавказского фронта русской армии встал вопрос о защите Закавказья и стрелковые батальоны в июле—октябре 1917 года были развернуты в полки, а в декабре 1917 года создан Армянский армейский корпус в составе 1-й и 2-й армянских стрелковых дивизий, дивизии армянских добровольцев, кавалерийской бригады, территориальных и маршевых частей. Корпус стал основой для формируемой армянской национальной армии и щитом в деле обороны Закавказья от турок в 1918 году.

Очевидны следующие две тенденции, связанные с формированием и развитием национальных частей русской армии.

Во-первых, они первоначально (а некоторые и всю войну) носили добровольческий характер, что говорило о чувстве патриотизма и любви жителей национальных окраин к своей общей Родине. Во-вторых, в период 1914—1918 гг. организационно они значительно усовершенствовались и выросли — от батальонов (латышские, армянские, Чешская дружина, польские дружины-легионы) и дивизии (Кавказская туземная конная) до корпусов (три польских, чехословацкий, армянский, Кавказский туземный конный). Это говорило как о возросшем чувстве национального самосознания народов окраин Российской империи, стремившихся в «свои» части, так и о том, что национальные части и соединения себя полностью оправдали, добились боевых успехов на фронтах и сознательно разворачивались командованием в более крупные боевые единицы.

Боевой путь национальных воинских формирований был достаточно показателен.

Кампания 1914 года

На фронте бойцы Чешской дружины использовались преимущественно в качестве разведчиков: «зная немецкий язык и быт немецкого и... австрийского солдата... чехи и словаки были... идеальными разведчиками... правильная и серьёзная разведка... была у нас только с того времени, когда чехи и словаки появились на фронте»¹¹. Происходили и боевые схватки. Так, 5 ноября группа разведчиков (23 человека) у дер. Недзилиска вступила в бой с 40 венгерскими гусарами — 5 гусар были уничтожены и несколько пленены.

В составе Юго-Западного фронта дружина принимала участие во всех операциях 3-й армии, активно участвовала в подготовке Карпатской операции, осуществляя разведывательную службу на фронте армии по р. Дунаец. Кроме того, чехи охраняли штабы, обеспечивали связь, задерживали дезертиров, конвоировали пленных.

15 ноября началась переброска на Юго-Западный фронт частей и подразделений Кавказской туземной конной дивизии — в район Самбора. В начале декабря полки дивизии заняли позиции в Карпатах на берегу р. Сан и вступили в бой с австрийцами у сёл С. Горожанка — Рыбне. Кавказские горцы столкнулись с необычными для них условиями войны. Кавалеристы-туземцы на-

хождение в окопах считали бесчестьем и верили в то, что земля должна быть пристанищем мёртвых, а не убежищем живых, и при малейшей возможности покидали свои окопы, предпочитая лежать под огнём, чем в них находиться.

В ноябре начали действовать и армянские дружины. С 19 ноября 4-я дружина, входившая в состав 2-го Туркестанского армейского корпуса, усилила правый фланг Сарыкамышской группы. 29 ноября она провела ожесточённый бой за дер. Лавсор. 22 декабря турки атаковали Сарыкамышскую группу, и 4-я дружина начала отход, во время которого понесла серьёзные потери.

После захвата Дели-бабы 3-я армянская дружина, входившая в отряд генерала Пржевальского, охраняла перевал Кара-Дербент. 19 ноября она впервые встретилась с противником у с. Алагез: отбросив курдские банды, дружина после ожесточённых боёв захватила дер. Пирсахан, Хосроверан и Капанак. До 31 декабря дружина оставалась в Алагезе, охраняя левый фланг Сарыкамышской группы, осуществляя разведку и участвуя в стычках с противником. Таким образом, 3-я и 4-я дружины приняли участие в Сарыкамышском сражении, закончившемся разгромом турецкой 3-й армии.

2-я дружина как авангард Баязетского отряда, наступающего на г. Ван, 12—13 ноября участвовала в тяжёлом сражении в ущелье Тапарез, а затем, действуя в Алашкертской долине, прикрывала исход к русской границе армянских беженцев из Турции. 1-я дружина была придана Азербайджанскому отряду и принимала участие в захвате района Котура, Сарая и Асурли, а затем вела бои с курдами на ванском направлении.

К началу 1915 года дружины потеряли убитыми 156 и ранеными 743 бойца (при том что их общая численность составляла 2482 человека).

Кампания 1915 года

Январь—март 1915 года в составе 3-й армии Чешская дружина провела в ожесточённых боях на Бескидском хребте — боях с целью выхода на Венгерскую равнину. Командиры соединений и объединений одолевали штаб Юго-Западного фронта просьбами выделить им чехословацких разведчиков.

Особое место в деятельности дружины на фронте занимала агитация среди солдат и офицеров славянского происхождения в составе австро-венгерской армии, сотнями сдававшихся в русский плен.

Отбиваясь от противника после Горлицкого прорыва, войска 3-й армии успешно контратаковали. 14 мая 3-й Кавказский армейский корпус овладел фортом Слава Гура, окопами к северу от Сенявы и дер. Вилема, Цыганы, захватив 1 000 пленных, 2 тяжёлых пушки, 4 гаубицы и обозы. В обеспечении операции особую роль сыграла рота Чешской дружины, приданная 21-й пехотной дивизии, которая разагитировала 36-й (чешский) пехотный полк противника.

Летом 1915 года большая часть дружины в составе 3-й армии оказалась на Северо-Западном фронте, а на Юго-Западном остались 4-я рота и полурота 2-й роты. Летнее отступление принесло большие потери дружинникам — более 300 человек. После того как осенью фронт стабилизировался, Чешская дружина была выведена на отдых и пополнение.

Уже в начале 1915 года польские части и подразделения были на фронте. 1-й уланский эскадрон участвовал

в бою под Борками, осуществив эффектную конную атаку. 2-й эскадрон действовал в районе г. Двинска. В конце 1915 года оба эскадрона находились в районе Барановичей — на Западном фронте, входя в состав гренадерского корпуса. Польская пехота в этот период себя не зарекомендовала.

Латышские стрелковые полки начиная с осени 1915 года участвовали во всех операциях на Рижском плацдарме, проявляя при этом высокие боевые качества и воинскую доблесть. Особенно они отличились в боях у Тирельских болот, Плаканциемса и Кеккавы 25—31 октября.

В феврале между 8-й армией и румынской границей появилась 9-я армия, в состав которой перебросили и Кавказскую туземную конную дивизию.

15 февраля эскадрон Ингушского конного полка под командованием ротмистра М. Химшиева атаковал находящуюся в окопах у сел. Цу-Бабен австрийскую роту. Рота противника была уничтожена, селение взято, а комэск награждён орденом Святого Георгия 4-й степени. В тот же день отличились и части Чеченского конного полка — эскадрон ротмистра графа А. Келлера атаковал и взял дер. Брань, занятую австрийской пехотой, а чуть позднее полк, возглавляемый полковником князем Святополк-Мирским, конной атакой сбросил австрийцев с укрепленной позиции в Карпатах. Командир полка погиб и был посмертно награждён орденом Святого Георгия 3-й степени.

Части Кавказской туземной конной дивизии, входившие в состав 2-го Конного корпуса, с 29 апреля начали форсировать Днестр, приняв участие в Заднепровских боях и ликвидации захваченного австрийцами Залещикского плацдарма. Многие всадники дивизии заслужили в этих схватках боевые отличия.

В этих боях получили Георгиевские кресты Али-Султан Шакмаев, Шохай Баттаев и Хаджимуса Саттаев — за то, что, находясь 29 апреля в разъезде у деревни Городнице, увидели семь германских кавалеристов, захвативших в плен двух гродненских гусар, и по собственной инициативе бросились в атаку, освободив гусар из плена¹². А всадник Кабардинского полка Ж. Шуков получил медаль «За храбрость» за то, что при форсировании Днестра он и пятеро однополчан «при явной угрозе жизни» выполняли боевую задачу¹³.

Дивизия двигалась в направлении на Веренчаку через Киселёвку — в ходе боя 30 апреля со спешенной конницей противника были захвачены 31 пленный, 1 бомбомёт, 60 бомб и 120 гранат. 1 мая полки дивизии вышли к р. Прут в районе г. Снятина, заняв дер. Неполокуту, Белелуя и Устье-над-Прутом.

2 мая 2-й Конный корпус завершил участие в Заднепровских боях, атаковав позиции противника на правом берегу р. Прут и овладев дер. Видиново и Карлов. Именно в бою с всадниками туземной дивизии попал в русский плен И. Броз Тито — будущий президент Югославии.

Однако общее поражение на центральном участке фронта вынудило свернуть удачное наступление и отходить. При этом полки туземной дивизии сдерживалиседающего противника.

В ночь на 28 мая дивизия отошла за р. Днестр. На рассвете 29 мая, когда под прикрытием густого тумана австрийская пехота начала переправу, её встретили огнём пулемётный взвод дивизии и сотня 2-го Дагестанского полка.

В июле 12-я кавалерийская дивизия при поддержке Кавказской туземной конной дивизии пыталась лик-

видировать вражеский плацдарм. Хотя русским войскам не удалось сбросить противника в Днестр, но и австрийцы утратили инициативу.

25 августа подразделения Татарского конного полка под командованием полковника Альбрехта успешно атаковали неприятеля у дер. Новоселки-Костюхово.

Части дивизии перебросили в район г. Бучач, где они в сентябре действовали на стыке 33-го и 11-го армейских корпусов.

10 сентября дивизион Кабардинского конного полка под командованием князя полковника Бековича-Черкасского атаковал занятые австрийской пехотой окопы у дер. Доброполье. Окопы были взяты, при этом пленены 17 офицеров и 176 солдат противника. Отличился в этом бою и дивизион 2-го Дагестанского конного полка под командованием ротмистра Шамхал-Тарковского, также захвативший пленных и пулемёты. Наступление противника было остановлено.

27 октября 4-я сотня Ингушского конного полка корнета Шенгелая атаковала австрийскую пехоту. В тот же день отличилась и сотня Татарского конного полка ротмистра Трояновского, которая в районе фольварка Молох-Поле атаковала и остановила наступающую австрийскую пехоту.

В ноябре Кавказскую туземную конную дивизию возвратили к Залещикскому плацдарму. Соединение заняло левый берег Днестра — на правом фланге 9-й армии. На этих рубежах завязались позиционные бои.

1-я Армянская дружина после Сарыкамышской операции 24 января выступила к г. Сафиан. Затишье на фронте позволило отвести дружины на отдых в Эриванскую губернию и Карсскую область. 1-я дружина отличилась в бою 1 мая у Дилмана, обороняя ключевые позиции и потеряв 3 офицеров и 16 дружинников. 2, 3, 4 и 5-я дружины, объединённые в Араратский отряд, участвовали в освобождении г. Вана. 2-я дружина 23 мая овладела с. Шатах, а 31 мая — с. Мокус. Контратаки турок были отбиты. 3-я и 4-я дружины 12 июня вступили в г. Сорп.

После июльского наступления турок дружины вели арьергардные бои с противником, а осенью вновь вернулись в Ванский район. Командование неоднократно отмечало доблесть армянских дружинников в этих тяжёлых боях¹⁴.

Кампания 1916 года

В ходе летней кампании латышские стрелки отличились 3—9 июля, участвуя в наступлении ударной группы 12-й армии Северного фронта на г. Бауск. На результативность этих боёв огромное влияние оказали тактические свойства лесистой заболоченной местности, основательно укрепленной противником ещё в октябре 1915 года. Тем не менее части 3-й Сибирской стрелковой дивизии с приданными латышскими частями к концу операции овладели двумя линиями укрепленных позиций, ожесточённо обороняемых активным и чрезвычайно упорным противником. Стрелки понесли ощутимые потери: 6-й латышский стрелковый батальон — 7 офицеров убиты, 7 ранены или контужены, 175 нижних чинов убиты, 672 ранены или контужены; 7-й латышский стрелковый батальон — ранены или контужены 11 офицеров, 25 нижних чинов убиты, 251 ранен или контужен.

На Рижском плацдарме особенно кровопролитными были бои в ходе Митавской операции 23—29 декабря 1916 года. Действия частей 2-й Латышской стрелковой бригады при прорыве позиционной обо-

роны противника характеризовались следующим образом: «Подход... к проволоке... был обнаружен немцами, открывшими... огонь... Момент... критический, и лишь благодаря находчивости полковника Гоппера (К.Я. Гоппер — командир 7-го Баусского латышского стрелкового полка, кавалер ордена Св. Георгия 3-й степени. — **Прим. авт.**) движение не остановилось... масса людей ножницами и топорами прорвала проволоку и... перескочила через... забор-бруствер, захватив два пулемёта в гнездах, устроенных в виде капонира...»¹⁵.

В это время 5-й Земгальский латышский стрелковый полк «выходил на неприятельский участок, который немцы, считая единственно доступным для атаки (правее и левее его болота), сосредоточили здесь превосходные силы с большим количеством пулемётов в железобетонных блокаузах и проявляли особую бдительность. В этой атаке полк понёс потери: офицеров 26 и солдат 750, и, преодолев проволочные заграждения и перескочив... бруствер, всё же бруствером овладеть не мог (без артиллерийской подготовки), пока соседние 7-й и 8-й полки не совершили обходного движения»¹⁶.

Показательным примером удара во фланг соседнему с местом прорыва боевому участку противника являлись в этой операции действия 1-й Латышской стрелковой бригады. В шестом часу 23 декабря в пяти полосах германского проволочного заграждения были прорезаны, а частью взорваны удлинёнными зарядами два прохода, куда по условному сигналу бросились 1-й полк и батальон 3-го полка. 1-й полк быстро прорвал первую линию немецких окопов, захватив пленных и пулемёты. В версте за передовой линией окопов он встретил в лесу значительные части противника, которые после яростного рукопашного боя были отброшены. Развивая успех, полк захватил две тяжёлые 4-орудийные батареи, несколько блокаузов, пулемёты и пленных.

Батальон 3-го полка ворвался в окопы противника, захватил пулемёт и также начал двигаться в сторону фланга — вправо вдоль окопов. Двумя ротами он атаковал лесничество Мангель, которое было взято, — этим было достигнуто обеспечение прорыва справа.

2-й полк выдвинул к лесничеству полуроту с двумя пулемётами. Она отбила многократные фланговые контратаки немцев, в то время как полк остальными своими частями двинулся для обхода соседнего участка, примыкающего к прорванному фронту с востока. Дальнейшее развитие прорыва стало невозможным, т.к. немцы повели энергичные контратаки с востока, отбиваемые огнём латышей.

С началом Брусиловского прорыва 22 мая 1916 года отличились части Кавказской туземной конной дивизии.

23 мая Дагестанский и Татарский конные полки под командованием генерал-майора Краснова совершили конную атаку у м. Таста. 24 мая 3-ю бригаду дивизии передали в состав 41-го армейского корпуса. 31 мая отличился Татарский конный полк, осуществивший конную атаку у дер. Тышковцы.

После ликвидации северной группы австро-германских войск командующий 9-й армией отправил 12 июня 1916 года 2-ю бригаду Кавказской туземной конной дивизии против южной группы противника. Кавказцы блестяще справились с заданием. 15 июня под Езерянами отличился Ингушский конный полк, который отбил семь германских орудий. А 27 июня

три сотни Ингушского конного полка под командованием ротмистра С.Г. Улагая провели конную атаку на р. Стоходе.

Когда вступившая в войну Румыния была разгромлена, южный фланг Русского фронта оказался под угрозой. Срочно пришлось создавать Румынский фронт из русских частей, перебрасываемых с других участков. 17 ноября Кавказская туземная конная дивизия выдвинулась из Карпат в Румынию. Пройдя около 600 км, горцы вышли к р. Рымник и вошли в состав 4-й армии. В декабре дивизия вела бои с войсками германской 9-й армии в Молдавских Карпатах и Валахии. В конце декабря для отдыха и пополнения соединения вывели в резерв.

Армянские дружины встретили кампанию 1916 года, находясь: 1, 2, 3 и 6-я дружины — в Турции, а 4, 5 и 7-я — в Персидском Азербайджане. Дружины приняли участие в боях на Битлисском направлении операции в феврале—марте 1916 года: 2-я дружина 21 февраля вела бой за Битлисское ущелье, а 1-я дружина отличилась 29 февраля, наступая по глубокому снегу на подступах к г. Битлис.

1-я дружина в ночь со 2 на 3 марта провела успешную атаку, захватив два горных орудия, и, преследуя противника, ворвалась на его плечах в город. В дальнейшем она охраняла дорогу Муш — Битлис от налётов курдов. В начале апреля Битлисская группа включала в себя 14 батальонов, и два из них — 1-я и 3-я армянские дружины.

С 12 марта по 12 апреля 1916 года 3-я дружина осуществила рейд в Хизан. Овладев с. Кара-Су, она преодолела 120-км пространство — отбивая атаки многочисленной курдской конницы и освободив 500 пленных армян из числа гражданского населения.

Летом 1-й армянский стрелковый батальон отличился в боях на Мамахатунском направлении. Войдя в состав 39-й пехотной дивизии, в боях 8—10 июля у Кюкюртли он проявил стойкость и показал высокий боевой дух. Под сильным огнём противника, потеряв 55 проц. личного состава, он произвёл 3 атаки. 24 июля батальон вступил в г. Эрзинджан. 4-й и 6-й батальоны отличились в боях в Персидском Азербайджане. 12 августа стрелки под сильным огнём пехоты и пулемётов противника провели штыковую атаку и захватили первую линию турецких траншей у дороги Серав — Саксыз. Позже, несмотря на значительные потери, армяне повторно атаковали и к 15 часам захватили горный хребет.

Командир группы генерал Кулебякин направил командиру 4-го стрелкового батальона следующую телеграмму: «...Спасибо за ваше доблестное поведение. Я... смог на месте оценить храбрость овладевших... позицией армянских стрелков»¹⁷. 2,5 месяца батальоны действовали в авангарде русских войск, остановившись осенью в районе Бокана.

Кампания 1917 года

После Июньского наступления 1917 года Юго-Западного фронта (в котором польская пехота проявила себя очень слабо) ставился вопрос о расформировании бригады. Но уланский полк отличился 11 июля — в кавалерийском бою между Станиславовом и Креховцами (в память он получил название уланского Креховецкого). В этом бою уланскому полку пришлось, чтобы прикрыть отступление пехоты, выступить в район дер. Креховец и продержаться там до вечера. В течение 5—6 ч полк совершил 6 кавалерийских атак против

баварской пехоты и австрийских драгун. Конные атаки небольшой кавалерийской части задержали противника настолько, насколько требовалось. Доблесть полка была отмечена в приказе по фронту.

В Июньском наступлении 1917 года как самостоятельная оперативная боевая единица участвовала и Чехословацкая бригада, отличившаяся под Зборовом. В этом бою она прорвала фронт противника, захватив более 3 000 пленных и потеряв до 200 человек убитыми и до 1 000 ранеными. Бригада была награждена Георгиевскими знамёнными лентами.

Латышские стрелковые батальоны отличились и на заключительном этапе Митавской операции — при обороне Пулемётной горки. Очевидец писал: «17 января 1917 года германцы, после предварительной артиллерийской подготовки, со стороны д. Кальнцем перешли в атаку... обрушились... на 5-й и 6-й Латышские стрелковые полки... стоявшие в частном резерве в районе дер. Силенек-Нейн, в местности, покрытой редким крупным лесом... в резерве были 4 роты 5-го Земгальского латышского стрелкового полка и... 6-й Латышский стрелковый полк в траншеях в районе дер. Неин.

Артиллерийский огонь прекратился с обеих сторон, и германцы... приближались... Головной батальон германцев, храбро двигавшийся вперёд, будучи встречен огнём 4 пулемётов и до 400 винтовок земгальцев, моментально ликвидировался; убитые и раненые покрыли землю, а оставшиеся частью прижались к деревьям, ища за ними укрытия от убийственного огня, частью же бросились назад. Так как задние ряды атакующих непрерывно напирали на передние, то в конце концов стройно наступавший противник превратился в какую-то бесформенную массу, где здоровые, стремясь вперёд, топтали раненых и, спотыкаясь о тела убитых, сами падали, увеличивая тем ещё более общую сумятицу. В довершение ко всему этому две роты и 4 пулемёта... резерва, зашедшие противнику во фланг, также открыли по нему сильный огонь... Германцы не выдержали и бросились назад»¹⁸.

Латышские стрелковые батальоны также отличились в ходе Рижской операции 19—24 августа. В ночь с 20 на 21 августа германцы прорвали 2-ю линию оборонительных позиций русской 12-й армии. В течение следующих двух дней латышские стрелки на участке фронта между Икшкиле и р. Малая Югла вели ожесточённые бои с противником. Несмотря на огромный численный и технический перевес врага, четыре полка 2-й Латышской стрелковой бригады без артиллерии и резервов наносили чувствительные удары четырём пехотным дивизиям германского 51-го корпуса, поддержанного кавалерийской дивизией. Часто доходило до рукопашных схваток. Мужество и героизм в боях против немцев у Малой Юглы проявили 5-й Земгальский и 7-й Бауский полки.

Стойкость 2-й бригады, остановившей наступавшую на Роденпойс германскую 2-ю гвардейскую дивизию, предотвратила окружение в районе Риги основных сил 12-й армии. Латышский стрелок — участник боя впоследствии вспоминал: «Перед окопами стрелков накапливались целые груды немецких трупов. К вечеру 20 августа, после того как много часов подряд немецкая артиллерия концентрированным ураганным огнём разрушала позиции стрелков, и когда казалось, что ничего живого на этих позициях уже не осталось, немцы со всеми своими резервами бросились в атаку на всём фронте Малой Юглы. Но и после этого они

не пробилась вперёд. Опять заговорили пулемёты стрелков. Многие немецкие колонны были скошены, прижаты к земле. Там, где немцам удавалось ворваться в окопы стрелков, происходили самые ожесточённые рукопашные бои. В ход пускались гранаты, штыки, камни, котелки, кулаки и зубы»¹⁹. Стойкость латышей подарила командованию 12-й армии 26 часов оперативного времени.

Участник боёв офицер С. Посевин писал: «Спайка Сибирских и Латышских стрелков была ещё солидная... и ещё в руках опытных... офицеров... командир корпуса... неоднократно выказывал свою личную похвалу и восхищение о геройских подвигах и сверхчеловеческой выносливости в боях Латышских стрелков»²⁰. Обе Латышские стрелковые бригады понесли в этих боях тяжёлые потери: например, 5-й Земгальский стрелковый полк потерял 80 проц. командного и 67 проц. рядового состава. 25 проц. потерь всей 12-й армии пришлось на две Латышские стрелковые бригады.

В связи с подготовкой летнего наступления Юго-Западного фронта всадников Кавказской туземной конной дивизии вновь в начале июня перебросили в Галицию — они вошли в состав 12-го армейского корпуса 8-й армии. 25 июня корпус перешёл в наступление и разбил 26-й и 13-й австро-венгерские армейские корпуса. 27 июня Черкесский конный полк при поддержке четырёх пулемётов лихо форсировал р. Ломницу. В этот день русские войска заняли Галич, а 28-го — Калуш, но неудачи соседних 11-й и 7-й армий, а также общая деморализация войск вынудили прекратить наступление и вернуться на исходные позиции.

Прорыв Южной германской армии под Тарнополем заставил армии Юго-Западного фронта не только оставить все завоевания периода Брусилковского прорыва, но и быстро откатиться на линию государственной границы. В течение двух недель полки Кавказской туземной конной дивизии прикрывали отступление смятых частей.

В середине августа дивизию из Подолии перебросили в Псковскую губернию — на станцию Дно: 27 августа по приказу Верховного главнокомандующего Л.Г. Корнилова началась погрузка в эшелоны её частей для похода на Петроград. Первой выдвинулась 3-я бригада. 30—31 августа горцы в эшелонах, застрявших на путях, подвергались усиленной обработке петроградских агитаторов. В результате 1 сентября дивизия выразила поддержку Временному правительству — выступление Л.Г. Корнилова закончилось неудачей. В октябре 1917 года полки возвратились на родину — в хаос властей, разгул преступности и межнациональных столкновений.

Армянские 4-й и 6-й стрелковые батальоны 24—28 июня вели бои в долине р. Абиширван. 28 июня они спустились в долину и двинулись вперёд без выстрела — под огнём пехоты и артиллерии турок. Выбив штыками противника, они овладели турецкими окопами. 4-й батальон потерял в этой атаке двух офицеров и 36 стрелков, но захватил одно орудие. 4-й батальон отличился у Пенджвина 30 июня и у Бистана 16 августа. Его потери составили 12 офицеров и 183 стрелка.

Возникнув в ходе Первой мировой войны как добровольческие формирования, национальные воинские формирования русской армии заканчивали войну как регулярные соединения корпусного уровня.

Практически все национальные воинские формирования блестяще проявили себя в ходе боевых дей-

ствий, оказав влияние на ход и исход многих боевых операций. Чешская дружина в 1914—1915 гг. была «глазами и ушами» 3-й армии Юго-Западного фронта, а 1-я Чехословацкая бригада отлично дралась в Июньском наступлении 1917 года под Зборовом.

Хотя польская пехота, сидевшая в окопах под Барановичами, особо себя не зарекомендовала, уланы действовали блестяще.

Важнейшую роль на Северном фронте сыграли латышские стрелки 12-й армии, с отличием дравшиеся на Рижском плацдарме, под Митавой и Бауском.

Кавказская туземная конная дивизия провела блестящие атаки в Карпатах, в Заднестровье и на Днестре. Отлично она проявила себя и в ходе наступления Юго-Западного фронта 1916 года, в частности отличившись под Езерянами.

Армянские дружины (впоследствии стрелковые батальоны) также великолепно проявили себя — как в Турции, так и в Персидском Азербайджане. Высочайшим приказом от 1 января 1917 года из армян и добровольцев было образовано Евфратское казачье войско — последнее казачье войско Российской империи.

Национальные воинские формирования приобрели боевой опыт, окрепли организационно и морально, в них прошли суровую школу национальные командные кадры. Россия — родина национальных армий 20—30 гг. XX века (польской, чехословацкой, латышской и армянской).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Польские легионы в России // *Нива*. 1914. № 43. С. 2.
- ² *Бем де Косбан В.* Польские уланы в рядах Российской Императорской армии // *Военная быль*. 1967. № 84. С. 37.
- ³ *Марков А.* Иностранцы в русской армии // *Военная быль*. 1957. № 27. С. 25.
- ⁴ *Б.Ш.* Польская армия // *Военное дело*. 1920. № 15. С. 469.
- ⁵ *Корниш А., Каращук А.* Русская армия 1914—1918. М., 2005. С. 43.
- ⁶ *Дашкевич В.* О польской вооружённой силе в России за время с 1 июня 1913 г. по 1 июня 1918 года // *Воен.-истор. сборник*. Вып. 4. М., 1920. С. 174.
- ⁷ *Недбайло Б.М.* Чехословацкий корпус в России (1914—1920 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. М.: РГБ, 2005. С. 26.
- ⁸ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 334. Л. 28.
- ⁹ *Полковник Немирович-Данченко.* Сторожевое охранение // *Военная быль*. 1956. № 21. С. 17.
- ¹⁰ *Максимович С.В.* Воспоминания о службе в Штабе Кавказской Конной Туземной Дивизии // *Военная быль*. 1968. № 93. С. 22.
- ¹¹ *Татаров Б.А.* Боевая работа Чешской (Киевской) дружины 1914—1915 гг. // *Доброволец*. 2004. № 2. С. 17.
- ¹² *Опрышко О.Л.* Кавказская конная дивизия 1914—1917. Возвращение из забвения. Нальчик, 1999. С. 127.
- ¹³ Там же. С. 128.
- ¹⁴ *Корганов Г.* Участие армян в мировой войне на Кавказском фронте (1914—1918). М., 2011. С. 33, 34.
- ¹⁵ *Ступин В.* Борьба за укрепленные позиции в условиях русского театра военных действий. Митавская операция 1916—1917 гг. // *Воен.-истор. сборник*. Вып. 2. М., 1919. С. 49.
- ¹⁶ Там же. С. 19.
- ¹⁷ *Корганов Г.* Указ. соч. С. 63.
- ¹⁸ *Бекман В.* Немцы о русской армии. Прага, 1939. С. 41, 42.
- ¹⁹ *Драудин Т.Я.* Боевой путь латышской стрелковой дивизии. Рига, 1960. С. 33.
- ²⁰ *Посевин С.* Гибель империи. Северный фронт (из дневника штабного офицера для поручений). Рига, 1932. С. 34. ■

А.В. ИСАЕВ

A.V. ISAYEV

КРЫМСКАЯ ОШИБКА МАНШТЕЙНА

THE CRIMEAN ERROR OF MANSTEIN

Сведения об авторе. Исаев Алексей Валерьевич — руководитель направления ПАО «Вымпелком», кандидат исторических наук (Москва. E-mail: alex.v.isaev@gmail.com).

Аннотация. Автор на основе анализа советских и немецких архивных документов показывает, что контрудар 22-й танковой дивизии вермахта 20 марта 1942 года в Крыму был отражён благодаря умелым и решительным действиям советских войск.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Крымский фронт; 11-я армия вермахта; танковые войска.

Information about author. Aleksey Isayev — Head of a Direction, Public Joint-Stock Company "Vympelkom", Cand. Sc. (Hist.) (Moscow. E-mail: alex.v.isaev@gmail.com).

Summary. Based on an analysis of Soviet and German archives the author shows that counterpunch on 20 March 1942 in Crimea by the 22nd Panzer Division of the Wehrmacht was reflected through skilful and resolute actions of the Soviet troops.

Keywords: Great Patriotic War; Crimean Front; 11th Army of the Wehrmacht; tank forces.

20 МАРТА 1942 года войска Крымского фронта отразили внезапный фашистский контрудар, в котором потерпела скандальную неудачу 22-я танковая дивизия (тд) вермахта. Возмущённый Гитлер потребовал отчёта об этом провале, что породило обширную переписку, сохранившуюся в архивах.

В своих мемуарах нацистский военный преступник¹ генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн (Левински)², который в 1942 году командовал немецкой 11-й армией (11А) в Крыму, писал: «Предпринятое 20 марта наступление, к которому должны были также присоединиться на флангах 46 и 170 пд (пехотные дивизии. — Прим. авт.), потерпело неудачу. Танковая дивизия в утреннем тумане натолкнулась на советские войска, занявшие исходное положение для наступления. Оказалось, что командование армии совершило ошибку, бросив эту вновь сформированную дивизию в большой бой, не испытав её заранее и не проведя с ней учений в составе соединения»³.

Тем самым Манштейн признал свою ошибку. Но, оправдывая её, совершил новые ошибки, утверждая, будто советские войска заняли «исходное положение для наступления», «противнику был нанесён моральный удар, и мы сорвали

его подготовку к новому крупному наступлению в решающий момент»⁴.

Эти утверждения опровергают документы советского командования, доказывающие отсутствие решений на крупное наступление. Да и в докладе Манштейна начальнику штаба группы армий «Юг» от 21 марта 1942 года по горячим следам событий, в котором нет ни слова о советском наступлении, указаны лишь атаки противника силами до полка⁵.

«Моральный удар», о котором писал Манштейн, получили не красноармейцы, а гитлеровцы, которые, по признанию командира 22 тд, потеряли самообладание и бежали с поля боя⁶. Их бегство способствовало поддержанию боевого духа советских войск.

Манштейн ошибся и в докладе главнокомандованию сухопутных войск (ОКХ), яркими красками расписывая условия боёв в Крыму: «Большой расход артиллерийских боеприпасов, постоянные атаки очень крупных сил авиации, применение установок залпового огня и большое число танков (среди них много тяжелейших) превращают бои в сражение техники, ничем не уступающее сражениям Мировой войны»⁷.

Названных Манштейном «тяжелейшими» танков КВ в войсках Крымского фронта

было очень мало. Подавляющее большинство бронетанковой техники войск фронта составляли лёгкие танки⁸.

Командир 22 тд генерал-майор В. фон Апель в отчёте, представленном 23 марта 1942 года командованию корпуса и армии после требования Гитлера разобраться в причинах неудачи, тоже указал на столкновение «с тяжелейшими (КВ)»⁹.

Подобные ссылки фашистских генералов оставляют впечатление, что превосходство «тяжелейшего» КВ над немецкими танками было в гитлеровских штабах веским аргументом для оправдания неудач в боях. Но устранивших оккупантов тяжёлых КВ в войсках Крымского фронта было в 2,5 раза меньше, чем в немецкой 22 тд средних танков Pz.IV с 75-мм пушками, кумулятивные снаряды которых представляли угрозу для советских танков¹⁰.

Всего в 22 тд было 142 танка, из них 20 средних Pz.IV и 122 лёгких — 77 Pz.38(t) и 45 Pz.II. В атаке 20 марта участвовало 119 танков, в том числе 17 Pz.IV, 66 Pz.38(t) и 36 Pz.II¹¹.

К тому же части 22 тд в отличие от ослабленных потерями советских войск были свежими, полнокровными. А танковые части Крымского фронта вели ожесточённые бои, которые к 20 марта обескровили 39-ю и 40-ю танковые бригады (тбр), и

Танки 22 тд вермахта прибывают в Крым

Танки 22 тд вермахта на марше
Крым, весна 1942 г.

229-й отдельный танковый батальон (отб). В сводном танковом батальоне было лишь 15 танков: восемь КВ, один Т-34 и шесть Т-60. В 55 тбр к 5.00 20 марта насчитывалось 23 Т-26 и 12 ХТ-133¹². Всего утром 20 марта советское командование могло использовать для отражения фашистского контрудара 50 вышеперечисленных танков.

Таким образом, немецкая 22 тд по общему числу танков превосходила противостоявшие ей советские войска в 2,8 раза, а по количеству танков, начавших атаку 20 марта, — в 2,4 раза.

Немецких средних танков Pz.IV с 75-мм пушками в 22 тд было в 2,2 раза больше, а участвовавших в атаке — в 1,9 раза больше, чем в противостоявших ей советских частях КВ и Т-34 с 76-мм пушками. Поэтому ссылки Манштейна на «большое число танков» противника, в том числе «много тяжелейших», несостоятельны.

Оправдываясь перед фюрером за провал контрудара 22 тд, Манштейн писал: «До своего появления на фронте дивизия не провела ни единого дивизионного учения. Причиной была нехватка не времени, а горючего»¹³. В черновике доклада он выразился ещё определеннее: «Грубо говоря, горючее сэкономили за счёт крови солдат. Теперь армия вынуждена восполнять пробелы в подготовке и использовать часть привезённого за тысячи километров горючего для обучения»¹⁴.

В отправленном в Берлин документе эта фраза отсутство-

вала, но и смягчённый вариант указывал, что гитлеровское командование за пять с лишним месяцев после формирования 22 тд с 25 сентября 1941 года на юге Франции не удосужилось должным образом организовать её боевую подготовку. Дивизия была оснащена преимущественно трофейной техникой¹⁵, направлена на усиление 11-й армии и спешно брошена в бой из-за созданного советскими войсками критического положения для 42-го армейского корпуса (ак). Командир 22 тд в отчёте о проваленном контрударе указал: «Большинство подразделений (особенно артиллерия) после 14-дневной транспортировки по железной дороге или непрерывного 4-5-дневного марша (частично по ночам) сразу же вступили в бой»¹⁶.

15 марта командование 42 ак обсудило с командиром 22 тд четыре варианта действий и выбрало следующий: «Наступление с позиций севернее Владиславовки между населёнными пунктами Корпечь и Тулумчак на высоту 28,2»¹⁷. Затем предполагалось отправить артиллерийских наблюдателей в район высоты 28,2 и начать подавление советской артиллерии. Была предусмотрена поддержка боевых действий 22 тд сильной группировкой артиллерии 42 ак, в том числе 210-мм мортирами.

Манштейн в приказе от 16 марта 1942 года поставил дивизии задачу на контрудар:

«Выход на линию Корпечь — высота 28,2 — восточнее Тулумчака — высота 19,8, окружив и уничтожив силы противника, находящиеся западнее этой линии»¹⁸.

Овладев высотой 19,8 неподалёку от берега Сиваша, немцы отсекали бы находившиеся западнее советские части.

Гитлеровские генералы ошибочно оценили как часть ударной группировки советских войск 143-ю стрелковую бригаду (сбр) в районе высоты 28,2. Эту оценку и тезис в мемуарах Манштейна об изготовившейся к наступлению группировке противника опровергают документы советского командования.

143 сбр фронтом на запад и юго-запад выполняла сугубо оборонительные задачи. В тот район только начали подтягиваться силы 47А, планирование и подготовка наступления которой находились на ранней стадии¹⁹. 20 марта ещё не была определена даже дата наступления 47А.

Войска 51-й армии продолжали начатое 13 марта наступление с ограниченными целями. В журнале боевых действий (ЖБД) 51-й армии, которой командовал генерал-лейтенант В.Н. Львов, указано, что находившимся на направлении немецкого контрудара 138 и 390 сд на утро 20 марта были поставлены наступательные задачи²⁰, но «51-я армия упреждена противником в продолжении наступления на правом фланге»²¹.

Таким образом, контрудар свежей, полнокровной 22 тд нацеливался на советские части, которые были ослаблены потерями недельных наступательных боёв и не перешли к обороне, что способствовало успеху противника.

В ночь на 20 марта 22 тд вышла на исходные позиции и ранним утром в неожиданно сгустившемся тумане начала атаку. Внезапно атакованные фашистскими танками части 390 сд, которой командовал полковник С.Г. Закиян, в первый момент дрогнули и начали отходить к высоте 28,2²². Но ситуацию выправил командир 143 сбр полковник Г.Г. Курашвили. Он по личной инициативе выдвинул подчинённых вперёд и удерживал Корпечь, ведя там бой²³.

1-й батальон 204-го танкового полка (тп) 22 тд южнее Тулумчака встретился с советскими танками и, понеся потери, отступил²⁴. 2-й батальон и рота БТР наткнулись на ручей между населёнными пунктами Корпечь и Тулумчак, названный в отчёте комдива «равнозначным противотанковому рву».

Манштейн в отчёте главнокомандованию сухопутных войск вермахта от 30 марта 1942 года не рассматривал этот ручей как препятствие, утверждая: «Согласно донесению 42 ак эта долина лишь в нескольких местах представляет собой препятствие для танков, в остальных местах её мог пересечь “кюбельваген” (лёгкий многоцелевой автомобиль повышенной проходимости Volkswagen Typ 82. — Прим. авт.)»²⁵. Но командир 204-го танкового полка 22 тд в своём отчёте²⁶ объяснил, что у ручья «склон был сделан отвесным, став противотанковым препятствием»²⁷. В отчёте роты БТР 22 тд препятствие описано как «глубокое и заболоченное русло ручья, берега которого противник искусственно сделал ещё более крутыми»²⁸.

Немцы при планировании контрудара не учли, что советские части грамотно эскарпировали ручей. Показательно, что в боевых документах 55 тбр он не упоминается, скорее

всего потому, что советские танкисты знали доступные для танков места прохода через ручей и беспрепятственно действовали на этом рубеже. А фашистов задержка на рубеже ручья подставила под огонь советской артиллерии.

Для отражения танковых атак наши войска эффективно применяли 76-мм пушки УСВ. Как отмечалось в отчёте командующего 11А верховному главнокомандованию вермахта, «потери в танках на 50 % вызваны вражеской артиллерией и только на 25 % минами и на 25 % танками противника»²⁹.

Советские танкисты тоже сыграли важную роль в отражении контрудара. Утром 20 марта 55 тбр под командованием полковника М.Д. Синенко находилась в районе селения Тулумчак с задачей «быть в полной боевой готовности для отражения контратак противника и особенно его танков»³⁰.

Бригада и сводный танковый батальон были выдвинуты для отражения танковой атаки противника к Корпечи и встретили противника огнём с места. Подбив 9 танков и расстроив боевые порядки противника, 55 тбр заставила его отступить. Закрепляя успех, советские танкисты преследовали гитлеровцев до района трёх курганов, затем вернулись в лощину у Корпечи.

Командир 22 тд в отчёте указал, что в «13.00... на левом крыле дивизии началось бегство, которое распространилось и на правое крыло. Благодаря вмешательству командиров это удалось пресечь и вернуть солдат на передовую»³¹. Но, как признал немецкий комдив, «подразделения к полудню под сильным враже-

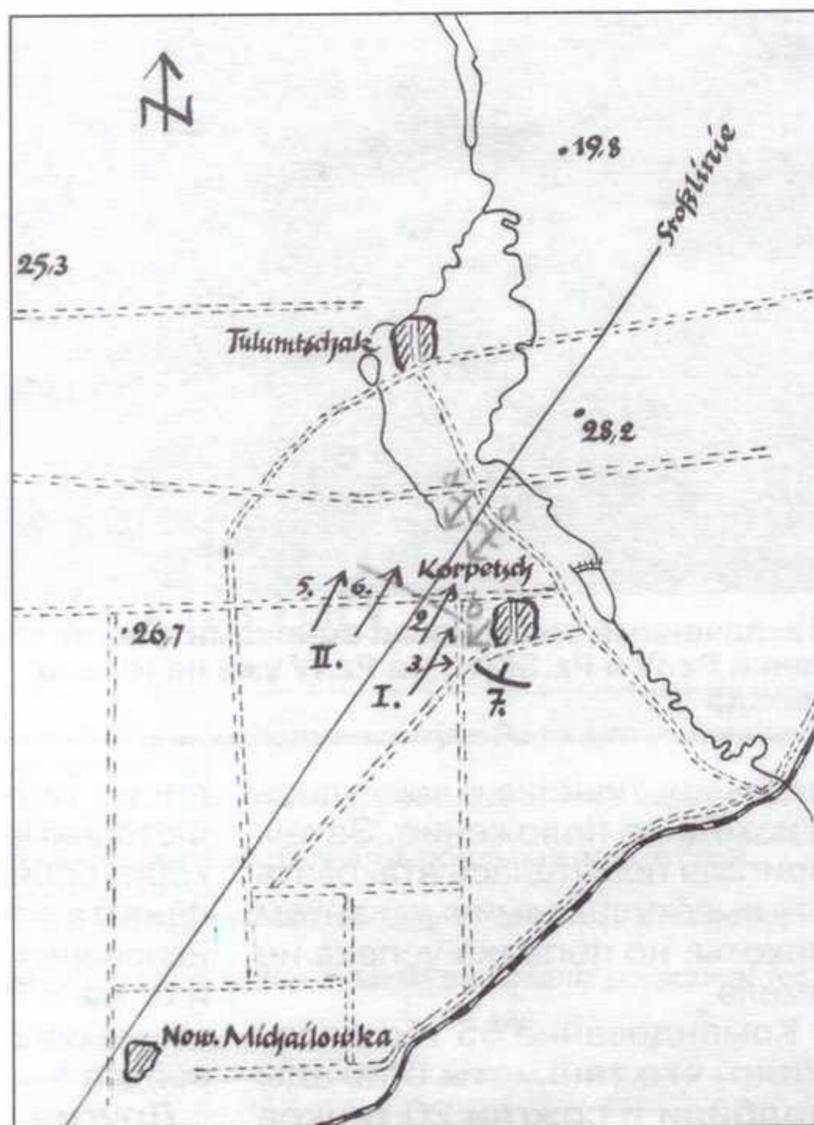

Схема из приложения к одному из немецких отчётов по итогам провала контрудара 22 тд вермахта. Обозначены высоты и населённые пункты Тулумчак и Корпечь

ским огнём, понеся тяжёлые потери, потеряли самообладание»³².

А советские войска, которым приходилось не легче под огнём группировки фашистской артиллерии 42 ак, поддерживавшей действия 22 тд, сохраняли боевой дух и контратаковали противника.

По советским данным, в 15.00 немцы повторили танковую атаку при поддержке пехоты. 55 тбр одним танковым батальоном контратаковала их в лоб, вторым во фланг и вновь обратила в бегство.

Советские танкисты, подбив ещё 4 фашистских танка, перешли к преследованию, уничтожая живую силу противника из пушек, пулемётов и огне-мётов. Как отмечено в отчёте 55 тбр, «особенно эффективно действовали огнемётные танки, уничтожая своим огнём бегущую назад пехоту противника»³³.

Выйдя в район высоты с тремя курганами, танки 55 тбр попали под сильный противотанковый

Захваченные советскими войсками фашистские танки Pz.IV и Pz.38(t). На Pz.IV уже нанесена звезда

Танк Т-26 одной из частей Крымского фронта

огонь противника и вернулись в исходное положение. Затем бригада попыталась атаковать эту высоту танками с десантом пехоты, но попытка успеха не имела.

Командование 55 тбр доложило, что танкисты бригады подбили и сожгли 20 танков противника в районах юго-восточной, южной окраин Корпечи и высоты с тремя курганами, уничтожили до батареи противотанковых орудий, четыре полевых орудия и до двух батальонов пехоты. Согласно отчёту при отражении фашистского контрудара и в ходе контратак 20 марта были потеряны 14 танков, из них шесть Т-26, три Т-60 и два КВ подбитыми, один Т-34 и два ХТ-133 сгоревшими³⁴.

Германское командование сначала доложило о потере 12 танков, в отчёте для фюрера их число выросло до 32³⁵, а затем выяснилось, что дивизия потеряла ещё больше боевых машин.

Безвозвратные потери 22 тд составили 34 танка, из них 11 Pz.II, 17 Pz.38(t) и 6 средних танков Pz.IV³⁶.

Таким образом, советские войска, в которых было в 2,4 раза меньше танков, чем у противника, уничтожили в 2,4 раза больше фашистских танков, чем потеряли.

Командир 204 тп 22 тд докладывал, что попытки вытащить подбитые танки оказались безуспешными³⁷.

8 из 17 танков, брошенных фашистами на поле боя, оказа-

лись в полной исправности³⁸. Фотоснимки советских военных корреспондентов с Крымского фронта отразили захват двух исправных средних танков Pz.IV и одного Pz.38(t). Эти трофеи позже использовали советские войска³⁹.

Другие потери 22 тд тоже внушительны. Согласно отчёту её командира дивизия 20 марта потеряла около 1100 человек, из которых чуть меньше трети пропали без вести, а также 12 тяжёлых миномётов, 7 противотанковых орудий и другое вооружение, включая 134 пулемёта, 10 тягачей, 8 БТР, 18 легковых машин, 11 прицепов с боеприпасами⁴⁰.

Отражение фашистского контрудара и его результаты вызывают восхищение самоотверженностью и боевым мастерством советских воинов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Манштейн / Военная энциклопедия: В 8 т. М.: Воениздат, 1999. Т. 4. С. 560.

² Там же.

³ Манштейн Э. Утерянные победы. М.: АСТ; СПб: Terra Fantastica, 1999. С. 257.

⁴ Там же.

⁵ National Archives and Records Administration (NARA). T312. R366. F7941352.

⁶ Отчёт об атаке на Корпечь 20.3.1942 г. 22-я тд, 23.3.1942. См.: NARA. T312. R366. F7942228—7942235.

⁷ Op. cit. F794176.

⁸ Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 38. Оп. 80038. Д. 27. Л. 76—80; Мощанский И., Савин А. Борьба за Крым. Сентябрь 1941 — июль 1942 г. М.: БТВ-КНИГА, 2002. С. 48.

⁹ Отчёт об атаке на Корпечь...

¹⁰ NARA. T312. R420. F7997158.

¹¹ Op. cit. F7942041.

¹² ЦАМО РФ. Ф. 224 Оп. 790. Д.1. Л. 32.

¹³ NARA. T312. R366. F7941977.

¹⁴ Op. cit. F7941991.

¹⁵ Georg Tessin. Band 4: Die Landstreitkräfte. Nr. 15—30 // Verbände und Truppen der Deutschen Wehrmacht und Waffen SS im Zweiten Weltkrieg 1939—1945. 2. Osnabrück: Biblio Verlag, 1976. Bd. 4. S. 179.

¹⁶ Отчёт об атаке на Корпечь...

¹⁷ NARA. T312. R366. F7942081.

¹⁸ Op. cit. F7941471.

¹⁹ ЦАМО РФ. Ф. 215. Оп. 1185. Д. 53. Л. 140.

²⁰ Там же. Ф. 406. Оп. 9837. Д. 56. Л. 52.

²¹ Там же. Л. 53.

²² Там же. Д. 89. Л. 126.

²³ Там же. Д. 141. Л. 5.

²⁴ Отчёт об атаке на Корпечь...

²⁵ NARA. T312. R366. F7941971.

²⁶ Jentz T. Panzertruppen, The Complete Guide to the Creation & Combat Employment of Germany's Tank Force. 1933—42. Schiffer Military History, Atlegen, PA, 1996. P. 227.

²⁷ NARA. T315. R784. F361.

²⁸ Op. cit. F317.

²⁹ Op. cit. F7941977.

³⁰ ЦАМО РФ. Ф. 224. Оп. 790. Д. 1. Л. 33.

³¹ Отчёт об атаке на Корпечь...

³² Там же.

³³ ЦАМО РФ. Ф. 224. Оп. 790. Д. 1. Л. 33.

³⁴ Там же. Л. 35.

³⁵ NARA. T312. R366. F7941968.

³⁶ Op. cit. F7942041.

³⁷ Jentz T. Op. cit. P. 228.

³⁸ Мощанский И., Савин А. Указ. соч. С. 50.

³⁹ ЦАМО РФ. Ф. 215. Оп. 1209. Д. 2. Л. 25, 30.

⁴⁰ Отчёт об атаке на Корпечь...

Г.Г. СЕДОВ

G.G. SEDOV

ПОДГОТОВКА КАДРОВ ДЛЯ АВТОМОБИЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ РУССКОЙ АРМИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

CADRE TRAINING FOR AUTOMOBILE UNITS OF THE RUSSIAN ARMY AT THE BEGINNING OF THE TWENTIETH CENTURY

Сведения об авторе. Седов Геннадий Георгиевич — начальник группы военного института Военного университета Министерства обороны РФ, капитан (Москва. E-mail: gensed@inbox.ru).

Аннотация. На основе архивных источников автор анализирует становление системы подготовки кадров для автомобильных частей русской армии в начале XX века.

Ключевые слова: военное образование; русская армия; автомобильные части; автомобильная подготовка.

Information about author. Gennady Sedov — Chief of a Group in the Military Institute, Military University of the Russian Defence Ministry, Captain (Moscow. E-mail: gensed@inbox.ru).

Summary. On the basis of archival sources the author analyzes formation of the system of training personnel for automotive units of the Russian army in the early twentieth century.

Keywords: military education; Russian army; automotive units; automotive training.

Опыт подготовки военных кадров новой для русской армии начала XX века технической специальности — автомобилистов представляет не только теоретический, но и практический интерес с точки зрения модернизации современных Вооружённых сил. В последние полтора десятилетия проведён ряд диссертационных исследований¹ и вышли публикации², затрагивающие эту тематику, однако она рассмотрена фрагментарно, крупных обобщающих работ нет.

Появление автомобиля сразу привлекло внимание военных ведомств разных стран. Первопроходцами стали Франция и Германия. В России не могли игнорировать применение автомобилей в армиях других государств. В 1906 году начальник военных сообщений (ВОСО) Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) в докладе военному министру отметил необходимость создания команд автомобилистов при штабах 2-го и 3-го железнодорожных батальонов в Барановичах и штабе 4-го железнодорожного батальона в Яблонне (Польша) для обучения автомобильному делу. Каждая должна была состоять из 15 нижних чинов под руководством офицера. Общее

руководство подготовкой предлагалось поручить: в Барановичах — начальнику штаба бригады, в Яблонне — командиру 4-го батальона³, снабдить штаб бригады и батальон двумя автомобилями фирмы «Дитрих», поставленными на Дальний Восток во время Русско-японской войны, оборудовать для них помещения и небольшие ремонтные мастерские⁴. Но финансовые затруднения не позволили реализовать эти намерения.

До 1910 года нижних чинов и шофёров обучали на имевшихся в железнодорожных частях автомобилей⁵. К 1910 году их в военном ведомстве насчитывалось лишь 24. При Управлении ВОСО был построен гараж и оборудована мастерская для обучения нижних чинов управлению и ремонту.

29 мая 1910 года император подписал указ о создании в инженерных войсках учебной автомобильной роты (УАР). Она дислоцировалась в Санкт-Петербурге и в дальнейшем перешла в ведение Главного военно-технического управления (ГВТУ).

Возглавил УАР капитан П.И. Секретев, приступивший к её формированию 11 сентября 1910 года⁶. Рота была сформиро-

рована 9 октября 1910 года по штату № 5, высочайше утверждённому 16 мая 1910 года⁷. В неё входили 37 нижних чинов и 5 офицеров. Рота подчинялась начальнику ВОСО ГУГШ, размещалась в казармах на Фонтанке, 90. Её переписка была сосредоточена в 4-м отделении отдела ВОСО⁸. Техническое имущество состояло из одного автомобиля «Лорен-Дитрих». Мастерских и гаражей не было⁹.

УАР была готова приступить к обучению 18 ноября 1910 года, когда Секретев рапортом № 274 представил в отдел ВОСО проект временной инструкции, программу класса шофёров, список нижних чинов, назначенных в класс, и попросил разрешения на его открытие¹⁰.

Проект временной инструкции касался назначения нижних чинов в школу шофёров, целей и задач обучения, распределения времени и порядка проведения занятий, общих указаний по обучению автомобильному делу¹¹. Он был согласован с железнодорожным отделением отдела ВОСО и утверждён начальником Генерального штаба 2 декабря 1910 года¹².

Этот класс был предназначен для подготовки шофёров-монтёров. Нижние чины

Учебная авторота на параде

в зависимости от профиля подготовки должны были освоить управление автомобилем и уход за ним или ремонт машин. Первый набор школы составили 24 военнослужащих из 2, 4, 5, 6, 7, 8-го железнодорожных батальонов и 10 военнослужащих учебной автороты. В их числе оказались слесари, токари, помощник машиниста, кочегар, кузнец и кровельщик¹³. При необходимости была возможность открыть параллельный класс численностью до 20 человек¹⁴.

Обучением в классе шофёров занимался офицер УАР под руководством и наблюдением командира роты. Офицеры, стоявшие у истоков нового дела, сами учились и приобретали опыт параллельно с преподаванием.

Учебный год включал зимний период (с 1 октября по 1 мая), когда нижние чины осваива-

ли теоретический курс, управление автомобилем, уход за ним, текущий ремонт и летний (с 1 мая по 1 октября), во время которого в гараже обучались крупному ремонту. Неудачных и недисциплинированных исключали и откомандировывали в свои части, а тех, кто успешно окончил школу, показал отличное поведение и твёрдое знание службы, могли произвести в унтер-офицеры и оставить в постоянном составе роты.

Как показывает расписание занятий (см. табл.), главным предметом было автомобильное дело. Наряду с ним нижние чины изучали русский язык, арифметику, основы физики, основные понятия о магнетизме, электричестве¹⁵.

После изучения теории проводились практические занятия по управлению автомобилем и его ремонту. Вожде-

нию учились на городских улицах. Путём проб, ошибок и даже трагических обстоятельств вырабатывали порядок и правила учебной езды. После четырёх несчастных случаев с пешеходами и автомобилями УАР начальник ВОСО запретил учебную езду на грузовых автомобилях по многолюдным улицам¹⁶. Вождению стали обучать в раннее время — с 6.30 до 9.00¹⁷, когда на улицах было меньше транспорта и пешеходов.

После нескольких занятий, оценив умения каждого обучаемого, офицер роты собирал наиболее способных в одну группу, обучаемых средних способностей — в другую, слабых — в третью¹⁸. Занятия с каждой группой проводились отдельно.

В класс шофёров назначались нижние чины, знакомые со слесарной работой. В их обучении внимание сосредотачивалось на разборке, сборке, регулировке двигателя и трансмиссии автомобиля, правильном использовании инструментов.

Испытания по русскому языку, арифметике, практической геометрии, автомобильному делу и физике, которые проходили нижние чины постоянного и переменного состава УАР для получения квалификации военного шофёра, говорят о том, что им стать мог не каждый обучаемый¹⁹. От военного водителя требовалось быть грамотным, образованным. Успешно прошедших курс теоретического

Таблица

**Расписание занятий
(программа класса шофёров от 7 ноября 1910 г.)**

Часы	Пн	Вт	Ср	Чт	Пт	Сб
8:00–8:50	Автомобильное дело					Устав
9:00–9:50	Русский язык	Сведения из физики	Арифметика и практическая геометрия	Русский язык	Русский язык	Практические занятия по автоделу
10:00–10:50	Арифметика и практическая геометрия	Арифметика и практическая геометрия	Русский язык	Сведения из физики	Арифметика и практическая геометрия	
2:30–3:30	Строевые занятия	Практические занятия по автоделу	Строевые занятия	Практические занятия по автоделу	Строевые занятия	
3:30–4:30	Сведения из физики		Закон Божий		Сведения из физики	

Составлена по: Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2000. Оп. 4. Д. 1074. Л. 11.

и практического обучения разделяли на две категории.

Первая — шофёры, хорошо освоившие обучение и «обнаружившие особую ловкость в деле управления автомобилем и хорошо знающие ремонт его»²⁰.

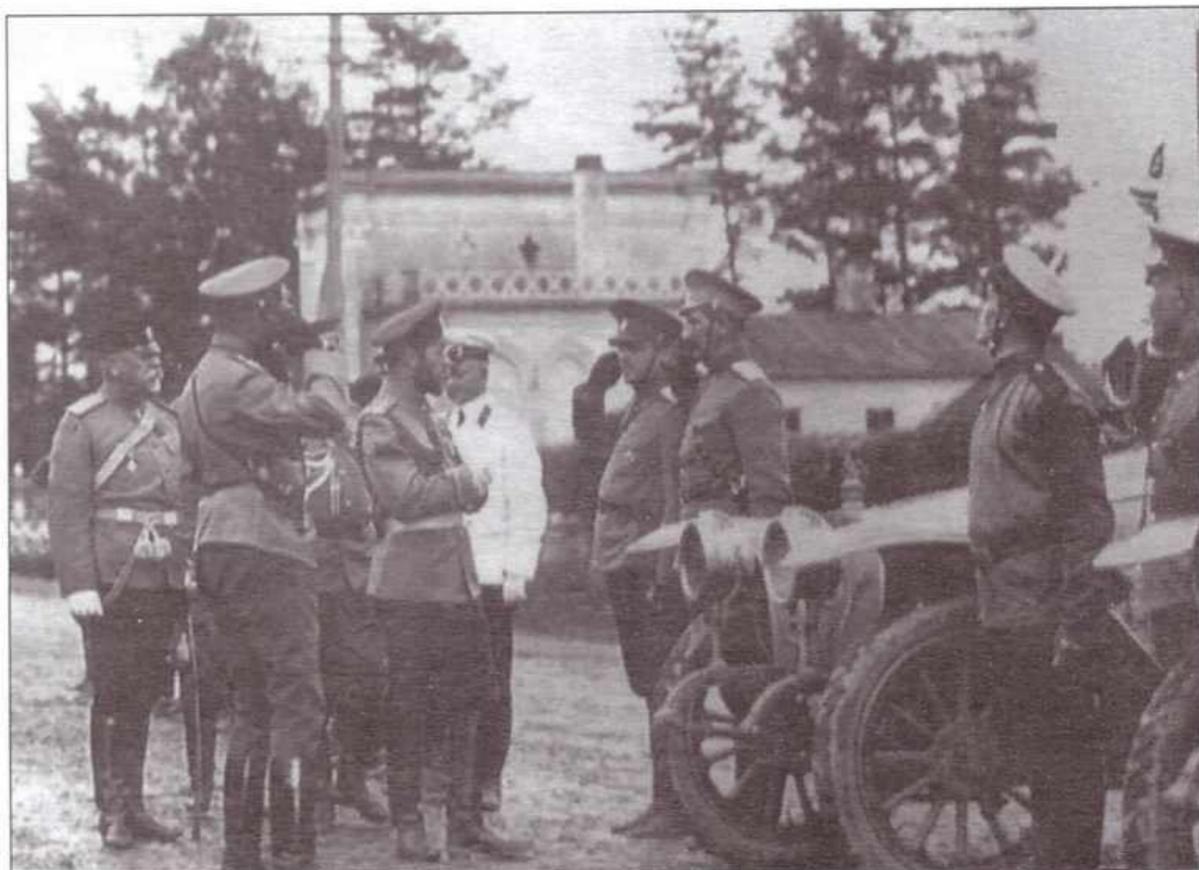
Вторая категория — помощники шофёра, удовлетворительно окончившие обучение, которым нельзя было поручить самостоятельное управление автомобилем.

Военное руководство заботилось и о духовном, нравственном воспитании будущих автомобилистов. В программу обучения был введён Закон Божий. Занятия не проводились в дни церковных праздников, когда обучавшиеся во главе с унтер-офицером отправлялись в церковь²¹, а также в памятные дни по случаю коронации императорских особ²².

Капитан П.И. Секретев уделял большое внимание укреплению воинской дисциплины и применял к нарушителям строгие меры²³. Например, рядового, разгуливавшего по двору в шинели внакидку, не застёгнутой на крючки, он подверг аресту на 7 суток с воспрещением отлучки со двора на месяц, а командиров отделения и взвода потребовал наказать властью старшего офицера роты. За критику строгости порядка в роте полагался арест на 8 суток, за самовольную отлучку и пьянство — 10 суток строгого ареста и запрещение отлучки со двора на месяц, за резкое выражение недовольства на замечание — 8 суток ареста и запрещение отлучки со двора на месяц. Подобные наказания полагались за нерадивое отношение к служебным обязанностям и опоздание из отпуска.

Кандидаты в школу шофёров должны были быть не только грамотными и иметь опыт в слесарном деле. Они должны были отличаться высокой нравственностью. В последующем в связи с активизацией революционных сил в стране особое внимание обращалось и на политическую благонадёжность.

Требования к здоровью были сопоставимы с предъявлявшимися к кандидатам в Воздухоплавательный парк. В соот-

Николай II осматривает автомобили учебной автороты

ветствии с постановлением Военно-медицинского комитета от 7 октября 1909 года поступавшие в автороту должны были обладать абсолютно здоровыми органами дыхания и кровообращения, острым слухом, 100-процентным зрением и чётко различать цвета.

Параллельно с учебным процессом в роте шла большая работа по развитию учебно-материальной базы. К 18

ноября 1910 года УАР располагала двумя легковыми автомобилями «Дитрих» и «Мерседес» и двумя грузовиками «Гаггенау» грузоподъёмностью 1,5 т и 3 т с прицепной платформой²⁴. Осенью 1910 года было начато строительство гаража и мастерских на Семёновском плацу. Тогда же отдел ВОСО заказал для учебных целей 14 грузовых автомобилей и 2 легковых. Для них зимой 1910/11 года

Перед стартом военного автопробега. Слева направо: командир учебной автороты П.И. Секретев, начальник Отдела военных сообщений Военного министерства генерал-лейтенант Ф.Н. Добрышин, начальник Генерального штаба генерал от кавалерии Я.Г. Жилинский, военный министр генерал от кавалерии В.А. Сухомлинов

Офицеры-автомобилисты на занятиях в химической лаборатории Петроград, 1914 г.

УАР подготовила 40 шофёров²⁵. Весной 1911 года было начато строительство казарм и мастерских. Осенью они были готовы и освящены 16 декабря 1911 года в присутствии военного министра²⁶, зимой 1911/12 года мастерские были оборудованы.

Подготовка кадров включала автомобильные пробеги — испытания автомобилей с целью определения подходящих для армии типов — и манёвры войск, в которых участвовал постоянный и переменный состав УАР, приобретая ценный опыт.

В июле 1911 года УАР совершила первый пробег грузовых автомобилей с полной нагрузкой по маршруту Санкт-Петербург — Москва — Санкт-Петербург, и сразу же состоялся второй пробег: Санкт-Петербург — Нарва — Санкт-Петербург²⁷. В них участвовали 8 офицеров роты, 48 нижних чинов постоянного состава и 111 человек переменного состава²⁸.

Старт был дан 4 июля в 10:30 на Марсовом поле. Автомобилисты благополучно доехали до Москвы, где 9 июля колонну встретили командующий войсками Московского военного округа генерал от инфантерии П.А. Плеве и представитель Московского клуба автомобилистов. 21 июля в Санкт-Петербурге колонну встретили военный министр В.А. Сухомлинов и его помощник А.А. Поливанов. После возвращения из

Нарвы колонну осмотрел император Николай II²⁹.

В первый год после создания УАР участвовала в манёврах, впервые выполняя тыловые функции. В Петербургском военном округе с 30 июля по 4 августа и с 19 по 23 августа 1911 года автомобили роты подвозили войскам продовольствие, фураж и вывозили больных³⁰.

С 27 августа по 3 сентября 1911 года 10 грузовых и 7 легковых автомобилей УАР на манёврах в Киевском военном округе получили задачу в кратчайший срок перевезти более 6000 пудов грузов за 40 вёрст от Киева и одновременно нести службу связи. За 3 дня манёвров каждый грузовик прошёл более 1000 вёрст³¹.

12 декабря 1911 года два взвода УАР под командованием штабс-капитана В.Р. Вредена и поручика В.А. Мгеброва выступили в Персию, где выполняли задачи по перевозке грузов и несению службы связи в условиях, максимально приближенных к боевым³².

24 мая 1912 года 43 машины, в числе которых были автомобили УАР, направились в пробег по маршруту Санкт-Петербург — Псков — Двинск — Вильно — Ковно — Гродно — Барановичи — Минск — Орша — Смоленск — Вязьма — Юхнов — Москва — Тверь — Валдай — Новгород — Санкт-Петербург и благополучно преодолели около 3000 вёрст, в

том числе около 900 по грунтовыми дорогам. В Новом Петергофе 11 июня УАР снова была представлена императору³³.

С 19 сентября по 12 октября 1912 года УАР участвовала в пробеге грузовых автомобилей по маршруту Санкт-Петербург — Новгород — Тверь — Москва — Малоярославец — Юхнов — Рославль — Брянск — Орёл — Тула — Серпухов — Москва — Санкт-Петербург³⁴.

Интерес к учебной автороте первых лиц империи и военного ведомства свидетельствует о том, какое значение они придавали автомобилизации армии, катализатором которой стала Первая мировая война. С первых её месяцев началось ускоренное формирование автомобильных рот и команд, возникла потребность в специальных автомобильных, автомобильно-пулемётных, броневых, санитарных, других частях³⁵ и большом количестве автомобилистов. Поэтому 12 января 1915 года учебная авторота была преобразована в Военную автомобильную школу (ВАШ), командир УАР был назначен начальником ВАШ. Увеличилась учебно-материальная база школы: появились испытательная и электрическая станции, практические и учебно-испытательные мастерские. В учебно-практический автопарк школы входили 9 трёхтонных и 8 полутонных грузовых автомобилей, 17 учебных двухрулевых легковых автомобилей, 12 легковых автомобилей средней мощности и 12 полевого типа, 4 трактора, 15 мотоциклов и 4 самоката³⁶.

Количество обучаемых значительно возросло, но не удовлетворяло кадровые потребности военного времени. На 10 мая 1915 года в четырёх школах шофёров при ВАШ учились 1333 человека. Кроме того, нижние чины учились в двух школах мотоциклистов³⁷. Всего в автошколе были 3750 человек, а для новых формирований требовались 10 509 нижних чинов³⁸.

Военное руководство искало пути устранения дефицита кадров автомобилистов. Основным стало сокращение сроков обучения в ВАШ. Кроме того, с 25 февраля 1917 года при

каждом фронте автомобилистов стали готовить в запасной автороте, введённой в штат управления заведующего автомобильной частью фронта. В её состав входила учебная команда будущих унтер-офицеров с длительностью курса 4 месяца и команда шофёров, подготовка которых занимала 2 месяца.

Сокращение сроков обучения снизило уровень подготовки. Участники съезда заведующих автомобильными частями фронтов и кавалерии, состоявшегося 4 февраля 1917 года, единогласно заявили о «весьма неудовлетворительной подготовке нижних чинов, отправляемых из автомобильной школы на фронт... до 80 процентов прибывающих совершенно не соответствовали назначению»³⁹.

Проблема специальной подготовки офицерских кадров возникла в 1912 году во время испытаний автомобилей, для которых потребовались командиры, знавшие технику и обладавшие навыками руководства автомобильными подразделениями. Для этого при УАР был создан офицерский класс, рассчитанный на 15 человек⁴⁰. Разрабатывались методики подготовки офицеров.

В переменный состав входили офицеры, ежегодно командировавшиеся из инженерных и железнодорожных войск, технических воинских частей и учреждений, в которых были автомобили. Желавшие учиться докладывали об этом по команде. Затем перечень кандидатов представляли к 1 июля в ГВТУ с копиями послужных списков, аттестациями и медицинскими свидетельствами. После их проверки начальник ГВТУ передавал начальнику ВАШ список офицеров. Кандидатов отбирали из окончивших военные училища по первому разряду, прослуживших в строю не менее двух лет, отлично аттестованных начальством, в званиях не выше штабс-капитана. Они проходили испытания по алгебре, геометрии, тригонометрии, физике и аналитической геометрии на плоскости по программе среднего учебного заведения⁴¹.

Офицеры, получившие хотя бы по одному из предметов менее

шести баллов или в среднем менее семи баллов, к обучению не допускались. Вместо них командировали других в срок, который позволял пройти испытания не позднее декабря того же года.

В 1913 и 1914 гг. до начала Первой мировой войны полный курс в офицерском классе освоили 70 выпускников⁴², которые были направлены во вновь формирующиеся автомобильные части. С началом мобилизации на ответственные технические должности этих частей также были призваны из запаса офицеры с высшим техническим образованием, знакомые с автоделом. В результате автомобильные части в первые месяцы войны были укомплектованы достаточным количеством специалистов. Но формирование новых автомобильных и других частей, использовавших автотранспорт, и огромные потери потребовали большего числа технически подготовленных офицеров. Поэтому с преобразованием УАР в Военную автошколу штат офицерского класса был увеличен до 120 обучаемых⁴³, срок учёбы сокращён с двух лет до двух месяцев. Кандидатов в соответствии с распоряжением начальника Штаба Верховного главнокомандующего о комплектовании автомобильных частей с 1915 года в основном подбирали из пехотных офицеров, получивших ранение и причисленных по здоровью к 3-й категории.

В исследованиях указаны разные сроки обучения офицеров-автомобилистов в военное время. Например, И.А. Уваров, ссылаясь на монографию О.Д. Маркова «Русская армия 1914—1917», указал, что он составлял 4 месяца. Но в сохранившемся в архиве докладе Главного военно-технического управления дежурному генералу Штаба Верховного главнокомандующего от 18 января 1917 года № 5667⁴⁴ указан двухмесячный срок. Офицеры получали элементарные знания автодела, которых было крайне недостаточно, тем более что у большинства из них не было технической подготовки.

П.И. Секретев

Сокращая сроки учёбы, военное руководство пыталось удовлетворить постоянно возрастающую потребность в офицерах-автомобилистах. О динамике её увеличения говорят следующие данные из архивных источников. При вступлении в Первую мировую войну в армии России было 5 авторот, 6 автомобильных команд и УАР, а к выходу из неё — 146 автомобильных частей и подразделений различного назначения, не считая автомобильных управлений и учреждений фронтов⁴⁵.

В результате ускоренной подготовки к началу 1917 года в автомобильных частях было значительное число офицеров, обладавших лишь элементарными познаниями в автоделе.

Военное руководство предвидело, что после войны увольнение в запас офицеров-инженеров оставит автомобильные части без технически квалифицированных офицерских кадров. Поэтому приняло решение открыть при Военной автошколе офицерский класс с восьмимесячной продолжительностью обучения для подготовки офицеров, обязанных продолжить военную службу после войны.

В Управление дежурного генерала при Верховном главнокомандующем 15 февраля 1917 года поступил проект Положения об офицерском классе военного времени

при ВАШ⁴⁶. Согласно положению курс обучения делился на два полукурса по 4 месяца каждый⁴⁷. Предметы были разделены на главные (автодело, его организация, оборудование гаражей, мастерских и отчетность) и второстепенные (сведения по математике, термодинамике и сопротивлению материалов, общая технология металлов, термическая обработка металлов, обработка металлов резанием, электро-механика, химия и технология нефти).

Практические занятия также делились на главные (испытание самоходов на испытательной станции, управление самоходами, мотоциклами и прочими самодвижущимися повозками, ремонт самоходов и мотоциклеток) и второстепенные (электротехника, черчение, сопротивление материалов и испытание горючих и смазочных веществ).

Переменный состав должен был направляться из авторот, артиллерийских и других частей, в которых были самодвижущиеся средства. Начальник школы зачислял своим приказом 60 обер-офицеров, которые окончили средние учебные заведения и имели право при демобилизации остаться на действительной службе.

В компетенцию начальника ГВТУ входило утверждение программы обучения офицеров и назначение особой экзаменационной комиссии для их аттестации по окончании курса. Она должна была рассмотреть все практические работы обучавшихся и провести устное испытание, проверить умение офицеров управлять автомобилем, собирать и разбирать отдельные узлы, а также провести испытание в практических занятиях и работах не менее половины офицеров по выбору комиссии.

Выпускники делились на 2 разряда. К первому относились офицеры, получившие в среднем не ниже 9 баллов, остальные ко второму. Их предполагалось объявить приказом по военно-инженерному ведомству и назначить на вакансии распоряжением ГУГШ по согласованию с ГВТУ. Февральская революция

и арест начальника школы генерал-майора П.И. Секретева не позволили провести намеченные изменения.

Первое учебное автомобильное подразделение русской армии внесло значительный вклад в развитие автомобильных формирований и подготовку кадров для них. Были выработаны, опробованы и внедрены программы и методики обучения офицерских кадров и нижних чинов, много инструкций, норм и правил эксплуатации, обслуживания и ремонта автомобильной техники.

Постоянное увеличение числа обучаемых было вызвано ростом потребности армии в специалистах автодела, наиболее значительным в годы Первой мировой войны. Но принятые меры не решили проблему комплектования действующей армии автомобилями (как офицерами, так и нижними чинами).

Становление системы подготовки кадров автомобильных частей русской армии проходило в непростых условиях финансовых трудностей и военного времени. Накопленный в те годы опыт заслуживает внимания при совершенствовании как военного образования в целом, так и подготовки профильных военных специалистов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Струтинский В.Ф. Подготовка офицерских кадров в России во второй половине XIX — начале XX вв.: историографическое исследование / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994; Ионов В.В. Подготовка военных кадров в России (XIX — начало XX вв.) / Дис. ... докт. ист. наук. СПб., 1998; Назаров А.Н. Подготовка офицерских кадров в Российском государстве, XVIII — начало XX вв. Опыт, традиции, уроки / Дис. ... докт. ист. наук. М., 2001; Стрелецкий И.Я. Подготовка специалистов для Русской армии в системе офицерских школ и курсов во второй половине XIX — начале XX вв. / Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.; Свиридов В.А. Становление и развитие военного образования в России во второй половине XIX — начале XX вв. / Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2006; Уваров И.А. Система военно-учебных заведений России XVIII — начала XX вв. / Дис. ... докт. ист. наук. М., 2012.

² Курдюк А.А. Структурные изменения в сети военно-учебных заведений Русской армии во время Первой мировой войны // Армия и общество. 2007. № 1. С. 85—92; Уваров И.А. Подготовка новых уникальных военных специалистов в Русской армии начала XX века // Педагогические науки. 2012. № 3. С. 37—40; он же. Система подготовки офицеров новых военно-технических специальностей в российской армии в конце XIX — начале XX вв. // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2012. № 4. С. 104—106.

³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 4. Д. 1024. Л. 16.

⁴ Там же. Л. 16 об.

⁵ Там же. Д. 1037. Л. 7.

⁶ Там же. Ф. 819. Оп. 1. Д. 3. Л. 101 об.

⁷ Там же. Л. 101.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 101 об.

¹⁰ Там же. Л. 12.

¹¹ Там же. Л. 13.

¹² Там же. Л. 14.

¹³ Там же. Л. 10.

¹⁴ Там же. Л. 13.

¹⁵ Там же. Оп. 4. Д. 1074. Л. 4.

¹⁶ Там же. Д. 1902. Л. 224 об.

¹⁷ Там же. Л. 232.

¹⁸ Там же. Д. 1074. Л. 7, 8.

¹⁹ Там же. Л. 421 об.

²⁰ Там же. Л. 7.

²¹ Там же. Д. 1902. Л. 87.

²² Там же. Л. 160, 188, 197.

²³ Там же. Л. 62, 70, 87, 158, 176.

²⁴ Там же. Д. 1074. Л. 1.

²⁵ Там же. Ф. 819. Оп. 1. Д. 3. Л. 101 об.

²⁶ Там же. Л. 102.

²⁷ Там же. Л. 101 об.; Ф. 2000. Оп. 4. Д. 1902. Л. 309, 310.

²⁸ Там же. Л. 311.

²⁹ Там же. Л. 309, 310.

³⁰ Там же. Л. 381.

³¹ Там же.

³² Там же. Ф. 819. Оп. 1. Д. 3. Л. 102.

³³ Там же. Л. 102 об.

³⁴ Там же. Л. 103.

³⁵ Седов Г.Г. К вопросу о снабжении автомобилями Русской армии // Вестник Екатеринбургского института. 2014. № 3(27). С. 137—140.

³⁶ Приказ по Военному ведомству от 12 января 1915 г. № 17. Алфавитный указатель приказов по Военному ведомству и циркуляров Главного штаба за 1915 год. Петроград: Военная типография Императрицы Екатерины Великой (в издании Главного штаба). 1915. С. 66—69.

³⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 586. Л. 313.

³⁸ Там же. Л. 319, 320.

³⁹ Там же. Д. 593. Л. 176.

⁴⁰ Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. М.: Наука, 1986. С. 37.

⁴¹ Приказ по Военному ведомству от 12 января 1915 г. № 17... С. 32—61.

⁴² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 593. Л. 144.

⁴³ Приказ по Военному ведомству от 12 января 1915 г. № 17... С. 21—73.

⁴⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 593. Л. 144, 145.

⁴⁵ Там же. Ф. 2004. Оп. 4. Д. 96. Л. 6.

⁴⁶ Там же. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 593. Л. 239.

⁴⁷ Там же. Л. 240—243. ■

А.А. ЗДАНОВИЧ

A.A. ZDANOVICH

«ПОМОГЛИ НЕ УГРОЗЫ... А СИЛА АРГУМЕНТОВ»

Особый отдел ВЧК против 2-го отдела польского генштаба:
ликвидация резидентуры «Сверщ» в 1920 году

«NO THREATS WERE HELPFUL... BUT THE FORCE OF ARGUMENTS»

The CHEKA's special department against the 2nd Department
of the Polish General Staff: elimination of the residency "Svershch" in 1920

Сведения об авторе. Зданович Александр Александрович — советник Генерального директора Всероссийской государственной телерадиокомпании, генерал-лейтенант запаса, доктор исторических наук (Москва. E-mail: Zdanovich52@gmail.com).

Аннотация. В статье рассказывается о ликвидации ВЧК польской резидентуры на территории Советской России в 1920 году.

Ключевые слова: Советская Россия; 1920 год; Польша; шпионско-диверсионная деятельность; ВЧК; ликвидация резидентуры «Сверщ».

Information about author. Aleksandr Zdanovich — Adviser to the General Director of the All-Russian State Television-and-Radio Company, Lieutenant-General (res.), D. Sc. (Hist.) (Moscow. E-mail: Zdanovich52@gmail.com).

Summary. The article tells about liquidation of the Polish residency by the Cheka in the territory of Soviet Russia in 1920.

Keywords: Soviet Russia; 1920; Poland; espionage-and-subversive activities; Cheka; elimination of the residency "Svershch".

К КОНЦУ 1919 года основные силы контрреволюции в лице армии Колчака и Деникина были разгромлены Красной армией, очищена от противника огромная территория, где постепенно укреплялась советская власть, начали решаться задачи хозяйственного строительства. Но мир ещё был очень хрупким и воспринимался скорее как передышка между боями. На Юге России и в Крыму имелись вполне боеспособные белогвардейские части, поддерживаемые Антантой¹. Существовала и реальная угроза со стороны нашего западного соседа — буржуазной Польши, сколотившей с помощью западных держав более чем 730-тысячную армию², пропитанную националистическим духом.

Информация, имевшаяся в распоряжении Регистрационного (разведывательного) управления Полевого штаба Красной армии, а также у Особого отдела ВЧК, дополненная оценками Наркомата по иностранным делам, практически не оставляла сомнений в том, что напряжённость во взаимоотношени-

ях Советской России и Польши будет усиливаться и в итоге приведёт к вооружённому столкновению³.

Такой прогнозируемый ход событий ставил перед Особым отделом ВЧК, его фронтовыми и армейскими органами неотложную задачу скорейшего выявления и ликвидации созданной поляками на нашей территории разветвлённой шпионско-диверсионной сети. Несмотря на накопленный за годы Гражданской войны опыт борьбы со шпионажем, руководство ВЧК и Особого отдела реально представляло себе все сложности намечающейся работы.

В чём же они заключались?

В период, предшествовавший резкому обострению отношений с Польшей, органы ВЧК имели дело в основном со шпионажем, организуемым структурами разведки противостоявших Красной армии вооружённых сил «отечественной» контрреволюции, а также инициативным сбором и передачей белогвардейским штабам секретной информации со стороны скрытых противников советской власти,

пробравшихся на службу в аппараты управления большевистских войск. А если чекистам и удавалось выявить иностранцев, замешанных в шпионской деятельности, то и здесь нити тянулись к контрреволюционному подполью.

В условиях войны с западным соседом чекисты столкнулись бы с «национальной» формой шпионажа, который направлялся и финансировался враждебным государством. Поляки, считали в ВЧК, скорее всего не пошли бы на широкие контакты в шпион-

В.Р. Менжинский

И. Матушевский

ско-диверсионной деятельности с белогвардейцами, которых они воспринимали прежде всего как сторонников «единой и неделимой России», а следовательно, отрицавших полную самостоятельность Польши. Такой прогноз являлся абсолютно правильным и подтвердился на практике.

Далее. Чекистам было известно, что разведка Польши опиралась в основном на созданную Пилсудским ещё в 1914 году Польску организацию войсковую (ПОВ), имевшую ячейки во многих крупных центрах европейской части России, на Украине, в Белоруссии и Литве.

Падение Вильно в 1919 году наглядно продемонстрировало активность этих ячеек. В одном из докладов начальника оперативного отдела Западной (ранее Литовско-Белорусской) армии отмечалось, что успех поляков во многом был определён подрывными действиями их многочисленной агентуры среди местного населения⁴.

Ещё в годы Первой мировой войны, спасаясь от немцев, в Россию и на Украину прибыли более двух миллионов беженцев-поляков. Значительное их количество проживало в Москве, Петрограде, Минске, Киеве, Харькове, Смоленске и других крупных городах. В их среде националисты вели усиленную работу, вербовали учащуюся и студенческую молодёжь, пред-

ставителей польской интеллигенции в создаваемые группы ПОВ. Вступивших в эти группы обрабатывали в националистическом духе, убеждали в необходимости бороться за «высшие» интересы Польши, а тех, кого уже считали подготовленными, направляли на службу в польские легионы, перебрасывали через фронт, где участники ПОВ активно использовались польской разведкой и контрразведкой⁵.

С серьёзной опасностью со стороны подпольных организаций ПОВ (прежде всего как разведывательно-диверсионных структур) чекисты столкнулись уже в 1919 году. В этот период были раскрыты указанные организации и группы в Виннице, Харькове, Одессе и крупный разведцентр ПОВ в Киеве, объединявший свыше 200 участников⁶. Целый ряд разработок по полякам реализовали чекисты и в начале 1920 года. Информация, полученная в ходе борьбы с польской разведкой, опиравшейся на ПОВ в своей кадровой деятельности, послужила основой для выработки более решительных мер, направленных на ликвидацию агентурной сети поляков, и прежде всего резидентур офензивы (разведки) в стратегически важных пунктах Украины и западных областях России, а также непосредственно в столице РСФСР — Москве.

От закордонной агентуры и из материалов допросов арестованных ранее польских шпионов Особому отделу ВЧК в начале 1920 года стало известно о намерении 2-го отдела генштаба Польши (ПГШ) воссоздать главную резидентуру в Москве, т.к. ещё в октябре 1919 года она была практически ликвидирована Особым отделом ВЧК. Однако тогда особистам не удалось выявить и арестовать всех входивших в резидентуру лиц, и оставшиеся на свободе агенты, потерявшие связь с Варшавой, временно прекратили разведывательную работу⁷.

Именно для связи с ними и должен был прибыть новый резидент. Для исполнения этой роли начальник 2-го отдела ПГШ И. Матушевский выбрал сотрудника 11-го (русского) реферата разведывательного отделения «С» своего отдела Игнатия Игнатьевича Добржин-

ского. Хорошо зная подчинённого, начальник отдела считал, что тот справится с поставленной задачей и сумеет создать эффективно действующую агентурную сеть из числа этнических поляков по всей территории России⁸. Матушевский проинформировал нового резидента, что до него направлял в Москву поручика К. Заблоцкого, но он больших успехов не добился. Практически он привлёк к разведывательной работе только своего брата, а тот в свою очередь завербовал для поляков некоего Змиева. Вскоре оба агента были арестованы Особым отделом ВЧК. Заблоцкий утверждал, что успел склонить к сбору шпионских сведений и делопроизводителя Главного военно-инженерного управления РККА Ю. Завадского. Этот военный рассматривался во 2-м отделе ПГШ как перспективный источник информации, и его должен был использовать Добржинский.

Переброска нового резидента на советскую сторону предполагалась в конце ноября 1919 года. Резидентуре присвоили криптоним «Сверц» («Сверчок»), поскольку это был псевдоним Добржинского в ПОВ.

В Москве резидент польской разведки легализовался довольно легко, т.к. сумел получить в военкомате направление в автоброневую бригаду. Первым, с кем установил связь Добржинский, был, естественно, Завадский⁹. По месту работы резидент завербовал заведующего канцелярией бригады В. Гржимайло, который фактически исполнял обязанности секретаря комбрига. Это являлось неким отступлением от инструкций начальника 2-го отдела ПГШ И. Матушевского, поскольку новый агент хотя и был этническим поляком, но в 1918 году работал в подпольной белогвардейской организации Б. Савинкова — Союзе защиты Родины и свободы.

В начале января 1920 года до Москвы добрались поручик В. Квятковский, назначенный заместителем резидента, и курьер Г. Войцеховская. Несмотря на разного рода трудности, вскоре в Варшаву стали поступать объёмные доклады от московской резиденту-

ры, содержавшие в основном информацию военного характера.

Прикрываясь необходимостью командировки в Петроград по делам бригады, Добржинский побывал там и установил связь с подчинённой ему резидентурой во главе с поручиком В. Стецкевичем, работавшим под псевдонимом Вик¹⁰. Таким образом, к началу февраля 1920 года «общероссийская» резидентура заработала достаточно активно.

Проводя широкомасштабную операцию по польской линии в западных районах РСФСР, сотрудники Особого отдела ВЧК и их коллеги в Орше получили точные данные о наличии резидентуры в столице. Чекистам даже удалось выяснить настоящие установочные данные резидента. Однако они ошибочно полагали, что Добржинский проживает, скорее всего, по документам Игната Ивановича Григорьева, с которыми он перебрался через линию фронта в 1919 году.

По поручению заместителя начальника Особого отдела ВЧК В.Р. Менжинского разработкой операции по вскрытию нелегальной польской резидентуры занялись ответственные сотрудники этого подразделения советских органов госбезопасности А.Х. Артузов и Р.А. Пиляр, а также Э.В. Маковский. Начать было решено с периферийных ячеек ПОВ, члены которых могли знать, а возможно, и были связаны с новым резидентом в Москве.

В Орше чекистами была установлена некая Мария Пиотух, содержавшая квартиру для прибывающих из Польши курьеров, которые затем выезжали в Москву, Смоленск и другие города. Под видом такого курьера к ней и был направлен секретный сотрудник Особого отдела. Он попытался получить московский адрес резидента польской разведки, но действовал несколько прямолинейно, чем вызвал подозрения у Пиотух. Договорившись с нашим сотрудником о встрече в Москве, на вокзале, она срочно выехала в столицу и доложила о своих сомнениях главному резиденту польской военной разведки Игнатию Добржинскому.

Во время встречи секретного сотрудника Особого отдела с Пиотух члены шпионской группы установили за агентом чекистов наружное наблюдение и довели его до входа в здание ОО ВЧК¹¹. Таким образом, Добржинский понял, что сотрудники ВЧК ведут целенаправленную работу по поиску его резидентуры, и принял дополнительные меры безопасности, сменил конспиративную квартиру, полностью перешёл на нелегальное положение.

Несмотря на неудачу, Особый отдел продолжал активный поиск. Ещё 22 марта 1920 года по материалам Петроградской ЧК особисты арестовали прибывшего в командировку в Москву некоего Новицкого, подозреваемого в связи с польской разведкой¹². При обыске у него обнаружили записку с указанием одного столичного адреса. Первоначально этому не придали особого значения, и только 16 мая помощник начальника Особого отдела ВЧК Р.А. Пиляр дал задание об «установке тщательного внутреннего и наружного наблюдения над Гриневской Теклой, Хлебный переулок, д. 9, кв. 5»¹³. Именно ей и была адресована записка.

Вскоре чекисты установили, что Гриневская работает на технической должности в Польском бюро ЦК РКП(б), в её доме часто бывают неизвестные лица польской национальности. Но самое главное — обнаружилась родственная связь её мужа с разыскиваемым главным резидентом 2-го отдела ПГШ Добржинским. 19 июня Гриневскую арестовали и доставили в ВЧК, но её муж успел скрыться.

Допрашивал Гриневскую лично А.Х. Артузов. Четыре дня она отказывалась давать какие-либо показания, заявляла об абсурдности предъявляемых ей обвинений. Однако 24 июня сообщила следователю следующее: «Признаю свою принадлежность к разведывательной организации Польского главного командования. Называть участников организации считаю для себя невозможным, но то, что я считаю возможным показать, является правдой. Организация состоит из очень небольшого количества людей, исключительно поляков (ни один русский

И.И. Сосновский (Добржинский)

участия не принимал). Мне известна организация Московская, что же касается провинции, то я знаю лишь некоторые псевдонимы... Относительно места деятельности организации знаю лишь Петроград и запад...»¹⁴.

На квартире Гриневской оставили засаду, но ещё при аресте она сумела выставить на окне знак опасности, и направлявшийся к ней Добржинский, зафиксировав его, вновь скрылся. 21 июня 1920 года чекисты разыскали и арестовали помощника резидента поручика С. Левандовского. На первом же допросе он полностью сознался в шпионской работе, рассказал о Добржинском и дал некоторые его явки¹⁵.

К этому времени Артузов и Пиляр уже знали, что Добржинский жил по документам рядового солдата, возвратившегося из немецкого плена, а служил писарем в бронетанковой бригаде. Тщательная проработка связей польского резидента, а также связей Гриневской позволила определить возможные места его нахождения, и 21 июня 1920 года на квартире некоего Сатинского, где была одна из явок, сотрудники Особого отдела ВЧК арестовали Добржинского¹⁶.

Во время ареста резидент польской разведки пытался застрелиться, но участвовавший в операции чекист Ф. Карин сумел выбить из его руки пистолет. Арестованного доставили

на Лубянку и допросили. Допрос вели А. Артузов, Р. Пиляр, В. Фельдман и некоторые другие сотрудники ВЧК. Главная цель, которую преследовали чекисты в ходе допроса, — установить всех агентов Добржинского и на основе этой информации полностью ликвидировать его резидентуру.

Заметим, что первоначально замысла о дальнейшем использовании Добржинского в возможной игре с польской разведкой особисты не имели. Соответственно строилась и тактика допросов, тем более что арестованный отказывался от дачи каких-либо показаний либо сообщал явно ложную информацию¹⁷.

Допросы продолжались. Как рассказывал позднее сам Добржинский, следователи распределили между собой роли: Пиляр допрашивал очень жёстко, а Артузов, пытаясь расположить к себе подследственного, больше действовал методом убеждения и разъяснения¹⁸. Но дело не двигалось. Добржинский молчал. Тогда заместитель председателя Особого отдела ВЧК В.Р. Менжинский принял решение лично допросить бывшего польского резидента и предъявить ему подробные показания Левандовского, уже задержанного особистами. Подследственный прямо указал на Добржинского как на главного резидента польской разведки. Но и после зачитания этих показаний Добржинский продолжал всё отрицать.

Менжинский и Артузов предприняли на этом допросе попытку идеологически разоружить подследственного, раскрыть перед ним агрессивную политику польских властей и непосредственно Ю. Пилсудского. Приведённые ими доводы в определённой степени подействовали на Добржинского, с частью из них он согласился, но юношеский романтизм и гипертрофированное чувство чести всё же взяли верх: он просил руководителей Особого отдела лишь об одном — дать возможность покончить жизнь самоубийством. Добржинский мнил себя не просто разведчиком, а чуть ли не «подпольным» послом в Советской России.

Что происходило далее, мы знаем из собственных пока-

заний Артузова, данных при расследовании его дела в 1937 году. Вот что он писал: «От показаний Сосновского (такую фамилию взял себе позднее Добржинский. — Прим. авт.) зависела судьба военной польской разведки во время войны 1920 года. И я добился показаний. Причём помогли не угрозы (они не действовали), а сила аргументов Ленинской партии. Дзержинский разрешил обещать Сосновскому не стрелять идейных пилсудчиков из его людей, а выпустить в Польшу под честное слово — не заниматься больше шпионажем против нас. На этом условии Сосновский дал свои показания. Мы сыграли на его революционном романтизме и сняли польскую сеть. Обещание приказа было выполнено. Несколько польских офицеров было выпущено в Польшу после политической обработки»¹⁹.

Всего Добржинский назвал двенадцать человек, в том числе и своего заместителя, работавшего в Петрограде на военной радиостанции, — В. Стецкевича²⁰. Для его задержания в Петроград выехала группа особистов во главе с Артузовым. С чекистами выехал и Добржинский.

Был разработан план ликвидации экспозитуры информационного бюро польского генштаба. Поскольку польский резидент сообщил, что Стецкевич тяготился своей работой на польскую разведку, его родной брат был в рядах Красной армии и погиб в боях с белыми в 1918 году, то «достаточно серьёзного внешнего толчка (например, беседы со старым коммунистом), и Стецкевич открыто и без принуждения откажется от своей деятельности... и без всяких условий отдаёт свою судьбу в распоряжение государственной власти РСФСР»²¹.

Артузов утвердил план и доверил Добржинскому лично разыскать Стецкевича и доставить его в гостиницу, где расположилась прибывшая в Петроград группа чекистов. Через некоторых знакомых петроградского подрезидента Добржинский установил, что тот проживал в квартире органиста католического костёла 1-й роты Измайловского полка.

Вместе с особоуполномоченным по польским делам Э. Роженом (Маковским) они отправились на встречу со Стецкевичем. Рожен остался в условленном месте, а Добржинский зашёл в квартиру органиста.

Встреча состоялась, и ничего не подозревавший Стецкевич доложил своему московскому руководителю о проделанной в последнее время работе. Выяснилось, что он около месяца назад выслал последнего курьера через Финляндию без донесения, но с запросом о директивах, т.к. не получил ранее их из Москвы от Добржинского, временно прекратившего связь с петроградской частью своей резидентуры ввиду угрозы провала. Стецкевич заявил также, что никакой агентуры он на связи не имеет, работает в одиночку.

После доклада Добржинский заявил своему подчинённому, что предстоит беседа с важным человеком, к которому нужно отнестись с полным доверием. Он привёл Стецкевича к тому месту, где их поджидал Рожен. Чекист представился ему как сотрудник Особого отдела, пояснив, что резидентура разоблачена, а Добржинский встречался с ним по заданию ВЧК. Стецкевич был ошеломлён, но быстро взял себя в руки и внимательно выслушал вопросы и предложения. В ходе непродолжительной беседы Стецкевич практически повторил то, что ещё несколько минут назад докладывал резиденту, без колебаний согласился отказаться от своей разведдеятельности и сдать советским властям.

Было условлено, что на следующий день Стецкевич добровольно явится в гостиницу к Артузову. 30 июня чекистами был составлен документ, в котором, в частности, указывалось, что «в назначенное время в комнату гр. Рожена пришёл гр. Стецкевич и передал гр. Рожену и Артузову своё заявление (для передачи в Особый отдел ВЧК), а также свой мандат, выданный 18 мая 1920 года Московским отделением второго отдела польского генштаба»²². Указанный рапорт подписали Артузов, Рожен и Добржинский.

Представляет несомненный интерес и само заявление

Стецкевича. Вот оно: «В особый отдел ВЧК. Заявление гр. Стецкевича Виктора, начальника Петроградского поста разведки польской армии. Считаю для себя невозможным по существу моих политических убеждений, окончательно сложившихся к настоящему моменту, продолжать свою деятельность, как агента польской разведки, передаю себя в распоряжение Особого отдела ВЧК...»²³.

Через несколько дней вся группа возвратилась в Москву. Стецкевич некоторое время находился во внутренней тюрьме ВЧК, давал дополнительные показания. В частности, по просьбе Артузова он подробно изложил всё, что делал для польской разведки, какую информацию передавал, когда и кому. 20 июля Артузов дал указание в учётно-регистрационное отделение Управделами ВЧК: «Стецкевич Виктора освободить из-под стражи и выдать все вещи»²⁴.

Итоги проведённой операции были доложены Ф.Э. Дзержинскому. Председателю ВЧК также сообщили, что бывший польский резидент согласился выдать всю свою разведывательную сеть при условии, что сотрудники резидентуры — офицеры польской армии не будут осуждены в РСФСР, а будут беспрепятственно переправлены через линию фронта. Что касалось агентов из числа российских граждан, то с ними чекисты были вольны поступать по своему усмотрению. Как ни странно это кажется сейчас, но Дзержинский согласился с таким вариантом, и он был реализован.

Сейчас трудно установить, кто выдвинул идею о возможном дальнейшем использовании Добржинского и Стецкевича в интересах ВЧК, но изучение материалов показывает, что в формировании замысла продолжения операции, придании ей политической направленности активно участвовал Феликс Эдмундович. Чекисты исходили из того, что в нелегальных организациях и ячейках ПОВ, действовавших на советской территории, состояли в основном молодые люди, одурманенные пилсудчиками и искренне полагающие, что они боролись не только за независимость Польши, но и за интересы польских рабочих.

Следовательно, целенаправленные агитационно-пропагандистские меры в отношении них могли бы значительно сбить активность разведдеятельности ПОВ, в определённой степени подорвать уверенность руководства 2-го отдела польского генштаба в том, что члены ПОВ — надёжная база для организации подрывной работы в Советской России.

Для начала особисты решили провести активную информационную акцию, чтобы склонить Добржинского, Стецкевича и некоторых других арестованных польских разведчиков написать от своего имени обращение ко всем членам ПОВ, в котором раскрыть мотивы своего якобы добровольного перехода на сторону большевиков и, прежде всего, отметить полное разочарование политикой, проводимой Пилсудским.

Получив согласие Добржинского, чекисты начали действовать. Вот что рассказывал позднее сам Добржинский: «Меня начали воспитывать, повезли в Кремль к Мархлевскому, с которым я разговаривал около 3-х часов. В Кремль меня повёз на машине один Артузов. Мархлевский... на меня произвёл очень хорошее впечатление... Он был главой польских коммунистов, членом ЦК, Председателем Комиссии первых мирных переговоров... Говорили мы о Польше, о Пилсудском. Я в тот момент считал его коммунистом без пяти минут. Мархлевский разъяснил мне, что это не так... он говорил, кто такой Пилсудский, и правильно разъяснил мне с точки зрения коммунистической разницы между ППСовцами и большевиками, читал мне лекцию и сам меня расспрашивал...»²⁵.

После первых бесед у Мархлевского Добржинского освободили из-под стражи, оставив под гласным наружным наблюдением — везде его сопровождали сотрудники Особого отдела ВЧК Ф. Карин и И. Кедров (сын М.С. Кедрова)²⁶. Жить он стал у Артузова в «Метрополе», где по вечерам у них проходили продолжительные, порой эмоциональные беседы.

Одновременно при непосредственном участии Добржинского шли поиски

Ф. Карин

ещё остававшихся на свободе агентов его резидентуры и лиц, оказывавших какое-либо содействие в шпионской работе. Вскоре удалось арестовать ксендза Цакуля, доктора Дроздовского, служившего в Красной армии Замойского, заместителя командира автобронеполка Свидерского. Для ареста Пиотух, отправленной Добржинским на пароходе по Волге в целях избежать её задержания, выехал Пилляр. Шло закрепление отношений с Добржинским, постепенное втягивание его в чекистскую работу, направленную против польской разведки.

По указанию Дзержинского группа особистов во главе с Артузовым выехала в Смоленск, побывала в Вильно и Минске. Целью командировки являлось вскрытие с помощью Добржинского действовавших в этих городах групп ПОВ и отдельных польских шпионов. Уже в Смоленске удалось арестовать крупного агента 2-го отдела генштаба Польши некоего В. Борейко, привлечь к сотрудничеству с Особым отделом содержащихся в городской тюрьме бывшего офицера-пилсудчика В. Марчевского и фельдфебеля К. Роллера²⁷.

Таким образом, в распоряжении Особого отдела ВЧК оказалась целая группа поляков из числа членов ПОВ. Вскоре к ним прибавились ещё трое — арестованная в Москве курьер

польской разведки Я. Тайшерская и отобранные среди заключённых тюрьмы в Вильно И. Заторская и Ю. Пшепилинская. Они также были членами ПОВ, и довольно известными. Достаточно сказать, что Пшепилинская с 1914 по 1917 год служила командиром взвода в бригаде польских легионеров, а в 1918—1920 гг. в чине подпоручка в Виленском женском батальоне, была награждена двумя орденами²⁸.

Склонить их на сторону советской власти было поручено Добржинскому. Вот как об этих днях вспоминала позднее Пшепилинская: «С нами вместе сидела Заторская Ирена, которая знала русский язык. Она мне сообщила, что встретила группу поляков, которая перешла на сторону коммунистов. Заторская мне сказала, что она тоже переходит на их сторону... Пришли (в тюрьму. — Прим. авт.) Сосновский, Кияковский (под такими псевдонимами выступали Добржинский и Стецкевич. — Прим. авт.), Ольский... Сосновский мне рассказывал, что такое коммунизм, большевизм. После беседы с ним я решила начать работу в этой группе и вскоре была освобождена из тюрьмы»²⁹. Короче говоря, Добржинскому — Сосновскому удалось достаточно быстро сколотить группу единомышленников и приступить к работе в интересах Особого отдела ВЧК.

В один из дней октября 1920 года фронтовую линию пересёк старенький аэроплан «Фарман» и над позициями польских войск были разбросаны листовки «Открытое письмо к товарищам по работе ПОВ...»³⁰. В письме содержался призыв не поддерживать агрессивную политику Ю. Пилсудского и не участвовать в борьбе с Советской Россией. А некоторое время спустя с самолёта разбросали новый агитационный материал — брошюру под названием «ПОВ на стороне революции», подписанную 15 октября девятью членами ПОВ, согласившимися сотрудничать с чекистскими органами³¹. Результаты анализа отложившихся в архиве ФСБ России документов, касающихся осуществлённых особистами летом и осенью 1920 года мероприятий, позво-

ляют утверждать, что активность ячеек ПОВ резко снизилась, многие их члены стали отказываться от участия в разведывательно-диверсионных акциях, а уже арестованные стали давать подробные показания о полученных заданиях и соглашались работать на чекистов.

Таким образом, можно констатировать, что в ходе масштабных и активных агентурно-следственных действий Особый отдел ВЧК в условиях войны с Польшей ликвидировал центральную резидентуру разведки противника и тем самым перекрыл важный канал утечки секретных сведений в Варшаву. Одновременно чекисты предприняли достаточно успешные меры к разложению такой опасной подпольной организации, как ПОВ, являвшейся базой для разведывательной работы 2-го отдела польского генштаба.

После окончания Советско-польской войны И.И. Добржинский (Сосновский) был принят на штатную работу в ВЧК, где занимал ответственные должности — от начальника отделения до заместителя начальника всей контрразведки СССР. По ходатайству А. Артузова, поддержанному Ф. Дзержинским, был награждён орденом Красного Знамени, позднее удостоен знака Почётного чекиста. В конце 1936 года подвергся аресту по сомнительному обвинению в работе на польскую разведку. В ходе допросов дал развёрнутые показания о якобы вовлечении в шпионскую работу большого числа сотрудников органов госбезопасности, военной разведки, дипломатических работников, коминтерновцев, хозяйственников — в основном поляков по национальности. Практически все они погибли в ходе массовых репрессий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Директивы Главного командования Красной армии (1917—1920). Сб. док. М., 1969. С. 349.

² Гражданская война в СССР. Т. 2. М., 1986. С. 254.

³ 27 января 1920 г. Главное командование Красной армии докладывало Совету Обороны, что «недавние

успехи польской армии могут скорее побудить Антанту к воздействию на Польшу в развитии активных действий... на Западном фронте необходимо быть готовым к крупной борьбе».

⁴ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33988. Оп. 1. Д. 66. Л. 833.

⁵ Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ (ЦА ФСБ РФ). Д. Р-8470. Т. 2. Л. 16.

⁶ Там же. Л. 33.

⁷ Энциклопедия. Гражданская война в СССР. М., 1983. С. 466.

⁸ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-8470. Т. 3. Л. 23.

⁹ Там же. Т. 2. Л. 31.

¹⁰ Сафонов В.Н. Неизвестная тайная война, или Особый отдел ВЧК против 2-го отдела Генштаба Польши // Исторические чтения на Лубянке. 1998. М.; Новгород, 1999. С. 112.

¹¹ ЦА ФСБ РФ. Д. 8470. Т. 3. Л. 41.

¹² Там же. Л. 156.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 137.

¹⁵ Там же. Д. Н-496. Л. 1.

¹⁶ В неоднократно переизданной книге А.Ф. Хацкевича «Солдат великих боёв» (Минск, 1970 г.) и ряде других публикаций утверждается, что Добржинский добровольно перешёл на сторону советской власти. При этом авторы ссылаются, как правило, на выступления Ф.Э. Дзержинского на пленуме Моссовета 26 октября 1920 г. либо на статью в газете «Правда» от 17 декабря 1922 г. В действительности же Ф.Э. Дзержинский не упоминал о добровольности перехода Добржинского, акцентируя внимание лишь на том, что он помог разоблачить других агентов ПОВ.

¹⁷ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-8470. Т. 2. Л. 46.

¹⁸ Там же. Л. 47.

¹⁹ Там же. Т. 3. Л. 77.

²⁰ Там же. Т. 1. Л. 20.

²¹ Там же. Т. 3. Л. 123.

²² Там же. Л. 124 (копия с акта, хранящегося в архивно-следственном деле № 21208 на В.С. Стецкевича).

²³ Там же. Л. 125.

²⁴ Там же. Л. 126.

²⁵ Там же. Т. 2. Л. 51.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Л. 57.

²⁸ Там же. Т. 3. Л. 158.

²⁹ Там же. Л. 159 (из протокола допроса Пшепилинской в 1937 г.).

³⁰ Зданович А. Судьба резидента // Служба безопасности. Новости разведки и контрразведки. 1993. № 1. С. 36.

³¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-32868. Т. 1. Л. 142—153. ■

А.Р. СОКОЛОВ

A.R. SOKOLOV

ГИБЕЛЬ КРАКОВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

THE DEATH OF THE KRAKOV REPUBLIC

Сведения об авторе. Соколов Александр Ростиславович — профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук (Санкт-Петербург. E-mail: alar60@yandex.ru).

Аннотация. В статье освещены политические события, предшествовавшие ликвидации в 1846 году Краковской республики, связанные с вводом в неё российского военного контингента и присоединением этой территории к Австрии.

Ключевые слова: Краковская республика; Николай I; Царство Польское; Паскевич; покровительствующие державы.

Information about author. Aleksandr Sokolov — Professor of the Institute of History, St. Petersburg State University, D. Sc. (Hist.) (Saint-Petersburg. E-mail: alar60@yandex.ru).

Summary. The article highlights the political events, which led to liquidation of the Krakov Republic in 1846 and were associated with introduction into it of the Russian military contingent and accession of this territory to Austria.

Keywords: Krakov Republic; Nikolay I; Kingdom of Poland; Paskevich; patronising powers.

В 1815 году в результате Венского конгресса и заключения между Россией, Австрией и Пруссией «Дополнительного трактата относительно Кракова, области его и Конституции» на карте Европы появилось новое государственное образование — «Вольный независимый и строго нейтральный город Краков», или Краковская республика¹. Её возникновение стало следствием дипломатической инициативы императора Александра I, стремившегося не допустить включения древней столицы Польши и прилегающих территорий в состав Австрийской империи. Международно-правовой статус «вольного города» и его конституция копировали статус и конституции входивших в состав Германского союза «вольных городов» Франкфурта, Гамбурга, Бремена и Любека с той разницей, что суверенитет Кракова ограничивали три «покровительствующие державы» — Россия, Австрия и Пруссия, резиденты которых находились в городе.

При императоре Николае I геополитическая ситуация в Европе изменилась. Польское восстание 1830—1831 гг. привело к упразднению особого статуса Царства Польского в составе Российской империи и активизации польской революционной эмиграции, пользовавшейся поддержкой Великобритании и Франции и выступавшей за восстановление Речи Посполи-

той. Историко-культурное значение Кракова как бывшей столицы сделало «вольный город» центром притяжения всех радикально-националистических группировок.

Общая опасность способствовала политическому сближению России, Австрии и Пруссии, в результате которого начал складываться альянс трёх держав, напоминавший Священный союз в его новой редакции.

Николай I и его ближайший соратник наместник Царства Польского генерал-фельдмаршал И.Ф. Паскевич определяли Краков как «гнездо всему нынешнему злу»², придя к выводу о необходимости упразднения статуса «вольного города» и передачи его Австрии. Соответствующая договоренность с австрийским императором Фердинандом I была достигнута на встрече в Теплице в августе 1835 года, затем к этому соглашению присоединился король Пруссии Фридрих-Вильгельм III.

Первым шагом к его реализации стали события января—апреля 1836 года, когда под предлогом выдворения польских революционеров-эмигрантов в Краков были введены войска трёх «покровительствующих держав», проведены новые выборы в сенат «вольного города», внесены изменения в конституцию и реорганизованы структуры городской полиции³.

Австрийские войска остались в окрестностях Кракова после вывода российского и прусско-

го контингентов, что означало молчаливое согласие Санкт-Петербурга и Берлина с готовившейся аннексией «вольного города» Габсбургами. Этот процесс протекал в течение 10 лет, сводясь к постепенному урезанию суверенитета Краковской республики, но его плавный ритм сбивала резкая активизация польских патриотов.

Их лидер Л. Мерославский в 1844 году вошёл в состав Централизации — исполнительного органа эмигрантского Демократического общества, взявшего весной 1845 года курс на подготовку общего восстания во всех трёх частях польских «разделов»⁴.

И.Ф. Паскевич

А.И. Барятинский

Д.О. Бебутов

В принадлежавшей Пруссии Познани Мерославский провёл совещание руководителей нелегальных организаций, на котором было сформировано некое подобие революционного правительства. В его состав на втором совещании, прошедшем в Кракове 18 января 1846 года, в качестве представителя от Галиции вошёл Я. Тиссовский, и была назначена дата восстания — 21 февраля 1846 года. Но десятью днями ранее, 11 февраля, Мерославский и несколько его товарищей были арестованы в селе Свиняры. В Познани начались повальные обыски и аресты⁵.

В результате в назначенный срок восстания в прусском «захвате» не произошло. Столь же неудачной оказалась попытка восстания в Царстве Польском, где выступление свелось к попытке нескольких заговорщиков установить контроль над уездным центром Седлец.

В австрийском «захвате» выступление сорвала начавшаяся в феврале 1846 года Галицийская резня — серия инициированных австрийскими властями выступлений местного русинского

населения против польских помещиков. Были убиты от 1300 до 3000 шляхтичей, членов их семей и католических священников.

По замыслу эмигрантских комитетов несостоявшееся восстание в Галиции должно было перекинуться на Краков. У его границ повстанцы организовали несколько отрядов, которые в назначенный день должны были захватить город.

Резиденты, узнав, что восстание назначено на 21 февраля, обратились к сенату «вольного города» и временному президенту этого органа Ф. Ксенжарскому с запросом: смогут ли они своими силами обеспечить порядок в городе? Сенат не решился взять на себя такую ответственность. Тогда конференция резидентов потребовала от начальника австрийских войск, располагавшихся в Подгорье, на правом берегу Вислы, напротив Кракова, ввести несколько воинских формирований в Краков, что было выполнено 18 февраля 1846 года⁶.

Узнав об этом, члены революционного правительства перенесли дату выступления в «вольном городе» на сутки раньше.

Наместник российского императора в Польше фельдмаршал И.Ф. Паскевич из Варшавы следил за событиями в Кракове, чтобы при необходимости, в решающий момент, вмешаться в них. В официальном донесении императору от 21 февраля 1846 года он писал: «Как по многим сведениям, можно было точно ожидать беспорядков, я приказал собрать на нашу границу батальон Кременчугского егерского полка и казачью полусотню. Барону же Унгерн-Штернбергу (российскому резиденту в Кракове. — Прим. авт.) я приписал не

приступать к занятию вольного города как:

1) По разрешению венской конференции и в таком случае распорядился таким образом, чтобы австрийские или прусские войска взошли, если не прежде, то вместе с нашими.

2) В случае поднятия мятежниками оружия, призвать наш батальон по удостоверению, что австрийский резидент получил дозволение вызвать австрийские войска.

3) В случае только явной опасности потребовать объявление сената, что он не в состоянии удержать порядок одними своими способами, и письменное объявление австрийского резидента, что он призывает австрийские войска, и тогда распорядиться так, чтобы город занят был австрийскими войсками, а потом и нашим батальоном.

На другой же день отправления моего предписания резидент мне донёс, что волнения в городе всякий день усиливаются, что везде разосланы приглашения юношеству вооружаться за отечество, что генералу Хлопицкому предлагали принять начальство над мятежным войском, что люди спокойные оставляют город, и что за тем резиденты решились призвать австрийские войска.

На другой день 6/18 февраля бригадный генерал Ф. Коллин фон Кольштейн должен был вступить в Краков с 1200 человек пехоты, 270 конницы и полубатареею.

Я приказываю нашему батальону оставаться на границе и только в случае нужды допустить призывание его в Краков. Этот батальон будет состоять в распоряжении резидента в Кракове, и командиру онго полковнику Менгдену приказано действовать соответственно его требованиям»⁷.

В ночь с 20 на 21 февраля в предместье Кракова Звержинец на австрийские войска напали два отряда повстанцев. Их атака была отбита. Аналогичная участь постигла три других отряда, которые попытались прорваться в город через предместья Клепаж, Весола и Страдомя. Остатки разгромленных отрядов повстанцев ушли в Галицию. В «вольном городе» власти объявили военное положение.

Казалось, всё кончено. Но утром 22 февраля командовавший австрийским отрядом бригадный

Л. Мерославский

генерал Ф. Коллин фон Кольштейн решил оставить Краков.

О причинах столь странного решения до сих пор нет однозначного мнения. Скорее всего, генерал принял его под влиянием слухов о том, что в его тылу повстанцы разбили австрийский гарнизон и двигаются к Кракову⁸.

22 февраля вслед за австрийцами город покинули президент сената и сенаторы, а также полицейские власти.

Из Варшавы Паскевич по-прежнему отслеживал ситуацию, пытаясь определить, как волнения в Кракове могут повлиять на ситуацию в Царстве Польском. Его тревога отражена в очередном донесении императору от 23 февраля 1846 года: «В Кракове мятеж предполагали начать только 8/20 числа, действительно, как доносит резидент наш, с 8/20 на 9/21 числа между 4 и 5 часов по полуночи толпы людей с оружием и косами бросились на город, предводимые, как полагают, некоторыми помещиками и ксёндзами. При этом случае много было убитых и раненых, как военных, так и возмутителей; стреляли из окон: вели атаку на дом миссии, где находится почта, но не сильную, так что караул и патруль рассеял бунтовщиков. В полдень восстановилось спокойствие, но брожение продолжалось и ожидали новой атаки ночью. На отряд из 60 легкоконцев с 2 офицерами, посланный в Кшешов в имение графини Артур-Потоцкой, сделано нападение, когда все спали. Все они побиты кроме 1 офицера и 1 кадета, кои спаслись и объявили о сем происшествии. Один полицейский комиссар убит...

По сведениям, от пограничных начальств наших полученным, большого убийства не было, и в Кшешове только обезоружены 12 человек. В ту же ночь шайка возмутителей до 20 человек, пришедшая из Краковской области, пришла к нам, и на посту Видома напала на спавших казаков, забрала их лошадей, оружие и 9 человек увела с собой.

Вследствие всех этих происшествий я сделал следующие распоряжения:

— Послал моего адъютанта полковника Аничкова ускорить прибытие батальона Кременчугского егерского полка в Краков, а командиру того полка, так как он

сам ведёт этот батальон, велел поспешить с командой казаков вперёд и по прибытию в Краков состоять в распоряжении г. резидента. После же отъезда Аничкова получил донесение, что сотня казаков приходит уже в Краков сего дня, а батальон, ускорив марш, прибывает туда завтра...»⁹.

В Кракове для пресечения анархии был создан Комитет общественной безопасности во главе с графом И. Водзицким.

Тем временем слух об отступлении австрийцев дошёл до членов революционного правительства, и они прибыли в Краков во главе толпы повстанцев. Я. Тиссовский отстранил И. Водзицкого от власти и приступил к созданию армии. Занявший пост командующего повстанцами генерал Я. Ржуховский разрушил пролёт моста через Вислу, соединявшего Краков с Подгорьем, что должно было предотвратить внезапное появление австрийских или русских отрядов¹⁰.

Правительство Тиссовского обнародовало призывавший польский народ к общенациональному восстанию манифест, который «должен быть напечатан в правительственной газете и разослан по целой Польше в отдельных экземплярах, дабы его оглашали с амвонов по костёлам, а в гминах прибывали по стенам на видных местах»¹¹.

Всем отрядам повстанцев предписывалось сосредоточиться в окрестностях «вольного города»¹².

Большие надежды вызвало прибытие в Краков кавалерийского отряда Э. Скаржинского из 50 улан и примерно 5 000 плохо вооружённых сельчан и ремесленников.

Тиссовского объявили диктатором, Скаржинский стал главнокомандующим. Мобилизовали отставных и уволенных из армии офицеров. Так, отставной артиллерист полковник А. Каминский стал инспектором артиллерии. В его распоряжении были одна пушка «древнего образца» и 20 бочек пороха.

Постепенно волнения стали распространяться на соседние с Краковом области. Сначала повстанцы завладели Подгорьем. Затем агент революционного правительства поэт Э. Дембовский прибыл в городскую думу города Велички и провозгласил там республику.

Ф.В. Ридигер

Члены Комитета общественной безопасности на несколько часов смогли отстранить Тиссовского от власти, но в ту же ночь с 24 на 25 февраля в город пришло известие о том, что на Краков идут казаки.

Паскевич приказал полковнику барону Е.Е. Менгдену силами сотни казаков и батальона Кременчугского егерского полка занять Краков к 24 февраля, но вскоре отменил приказ, так как получил сведения об отступлении австрийских войск и взял своего рода тайм-аут¹³.

Благодаря переполоху, вызванному слухами о русских казаках, Тиссовский вернулся к власти и распорядился выслать на границу кавалерийский отряд под командованием Мазарака, который после небольшой стычки возвратился в город, не доставив никаких значимых сведений.

Любопытен рассказ одного из участников этого единственного за всю краковскую кампанию боестолкновения между русскими и повстанцами: «В г. Мехове, ближайшем нашем пограничном городе от Кракова в это время находился 2-й батальон кременчугского егерского полка, а у таможни в Михаловицах на самой границе сотня казаков. Отряд этот под командой командира полка ждал приказа, чтобы перейти границу... Тиссовский отправляет в Михаловицы два эскадрона кракусов под командой Мазараки и Иордана. Их далеко заметили по дороге наши таможенные чиновники и дали знать казакам. Поравнявшись с последним верстовым столбом, кракусы придержали лошадей, подтянулись и на полных рысях понеслись к шлагбауму. Сторож долго суетился, пока искал ключ, однако отпер, и повстанцы

Ф.С. Панютин

поскакали дальше... Из-за корчмы казаки встретили их залпом — и наезд был окончен. Кракусы повернули назад, увозя с собой раненого Иордана. До пехоты дело так и не дошло. Эта стычка была первая и последняя у русских с поляками — дальше ни столкновений, ни нападений не было»¹⁴.

Через день к городу Мехову подошёл отряд, возглавляемый командиром Конного мусульманского полка Д.О. Бебутовым, состоявший из трёх батальонов пехоты, трёх сотен казаков и четырёх сотен горцев при 12 орудиях. Впереди с гиканьем и свистом на карабахских конях мчались подчинённые Д.О. Бебутова: «изрядная вольница, позволявшая себе по пути всякие шалости. Коней своих дорогих они ставили в лучших домах и сами спали с ними. Наместник за всё щедро платил из своего кармана»¹⁵.

События вступали в решающую фазу. 28 февраля 1846 года Паскевич информировал о них шефа жандармов и главного начальника III отделения (высшего органа политической полиции Российской империи) А.Ф. Орлова: «12/24 февраля толпа бунтовщиков, вышедших из Кракова, напала в Михаловицеском уезде на казачью команду из 70 человек, находящуюся на посту при Михаловицеской таможене под командой есаула Смолякова. В схватке один мятежник ранен, у казаков одна лошадь ранена, одна убита.

Краковские мятежники заняли Бохню и через Подгуже отправились к Вадавицам. В Михаловицах

в 16 часов слышали выстрелы. В Кракове учреждено мятежное правительство. Порядок восстановлен, личное имущество охраняется.

По показаниям Липинского в Кракове мятежники формируют кракусы, уланы и народное ополчение. В числе краковских заговорщиков есть знатные помещики — Адам Потоцкий, Скаржинский, Валецкий, Врублевский, Садовский, Гельцель и др.

Сенат уничтожен. Обнародована конституция, Чарторыжский провозглашён Польским Королём. Границы объявлены от Балтийского до Чёрного морей»¹⁶.

Агент революционного правительства Дембовский организовал пропагандистский рейд по сельским окрестностям в форме крестного хода. 27 февраля 1846 года в Подгорье эту процессию разогнали австрийские войска. Дембовский погиб.

Заняв Подгорье, командовавший австрийским отрядом бригадный генерал Ф. Коллин фон Кольштейн принялся восстанавливать разрушенный мост через Вислу, чтобы переправиться в Краков и уничтожить последний очаг восстания»¹⁷.

По распоряжению Паскевича под городом Кельц ко 2 марта должны были сосредоточиться 10 батальонов русской пехоты, 4 эскадрона кавалерии, 13 сотен казаков и горцев, 2 роты сапёров, 2 стрелковые роты и 20 орудий.

Кроме того, он приказал командиру 8-й пехотной дивизии генерал-лейтенанту Ф.С. Панютину занять Краков своими силами, не дожидаясь полного сосредоточения войск, потребовав: «Идти сейчас с 3 батальонами, артиллерией и казаками, которые у вас уже есть, и отрядом князя Бебутова, вперёд к Михаловице, а Краков окружите казаками. Бояться нечего, стыдно! Держитесь и держите бунтовщиков в страхе!»¹⁸.

Решительных действий требовала и инструкция, выданная И.Ф. Паскевичем непосредственному начальнику Панютина командиру корпуса генерал-адъютанту, генералу от кавалерии Ф.В. Ридигеру: «Артиллерия должна расстроить неприятеля. Она действует предпочтительно прежде, и пехота не должна её заслонять. Если неприятель выдержит картечь, послать пехоту, которая должна быть в двух линиях, никак не в одной. Потом

кавалерию. Мусульман не посылать в атаку на пехоту, ибо они будут только горячиться, а употреблять их только в перестрелках и фланкерах против кавалерии, равно на флангах, когда атакуют казаки... А лучше, чтобы он (Панютин) по получении сего предписания, форсированно пошёл до Мехова; ибо, ставши там, он ближе будет к секурсам (подкреплениям. — Прим. авт.), которые идут из Пруссии или Австрии. Ему же нечего бояться. Странно будет, если австрийцы или пруссаки прежде нас придут. А генералу Панютину нечего опасаться»¹⁹.

Панютин выступил утром 1 марта и к 3 марта подошёл к Кракову.

За день до этого, 2 марта, к Паскевичу из Санкт-Петербурга помчался курьер с письмом Николая I, где император одобрял распоряжения фельдмаршала: «Вчера рано утром получил я письмо твоё, любезный отец командир, с неожиданным известием оставления австрийцами Кракова. Сколь ни непонятна подобная мера, однако, соображая[сь] с прочими известиями из Галиции, кажется, приписать это можно или ненадёжности войск, или опасению быть отрезанными от своих главных сил. Ты очень хорошо сделал, что собираешь значительный отряд, дабы ничего не компрометировать; но вели теперь Панютину идти брать Краков и, ежели защищаться будет, город не щадить и бомбардировать; надо это гнездилище в зародыше уничтожить, но не грабить. Верить нельзя слухам из Галиции; но буде подтвердятся, последствия могут быть двойки, т.е. что австрийцы будут силой брать назад своё или не будут в состоянии это сделать. Мы должны оставаться в покое, но готовыми на всё. Полагаю, что ты сам уже распорядился нужными движениями войск; сие тем нужнее, что распутица скоро весьма затруднит их движение; потому ежели они неминуемо предстоят, гораздо лучше их начать ранее»²⁰.

3 марта 1846 года Паскевич писал императору: «В Царстве Польском спокойно. Войска наши двигаются: сегодня должны быть под Краковым; я думаю, Краков сдастся без защиты. Странная претензия пруссаков, чтобы их генерал командовал в Кракове, заставила меня послать ген.-ад.

Ридигера, не так как командира отряда, а чтобы быть и наблюдать за происшествиями и, не отдаваясь в команду, не брать оной. Главное рассуждение моё в том, что австрийцам скорее всего предлежит иметь команду, ибо бунт у них в Галиции, а пруссаки и мы должны, посему, быть в их распоряжениях. При том ген. Ридигер в последнюю войну там командовал, знает местоположение, людей тамошних...»²¹.

Смысл этого письма можно сформулировать одной фразой: «Можете не беспокоиться, Ваше Величество!».

Ридигер, Панкратьев и командир конного мусульманского полка Бебутов были энергичными, инициативными военными. 2 марта их подчинённые приблизились к Кракову.

Повстанцы поначалу не собирались отступать, о чём свидетельствуют действия Тиссовского и его главнокомандующего Скаржинского. Получив известие о стычке под Меховым, они собрали 200 кавалеристов и около 1 тысячи плохо вооружённых пеших повстанцев. Ещё 5000 примкнувших к ним крестьян были вооружены только топорами и косами.

Тиссовский отправил парламентёров к австрийскому генералу Коллину фон Кольштейну, но тот отказался вести переговоры с мятежниками.

Одновременно представители Кракова в лице Комитета общественной безопасности пытались выстроить диалог с русскими, направив к Панютину «Отношение...», в котором сообщали, что они «ждут указаний от генерала и надеются на его благородное отношение к безвинным»²².

Под давлением городского совета Тиссовскому и его повстанцам пришлось покинуть город.

Появление отряда князя Бебутова многие уставшие от беспорядков горожане приветствовали криками: «Да здравствуют русские!».

4 марта 1846 года И.Ф. Паскевич официально рапортовал императору: «В ночь с 18-го на 19-е число февраля (по старому стилю, со 2 на 3 марта по новому стилю. — Прим. авт.) бунтовщики, узнав о приходе наших войск в Михайловицы, оставили Краков, а наши войска заняли его в три часа пополудни.

Первыми вступили 100 казаков, потом вошли — один батальон с 4-мя донскими орудиями, затем горцы и черкесы.

Бунтовщики в количестве 500 конных и 1000 пеших отправились по одним сведениям в Шиц, по другим на Кршешовицы к прусской границе.

В погоню за ними отправлен князь А.И. Барятинский с 300 казаками Сборно-Учебного полка. На дороге к нему присоединились ещё 120 человек Кадетского № 15 полка.

В Кракове стоят три батальона при 12 орудиях и 500 человек иррегулярной кавалерии. Жители складывают оружие на площади. Австрийцы чинят мост на Висле и готовятся вступить в Краков»²³.

Информация из этого рапорта несколько расходится с воспоминаниями, записанными со слов Е.Е. Менгдена спустя несколько лет после краковских событий и опубликованными в «Историческом вестнике» в 1894 году: «Приказано было вперёд выдвинуть батарею, зарядить орудия. Неприятеля нигде не видать, а до Кракова всего вёрст десять. Князь Бебутов, начальник мусульманского отряда, просится вперёд и, после долгих соображений, его отпускают. Он входит в Краков и беспрепятственно разъезжает по всем улицам, и когда узнаёт, что город уже сдан подполковнику Повало-Швейновскому, останавливается на площадке в Клепаже в ожидании прибытия Панютина. Благодаря

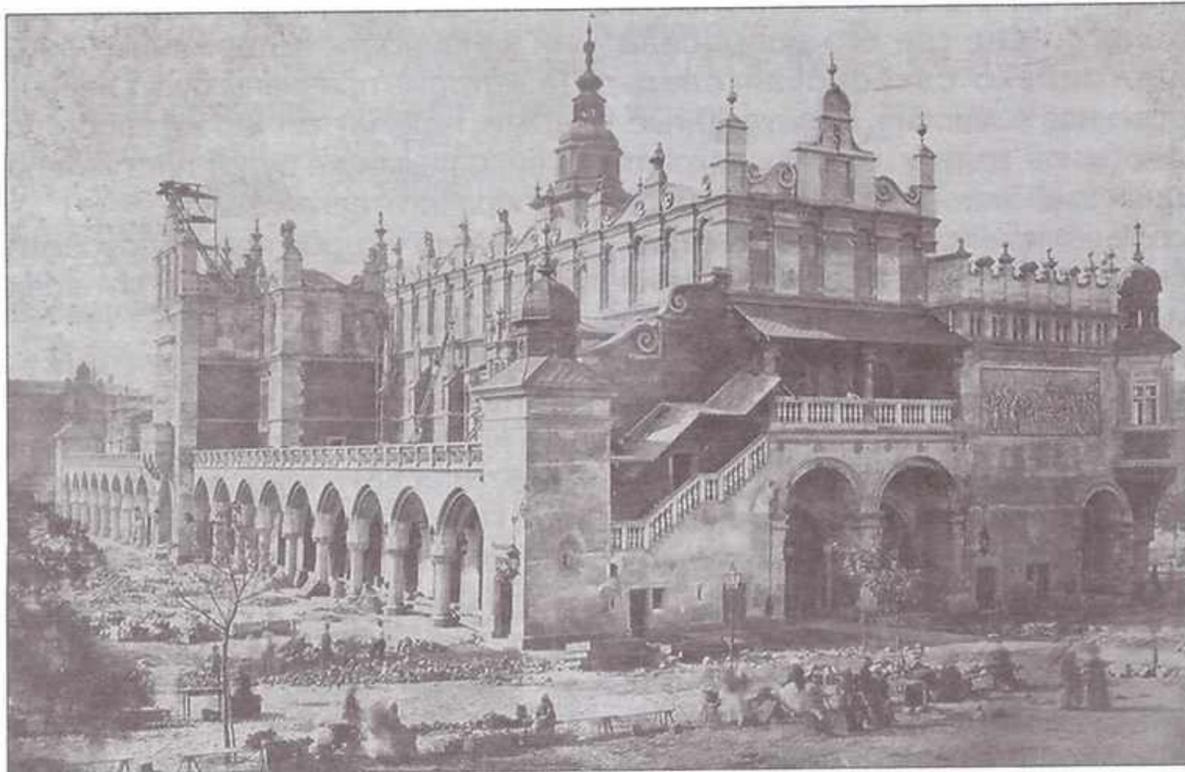
этому австрийцы, подступавшие к Кракову с другой стороны, приняв издали мусульман наших за кракусов, задерживаются и опаздывают. Первой вступает в Краков карабинерная рота Кременчугского полка, следовавшая от заставы в Михайловицах почти всё время бегом. Она сейчас же заняла все караулы в городе, сменив городскую стражу, выставленную комитетом безопасности. Три егерские роты располагаются в замке на Вавеле, но ненадолго. Вместо Коллина с австрийскими войсками прибывает фельдмаршал-лейтенант граф Кастильоне и как старший принимает начальство над гарнизоном, и немедленно выдворяет русские войска на окраину; в самом городе оставлены только полковые штабы. А на следующее утро 2-й батальон с четырьмя орудиями казачьей конной батареи вслед за отрядом князя Бебутова, опять ушедшего в авангард, отправляется по силезской дороге вдогонку за бандами Тиссовского»²⁴.

Австрийцы вошли в город через три часа после русских в составе пяти рот пехоты и двух эскадронов кавалерии.

В распоряжении Тиссовского были 210 кавалеристов, 200 пехотинцев с огнестрельным оружием и 900 с холодным. Повстанцы прихватили с собой и единственную раритетную пушку, но все военные припасы пришлось оставить в Кракове.

Их преследование отражено в послужном списке будущего гене-

Здание Сукенницы (торговых рядов) на Рыночной площади Кракова
Фото 1860-х гг.

рал-фельдмаршала, в то время полковника князя А.И. Барятинского, который «во время сей командировки следовал с вверенным ему отрядом на сел. Кржежовицы, где по разным домам много скрывалось с оружием мятежников, из которых некоторые стреляли из домов; в этом селении найдено и взято им, кроме оружия, много пороха и австрийская зарядная фура. Узнав затем, что мятежники ретируются в Хржанов, где намерены были ночевать, он, не взирая на усталость лошадей, поспешил за ними и преследовал до Тржебиня; но по совершенному изнурению лошадей вынужден был остановиться, выслав аванпосты к Хржанову, с которыми командующий кавалерией повстанцев Мазараки завязал перестрелку, но по подкреплению аванпостов сотнею казаков, Мазараки обращён в совершенное бегство, при чём у него убито 20 человек и 17 взято в плен и, сверх того, освобождён из плена один офицер австрийской службы»²⁵.

После дневного марша повстанцы остановились на ночлег в деревне Кржешевеицы. Наутро их лидеры, посоветовавшись, приняли решение вступить в переговоры с пруссаками об условиях сдачи, направив парламентёром Скаржинского. Вскоре он вернулся с отрядом прусских улан. Повстанцев сопровождали к городку Хелмна, где разоружили²⁶.

Тиссовскому предоставили возможность выехать в Дрезден под именем купца Боды (изучавший эти события Н.В. Берг указывает другое имя — шевалье Ганри де Тонд)²⁷. В Саксонии его арестовали и заключили в крепость Кёнигштайн, где его допросила австрийско-саксонская следственная комиссия. Вернув 20 тыс. флоринов, взятых на соляных копиях Велички (месторождение каменной соли вблизи Кракова), он фактически откупился от преследований и уехал в Соединённые Штаты Америки. Последние десять лет жизни проработал учителем рисования.

В Кракове после ухода Тиссовского до прихода союзников власть находилась у Временного комитета общественной безопасности²⁸.

5 марта в Краков прибыли командующие союзными контингентами: австрийский фельдмаршал-лейтенант граф Врбна, генерал-адъ-

ютант Ридигер и прусский генерал от инфантерии граф Бранденбург²⁹.

На следующий день от имени Панютина и Коллина были обнародованы такие условия военного положения: «1) вольный город Краков находится отныне в осаждённом положении и никто не может оставить без особого на то разрешения; 2) личность и собственность мирных жителей будут уважаемы; 3) все домовладельцы или управители домов, не желающие привлечь на себя всю строгость военных законов, должны под личную ответственность представить военным властям всех, кто принимал участие в последних беспорядках; 4) все те, которые, не принадлежа к числу главных вождей, имели однако ж слабость присоединиться к последним, должны для собственных своих выгод и во избежание всякого принуждения явиться добровольно к властям, ибо только в этом случае будут приняты во внимание их собственные показания; 5) все, кто удержит при себе оружие и не выдаст его до полудня 6 марта, будут подлежать всей строгости военных законов; 6) президент и члены краковского сената, удалившиеся вследствие обстоятельств и возвратившиеся теперь в город, составят управление, которое займётся текущими внутренними делами. Сенатор Копф будет до возвращения президента Шиндлера исправлять его должность; 7) каждый оккупационный отряд назначил одного плац-коменданта и одного плац-адъютанта, в соглашении с коими и будут действовать; 8) будет учреждена смешанная военная следственная комиссия для определения степени виновности задержанных лиц. Те, которые признаны будут невинными, получают тотчас же свободу; с виновными же будет поступлено сообразно с законами»³⁰.

8 марта в город вошёл прусский контингент из двух рот и четырёх эскадронов.

В тот же день до Санкт-Петербурга дошла весть о том, что восстание подавлено и отряд Бебутова вступил в город. Николай I был в восторге и немедленно ответил Паскевичу: «Слава Богу! Слава тебе мой отец командир, дело вёл прекрасно, и за то и славный конец. Признаюсь, что не могу довольно выразить тебе моей радости, что мы под носом

выгнанных из Кракова австрийцев успели ранее всех и заняли Краков. Теперь и более силы будет поставить на нашем, ибо мы, а не австрийцы, не пруссаки заняли Краков!»³¹.

Дважды повторенное и подчёркнутое слово «мы» показывает, что император видел в занятии Кракова удачно проведённую военнополитическую акцию, призванную укрепить авторитет России в Европе. Погоня за престижем отодвигала на задний план прагматичные соображения о том, что Россия из краковского наследства ничего не получит, а политический успех операции в долгосрочной перспективе весьма относителен. Рассчитывать на благодарность Вены царю не следовало, поскольку австрийцы неоднократно доказывали, что «благодарность умирает в их душах сразу же после оказания услуги»³².

Генералы трёх стран договорились о том, что в Кракове останутся только австрийцы, а русские и прусские воинские части разместятся в окрестностях. Командовать объединённой группировкой было поручено австрийскому фельдмаршалу-лейтенанту Г. Кастильоне, он же исполнял обязанности генерал-губернатора Кракова. Деятельность сената была приостановлена, вместо него учреждено временное правительство под председательством австрийского фельдмаршала-лейтенанта графа Л. Врбна³³.

То, что русский воинский контингент оказался в роли арбитра в охваченном смутами крае, ввело Паскевича в соблазн дерзких внешнеполитических комбинаций. Ссылаясь на Ридигера, он сообщал царю, что в Галиции и Кракове есть влиятельные местные партии, мечтающие о вхождении в лоно Российской империи. Но то ли верность слову, то ли трезвое нежелание ввязываться в авантюры помогли Николаю I остаться на прежних позициях. 15 марта 1846 года он писал Паскевичу: «Все попытки в Кракове просить к нам передаться — принимаю ещё менее, чем когда-либо; подавно из Галиции. Тем более не хочу о том слышать, что должно осторожнее, чем когда-либо, избегать всего, что б могло навести тень сомнения на чистоту и прямоту наших намерений. Верю очень, что теперь австрийцам нелегко будет приво-

дить народ к порядку, ибо сколько народное орудие в том случае им не было полезно, оно самое опасное, ибо выводит из порядка и послушания, а тут и комунизм готов»³⁴.

Тогда, ссылаясь на недовольство пруссаков, Паскевич в качестве компромисса предложил Николаю I поделить всю территорию республики на три равные части — по одной каждому из союзников. Догадываясь, что ответ будет отрицательным, но надеясь урвать с пресловутой «паршивой овцы» (Австрии) хоть «шерсти клочок», фельдмаршал предложил ещё один вариант — взять с австрийцев компенсацию закупаемой у них солью (в размере импорта за два года) или деньгами.

Но Николай I был категоричен: «По краковскому делу я с тобой не согласен. Брать себе ничего не хочу. Дело решено ещё в Теплице, Краков должен быть австрийским, а не прусским, так тому и быть. Но ежели хотят австрийцы променяться и отдать мне Галицию взамен всей Польши по Бзуру и Вислу, отдам и возьму Галицию сейчас, ибо наш старый край!»³⁵.

Австрийцы на такой обмен не согласились. В Вене была образована особая конференция из представителей «покровительствующих держав», решившая судьбу Кракова в соответствии с договорённостями российского, австрийского и прусского монархов в 1835 году.

Командир Кременчугского егерского полка полковник барон Е.Е. Менгден вспоминал: «Около 28 июня пришло известие из Вены, что по согласию трёх покровительствующих держав Вольный город Краков присоединяется к Австрийской империи; русские же и прусские войска должны очистить Краковскую область к 13 июля. Надо было видеть, как вдруг подняли нос австрийцы, и наши взаимные отношения мгновенно изменились. Граф Кастильони дошёл до того, что разослал маршруты нашим и прусским войскам, куда и как идти. Нам предписывалось выступить ночью и миновать Краков. Это нас взорвало, тем более, что в маршруте, полученном тогда же из корпусного штаба, требовалось, чтобы мы шли именно на Краков и, разумеется, днём. Я уведомил об этом графа, но получил от него новое предписание, уже в виде совета, чтобы я, следуя на

Краков, расположил войска ночевать по деревням, а не в городе, так как последнее будто бы менее удобно солдатам. В сущности, австрийцы боялись демонстрации жителей в пользу наших войск».

Тем не менее Менгден вопреки противодействию австрийцев настоял на проведении 14 июля торжественного молебна на городской площади. «Граф Кастильони приехал с огромной свитой раньше назначенного времени, именно в 5-м часу утра, когда войска только ещё строились. Несмотря на такую рань, народу из Кракова и предместий собралось очень много. Граф Кастильони, поздоровавшись с солдатами, благодарил их за службу и примерное поведение. После этого был отслужен молебен, по окончании которого батальоны переменили дирекцию налево, став лицом к Флорианским воротам, и пошли церемониальным маршем, повзводно мимо меня к заставе, имея впереди песельников. Граф Кастильони ехал во главе колонн до первой деревни, после чего, съехав с шоссе, пропустил батальоны мимо себя, раскланялся со мною и уехал. А народ провожал нас гораздо дальше, иные до самой границы, крича поминутно "ура"»³⁶.

Австрийские газеты сообщили, что орацию русским устроили евреи, которые сильнее других жителей пострадали от восстания. Прусские публицисты трактовали это происшествие как доказательство пробуждения в поляках идей панславизма, а польские публицисты заявляли, что таким способом жители Кракова выразили своё отвращение к австрийским властям, устроившим резню в Галиции³⁷.

6 ноября 1846 года Австрия, Пруссия и Россия подписали договор, ликвидировавший независимость «вольного города» и присоединивший его территорию к Австрии.

История Краковской республики завершилась.

Таким образом, хотя события в Кракове застали «покровительствующие державы» врасплох, австрийское, русское и прусское правительства смогли оперативно договориться о совместных действиях против повстанцев и ликвидации Краковской республики, исходя из достигнутых в Теплице договорённостей о передаче её территории Австрии.

Уничтожение этой опорной базы польского национального движения даже при отсутствии территориальных приобретений соответствовало интересам, которые преследовал Николай I.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1329. Оп. 1. Д. 369.

² Там же. Ф. 1018. Оп. 4. Д. 76. Л. 1.

³ Попов Н.А. Вольный город Краков. 1815—1846 гг. // Вестник Европы. 1875. № 4. С. 656, 657.

⁴ Берг Н.В. Записки о польских заговорах и восстаниях 1831—1862 гг. М., 2008. С. 135.

⁵ Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. СПб., 1896. Т. 5. С. 355.

⁶ РГИА. Ф. 1018. Оп. 6. Д. 127. Л. 1.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1846. Оп. 21. Д. 36. Ч. 1. Л. 66.

⁸ РГИА. Ф. 1018. Оп. 6. Д. 128. Л. 1.

⁹ Там же. Ф. 1846. Оп. 21. Д. 36. Ч. 1. Л. 62—66.

¹⁰ Там же. Ф. 1018. Оп. 6. Д. 129. Л. 1.

¹¹ Записки Н.В. Берга о польских заговорах и восстаниях 1831—1862 гг. М., 1873. С. 100—102.

¹² РГИА. Ф. 1018. Оп. 6. Д. 130. Л. 1.

¹³ Российский Государственный военно-исторический архив. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 9. Л. 21.

¹⁴ Занятие Кракова русскими войсками в революцию 1846 г. // Исторический вестник. 1894. Май. Т. LVI. С. 37.

¹⁵ Там же. С. 37, 38.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 1846. Оп. 21. Д. 36. Ч. 1. Л. 90.

¹⁷ РГИА. Ф. 1018. Оп. 6. Д. 131. Л. 36.

¹⁸ Щербатов А.П. Указ. соч. С. 364.

¹⁹ Там же. С. 366.

²⁰ Там же. С. 367.

²¹ Письмо кн. Варшавского, графа Паскевича-Эриванского к Н. Сообщено Ад. П. Берге // Русская старина. 1885. Октябрь. С. 579.

²² ГА РФ. Ф. 1846. Оп. 21. Д. 36. Ч. 1. Л. 27.

²³ Там же. Л. 129.

²⁴ Занятие Кракова... С. 37, 38.

²⁵ Муханов В.М. Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. М., 2007. С. 31.

²⁶ ГА РФ. Ф. 1846. Оп. 21. Д. 36. Ч. 2. Л. 522—555.

²⁷ Берг Н.В. Указ. соч. С. 144.

²⁸ Попов Н.А. Указ. соч. С. 712.

²⁹ Записки Н.В. Берга... С. 54.

³⁰ Попов Н.А. Указ. соч. С. 712, 713.

³¹ РГИА. Ф. 1018. Оп. 5. Д. 284. Л. 1.

³² Там же.

³³ Там же. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 8. Л. 274.

³⁴ Там же. Ф. 1018. Оп. 5. Д. 286. Л. 1.

³⁵ Там же. Д. 287. Л. 1.

³⁶ Записки Н.В. Берга... С. 56, 57.

³⁷ ГА РФ. Ф. 1846. Оп. 21. Д. 36. Ч. 1. Л. 129, 363. ■

«ЭНЕРГИЧНЫЙ, ТВЁРДЫЙ И НАСТОЙЧИВЫЙ РАБОТНИК»

«ENERGETIC, HARD AND PERSEVERING WORKER»

Сведения об авторе. Близниченко Сергей Сергеевич — доцент кафедры транспортных сооружений Кубанского государственного технологического университета, кандидат технических наук (г. Краснодар. E-mail: Flagman.Flota@yandex.ru).

Аннотация. В статье показан жизненный путь бывшего командующего Дальневосточной военной флотилией и начальника 2-го (севастопольского) военно-морского училища, дважды орденоносца, флагмана 2 ранга Я.И. Озолина, необоснованно репрессированного в 1938 г.

Ключевые слова: флагман 2 ранга Я.И. Озолин; «военно-фашистский заговор»; политические репрессии в СССР.

Information about author. Sergey Bliznichenko — Associate Professor of the Department of Transport Structures, Kuban State University of Technologies, Cand. Sc. (Tech.) (city of Krasnodar. E-mail: Flagman.Flota@yandex.ru).

Summary. The article shows the way of life of the former commander of the Far Eastern military flotilla, and chief of the 2nd (Sevastopol) Naval Academy, double order bearer, a leader of the 2nd rank Ya.I. Ozolin groundlessly repressed in 1938.

Keywords: Flagman 2 Rank Ya.I. Ozolin; "military-fascist conspiracy"; political repressions in the Soviet Union.

ТАК в мае 1927 года писал о своём подчинённом — командующем Дальневосточной военной флотилией Я.И. Озолине — бывший тогда начальником Морских сил (наморси) РККА и членом РВСР Р.А. Муклевич. В ходе Советско-китайского конфликта 1929 года Я.И. Озолин полностью подтвердил данную ему характеристику: его подчинённые успешно действовали вместе с авиацией против китайской Сунгарийской флотилии, в результате чего та была полностью уничтожена. Командующий флотилией за боевые заслуги получил самую почётную награду того времени — орден Красного Знамени. Надо сказать, что это была его вторая такая награда. Свой первый орден Красного Знамени он получил ещё в 1923 году за отличие в бою Азовской военной флотилии с белогвардейскими морскими силами в сентябре 1920 года. Так кто же он был, этот энергичный и талантливый боец революции, твёрдый защитник советской власти, ею же впоследствии и уничтоженный?

Яков Иванович Озолин (Екаб Янович Озолиньш) родился 20 июня (2 июля) 1893 года в городе Велло Лифляндской губернии (Латвия) в крестьянской семье. Окончил два класса школы Министерства народного просвещения России, затем уехал к дяде — рабочему Путиловского завода в Петербург, где поступил за казённый счёт в Школу морских фельдшером в

Кронштадте¹. Окончив её в мае 1910 года, служил на Балтийском флоте, плавал на транспорте «Николаев» и крейсере «Диана». В 1911 году Я.И. Озолина перевели на канонерскую лодку «Карс», на которой тогда служил мичманом Э.С. Панцержанский, будущий начальник Морских сил СССР. Вскоре «Карс» вместе с экипажем перебазировали на Каспий, где лодка использовалась для перевозки войск персидского шаха, участвовавших в подавлении крестьянских восстаний в Персии. Жестокость, с которой расправлялись верные шаху войска с восставшими, заставила молодого моряка по-иному взглянуть на жизнь, и в конце 1911 года Яков Иванович, находясь в Баку, вступил в партию социалистов-революционеров (эсеров), в которой и состоял до 1918 года². Вполне возможно, что это обстоятельство «аукнулось» ему в 1930-х годах.

В годы Первой мировой войны Я.И. Озолин служил на различных кораблях в должности санитарного кондуктора, после Февральской революции исполнял обязанности члена Севастопольского Совета, затем заместителя председателя Таврического губернского профсоюза помощников врачей. С октября 1917 по январь 1918 года Я.И. Озолин находился в Петрограде, принимал участие во Всероссийской конференции военных моряков³. Тогда же он вместе с другими военморами под руководством А.Г. Железнякова, начальника карау-

ла Таврического дворца, принял участие в разгоне Учредительного собрания. В феврале 1918 года Яков Иванович возвратился в Севастополь.

После захвата немцами Крыма Я.И. Озолин пробрался через оккупированную Германией Украину в Москву. В июле 1918 года он уехал в Витебск, где формировалась так называемая Флотилия Советской Латвии, просуществовавшая с марта по ноябрь 1919 года. Там Я.И. Озолин был избран членом Витебского городского Совета. Тогда же он вступил в ряды РКП(б).

В ноябре 1919 года на базе Западно-Двинского отряда флотилии создаётся Западно-Двинская военная флотилия, где Я.И. Озолин сначала являлся помощником военного комиссара, а затем — военным комиссаром⁴. Флотилия, базировавшаяся на Витебск и состоявшая всего из нескольких бронекатеров и вооружённых речных судов, тем не менее активно участвовала в отражении польских сил в 1920 году, важную роль сыграла в перевозках войск и военных грузов, обеспечении флангов советских соединений.

После расформирования флотилии Я.И. Озолина переводят на юг и назначают военным комиссаром воссозданной Азовской военной флотилии, которой командовали сначала С.Е. Маркелов, затем Е.С. Гернет.

Флотилия, базировавшаяся на Таганрог и Мариуполь, оказывала огневую поддержку сухопутным

силам, вела успешные боевые действия против белогвардейских кораблей, в частности одержав победы 9 июля 1920 года у Кривой Косы, 24 августа — у Приморско-Ахтарской и 15 сентября — у Обиточной Косы. В этом бою отличился и Озолин: будучи контуженным, он продолжал выполнять свои обязанности, что способствовало слаженности действий командиров кораблей.

Командовавший в то время Морскими силами Советской Республики А.В. Немитц, будущий вице-адмирал (1941), отметил энергичное и искусное управление кораблями в этом бою и объявил благодарность всему личному составу флотилии⁵. Однако индивидуальные награды пришли значительно позднее. Так, орден Красного Знамени за этот бой Я.И. Озолин получил лишь 1 февраля 1923 года⁶.

В апреле 1921 года Азовская военная флотилия была расформирована, личный состав и корабли переданы Черноморскому флоту. Я.И. Озолин получил назначение на должность военного комиссара Береговой обороны Кавказского побережья Чёрного моря. Правда, вскоре пришло повышение: уже в августе Якова Ивановича назначили военным комиссаром штаба Морских сил Чёрного моря (МСЧМ)⁷. Здесь он снова служил с Э.С. Панцержанским, затем с И.К. Кожановым, А.С. Максимовым, В.Ю. Рыбалтовским. Помимо текущих флотских дел Яков Иванович находил время и для работы в местных органах власти, в 1920—1921 гг. состоял членом Севастопольского городского Совета.

Приходилось выполнять и весьма неприятные поручения, вернее, приказы. Так, в 1921 году после Кронштадтского мятежа на флоте начались «чистки». Не миновали они и черноморцев. Здесь председателем комиссии был назначен Я.И. Озолин. После завершения работы комиссии её председателя перевели в Москву на должность военного комиссара Строевого управления Морского штаба, а вскоре он «по совместительству» возглавил и само управление.

Работа Строевого управления заключалась в основном в комплектовании и учёте личного состава, но даже находясь на этой должности, Я.И. Озолин понял, что опыта участия в революции и Гражданской войне ему недостаточно: требовались глубокие теоретические знания в области военного дела.

Первый выпуск Высших морских академических курсов. Слева направо сидят: В.К. Васильев, С.А. Хвицкий, В.М. Орлов, М.В. Викторов, Я.И. Озолин, Л.М. Галлер, Г.А. Степанов; стоят: А.В. Васильев, Н.Н. Несвицкий, К.И. Самойлов, Н.К. Никонов, Ю.Ф. Ралль, А.А. Иконников, Ю.В. Шельтинга, Н.К. Головачёв 1926 г.

И Яков Иванович попросил отпустить его на учёбу.

6 ноября 1925 года Я.И. Озолина зачислили на Высшие морские академические курсы при Военно-морской академии РККФ, а уже 12-го он приступил к занятиям. Вместе с ним учились такие видные флотские деятели, как В.М. Орлов, М.В. Викторов, Л.М. Галлер и другие. В апреле 1926 года состоялся выпуск «академиков», как их в шутку называли, а в октябре Озолин был назначен командующим Дальневосточной военной флотилией (ДВФ)⁸. Так с сентября 1926 года по январь 1931 года называлась Амурская военная флотилия. Прибыв в Хабаровск, он сразу же взялся за дело. Успехи в боевой подготовке флотилии были положительно отмечены вышестоящим командованием. Р.А. Муклевич, возглавлявший тогда Военно-морские силы, дал командующему ДВФ такую аттестацию: «Я.И. Озолин энергичный, твёрдый и настойчивый работник. Инициативен и весьма работоспособен. Требователен в равной степени как к себе, так и к подчинённым. В занимаемой должности всего 6 месяцев, но тем не менее сумел для флотилии очень многое сделать, как в отношении поднятия её технической мощи (первооружения), так и в отношении учебно-боевой подготовки... Занимаемой должности соответствует. Наморси Р. Муклевич»⁹.

Отметим, что Я.И. Озолин находил время и для работы в выборных органах советской власти и партийных организаций. В 1927—1930 гг. он являлся членом Далькрайисполкома, кандидатом (с 1927 г.) и членом (с 1928 по 1930 г.) Далькрайкома ВКП(б), членом Хабаровского краевого Совета (в 1929 г.). За активную работу на выборных постах 23 февраля 1928 года Я.И. Озолин был награждён револьвером от ЦК ВЛКСМ и золотыми часами от РВС СССР¹⁰.

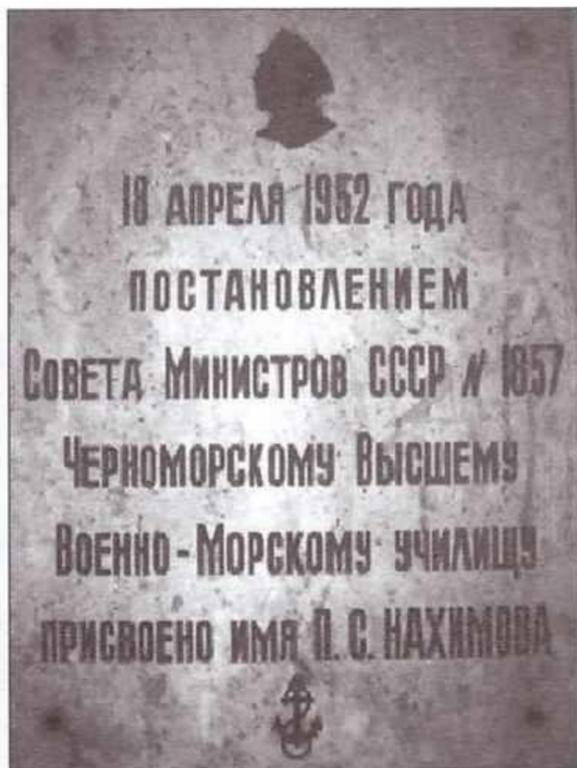
Но основным итогом его службы на Дальнем Востоке стало участие в ходе конфликта на КВЖД в разгроме белокитайской Сунгарийской флотилии. ДВФ, имея в своём составе 14 кораблей (мониторы, канонерские лодки и бронекатера), группу тральщиков, 14 самолётов и десантный батальон, успешно высадила несколько десантов, огнём своей артиллерии подавляла вражескую оборону и в конце концов разгромила белокитайскую Сунгарийскую флотилию.

Основные события развернулись в октябре и в начале декабря 1929 года.

В ночь на 12 октября 4 монитора и 2 канонерские лодки заняли огневые позиции в устье реки Сунгари. В 6 ч 10 мин первыми нанесли удар по Лахасусу бомбардировщики, через 2 минуты корабли открыли сильный артиллерийский огонь по береговым укреплениям и кораблям противника. Неприятельская

Я.И. Озолин

Памятная доска

флотилия, потеряв 5 кораблей, поспешно ушла вверх по Сунгари. Тральщики ДВФ протралили фарватер, по которому канонерские лодки и бронекатера прорвались на рейд Лахасусу и высадили десант. К 15 часам он овладел городом и крепостью, захватив богатые трофеи. Однако китайское командование, рассчитывая на реванш, не приняло советские предложения о переговорах и стало стягивать крупные силы в район города Фугдин — сильный укрепленный район на реке Сунгари. Здесь же находились остатки Сунгарийской флотилии. Реввоенсовет Особой Дальневосточной армии (ОДВА) поручил командующему ДВФ разгромить фугдинскую группировку противни-

ка. Для этой цели флотилии были оперативно подчинены 4-й Волочаевский и 5-й Амурский стрелковые полки и авиационная группа. К операции привлекались основные силы флотилии: 4 монитора, 4 канонерские лодки, минный заградитель, 2 тральщика, 3 бронекатера, 5 транспортов и 3 баржи с десантом.

30 октября корабли начали движение вверх по Сунгари. С рассветом 31 октября они подошли к Фугдину. Завязался упорный артиллерийский бой с береговыми батареями и кораблями противника. В это время тральщики протралили подходы к пунктам высадки. Около 11 ч минный заградитель «Сильный» первым начал высадку подразделений десанта. Действия десанта и

кораблей активно поддерживались авиацией. Всю ночь на 1 ноября шли уличные бои. Под утро окруженные части противника сдались. Остатки китайской флотилии были потоплены, китайские укрепления взорваны. 2 ноября корабли ДВФ с десантом покинули Фугдин.

События под Фугдином ускорили окончание конфликта. 22 декабря 1929 года в Хабаровске был подписан протокол о восстановлении законных прав Советского государства на КВЖД.

Отмечая вклад ДВФ в разгром противника, командующий ОДВА В.К. Блюхер отмечал: «В двадцать первом году Амурская флотилия находилась в жалком состоянии... Прошло несколько лет, и недавно флотилия показала, что она является одной из лучших флотилий в мире»¹¹.

Боевые успехи дальневосточников были по достоинству отмечены правительством. ОДВА и ДВФ были награждены орденами Красного Знамени, флотилия получила название Амурская Краснознаменная военная флотилия (АКВФ), 63 командира и краснофлотца также получили ордена Красного Знамени. 22 февраля 1930 года командующий АКВФ Я.И. Озолин был награжден вторым орденом Красного Знамени¹². Кроме того, все участники боёв получили специальный нагрудный памятный знак.

После завершения советско-китайского конфликта Я.И. Озолин, несмотря на уже немолодые годы, подаёт заявление о зачислении на Особый курс Военно-морской академии (ВМА)¹³. Его просьба удовлетворяется, и он снова два года «проводит за партией». По окончании ВМА и после непродолжительного отпуска 4 марта 1933 года Я.И. Озолин назначается заместителем начальника 2-го управления Управления ВМС РККА, занимавшегося организацией боевой подготовки во флотах и флотилиях страны.

31 июля 1935 года нарком обороны К.Е. Ворошилов утверждает новую структуру Управления Морских сил РККА, в которое входят 1-е (боевой подготовки) и 2-е (организационно-мобилизационное) управления, а также восемь отделов. Я.И. Озолин остаётся на прежней должности — заместителем начальника 1-го управления УВМС РККА¹⁴. 2 декабря 1935 года он получает звание флагмана 2 ранга¹⁵, а в апреле 1937 года назначается исполняющим должность

Командиры и начальники Управления ВМС РККА. Сидят в первом ряду слева направо: третий — Л.М. Галлер, четвёртый — В.М. Орлов, пятый — Я.И. Озолин, шестой — П.И. Смирнов-Светловский 1935 г.

помощника начальника недавно созданного штаба Морских сил РККА¹⁶.

Перед новым управленческим органом стояла задача обеспечить практическое освоение руководством и личным составом Военно-морских сил Временного боевого устава 1937 года (БУМС-37) и Временного наставления по боевому применению морской авиации. Однако ничего серьёзного, будучи в данной должности, Я.И. Озолин сделать не успел. В связи с начавшимися арестами крупных военачальников последовали непонятные перемещения по службе ряда лиц из числа высшего, старшего и среднего командно-начальствующего состава ВМС РККА. Я.И. Озолин неожиданно для себя получил должность начальника 2-го военно-морского училища в Севастополе (впоследствии Черноморское высшее военно-морское училище имени П.С. Нахимова)¹⁷. Правда, училище пока существовало только на бумаге. Якову Ивановичу в буквальном смысле слова пришлось всё начинать с нуля: на месте будущего военно-учебного заведения был пустырь. Строительство началось в июле 1937 года, одновременно шло комплектование училища преподавательским и курсантским составом. Благодаря этому уже в ноябре, пусть и в недостроенных помещениях, а то и вовсе на свежем воздухе, удалось начать занятия. Трудно сказать почему, но той же осенью Я.И. Озолина, несмотря на огромную занятость по основному месту службы, одновременно назначили и временно исполняющим должность начальника Военно-морского артиллерийского училища (ВМАУ), также находившегося в Севастополе¹⁸. Его начальник полковник С.М. Райцин был арестован, и, видимо, в Севастополе не нашлось тогда подходящей кандидатуры, кроме Озолина, для замещения вакантной должности.

Надо сказать, что совмещение двух идентичных должностей далось Я.И. Озолину непросто. Он буквально разрывался между двумя военно-учебными заведениями, но уследить за всем было невозможно. И беда не заставила себя ждать. Какого рода была эта беда, можно судить по приказу военного совета Черноморского флота № 065 от 27 сентября 1937 года «Об острых желудочно-кишечных заболеваниях в ВМАУ», которым Я.И.

Озолину «за преступно-небрежное отношение к вопросам питания личного состава» было «поставлено на вид». Приказ подписали командующий флотом флагман 1 ранга П.И. Смирнов-Светловский, член военного совета ЧФ дивизионный комиссар С.И. Земсков и начальник штаба ЧФ флагман 2 ранга И.С. Юмашев¹⁹.

Мягкости наказания, на первый взгляд, остаётся только удивляться, учитывая то время, когда любому происшествию придавалась политическая окраска. И действительно, дальнейшие события показали, что Я.И. Озолину не простили ничего. На этот раз поводом для преследования послужил А.И. Зельтинг, старый товарищ Я.И. Озолина, которого он принял преподавателем. Капитан 1 ранга А.И. Зельтинг, служивший в МСДВ командиром 4-й морской бригады, попал в поле зрения НКВД, когда на Дальнем Востоке развернулись политические репрессии, но успел перевестись в Севастополь. Однако сотрудники Особого отдела Черноморского флота нашли его и здесь: А.И. Зельтинг, прослужив в Севастополе всего 2 месяца, был арестован в ночь с 10 на 11 декабря 1937 года и уже утром исключён из партии²⁰.

Естественно, Я.И. Озолин тяжело переживал случившееся. На это обратил внимание военный комиссар училища А.Г. Зубков и, как тогда водилось, сообщил о своих подозрениях в «компетентные органы»²¹. Реакция не заставила себя ждать. Особый отдел ЧФ начал расследование. Правда, Яков Иванович ещё успел получить юбилейную медаль «XX лет РККА», которой отмечались заслуги первостроителей Красной армии и Красного флота, но 13 марта 1938 года приказом НК ВМФ № 0187 он был уволен из рядов ВМФ, а на следующий день арестован как «враг народа»²².

Следствие по делу бывшего начальника 2-го ВМУ флагмана 2 ранга Я.И. Озолина длилось 4 месяца. Следователям с помощью мер физического и морального воздействия удалось вынудить Якова Ивановича к самооговору.

27 сентября 1938 года состоялось заседание Военной коллегии Верховного суда СССР, которая приговорила Я.И. Озолина к высшей мере наказания — расстрелу. Сведений о дате приведения приговора в исполнение не обнаружено, как и о его реабилитации. Но он считается реабилитированным²³.

Знак участника конфликта на КВЖД

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. Р-2192. Оп. 2. Д. 2863. Л. 1, 15.

² Там же. Л. 2, 3.

³ Она получила также название Всероссийский съезд военного флота, проходил 18—25 ноября (1—8 декабря) 1917 г. Присутствовали 190 делегатов. Съезд осудил деятельность Центробалта, для управления флотом создал Верховную морскую коллегию, был упразднён Военно-морской ревком.

⁴ Доценко В.Д. Словарь биографический морской. СПб., 2001. С. 285.

⁵ РГА ВМФ. Ф. 446. Д. 6. Л. 8.

⁶ Там же. Ф. Р-2192. Оп. 2. Д. 2863. Л. 5.

⁷ Военно-морской энциклопедический словарь / Под ред. В.И. Куроедова. М.: Воениздат, 2003. С. 553.

⁸ Доценко В.Д. Указ. соч. С. 285.

⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-2192. Оп. 2. Д. 2863. Л. 24.

¹⁰ Там же. Л. 9.

¹¹ Багров В.Н., Сунгоркин Н.Ф. Краснознаменная Амурская флотилия. М., 1976. С. 106, 107.

¹² Краснознаменный Тихоокеанский флот. М., 1981. С. 109.

¹³ РГА ВМФ. Ф. Р-2192. Оп. 2. Д. 2864. Л. 7.

¹⁴ Там же. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 368. Л. 2.

¹⁵ Красная Звезда. 1935. 2 декабря.

¹⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-2192. Оп. 2. Д. 2864. Л. 9.

¹⁷ Там же. Л. 11.

¹⁸ Там же. Ф. 1414. Оп. 2. Д. 12. Л. 11.

¹⁹ Там же. Ф. Р-2192. Оп. 2. Д. 2863. Л. 13.

²⁰ Как стало известно совсем недавно, после ареста А.И. Зельтинг около полугодя находился под следствием. 27 июня 1938 г. он умер в тюрьме г. Севастополя, по сведениям НКВД, «от дизентерии». См.: Мильбах В.С. Политические репрессии командно-начальствующего состава. Тихоокеанский флот. 1937—1938 гг. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2011. С. 40.

²¹ РГА ВМФ. Ф. 2192. Оп. 2. Д. 2864. Л. 12.

²² Сувениров О.Ф. Трагедия РККА 1937—1938. М., 1998. С. 393.

²³ Военно-морской энциклопедический словарь. С. 553. ■

А.В. ПЕТРОЧИНИН,
В.С. УХАРОВАA.V. PETROCHININ,
V.S. UKHAROVA

«МОРСКОЙ ШТАБ НАХОДИТ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ДУРОВА ВЕСЬМА ПОЛЕЗНЫМ...»

Военные эксперименты великого дрессировщика
в период Первой мировой войны

«NAVAL STAFF CONSIDERS DUROV'S PROPOSAL TO BE VERY USEFUL...»

Military experiments of the great animal trainer during World War I

Сведения об авторах. Петровичин Андрей Васильевич — ведущий научный редактор «Военно-исторического журнала» (Москва. E-mail: avpetr-10@mail.ru);

Ухарова Вера Сергеевна — хранитель архива музея ГБУК г. Москвы «Театр "Уголок дедушки Дурова"» (Москва. E-mail: v.uharova@uddmos.ru).

Аннотация. В статье на основе ранее не публиковавшихся документов, хранящихся в архиве музея театра «Уголок дедушки Дурова», описываются уникальные опыты знаменитого русского дрессировщика, проводившиеся с морскими животными по заданию российского военно-морского ведомства в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война; В.Л. Дуров; дрессировка животных в военных целях; морские животные; Морское министерство; генерал И.И. Мрозовский.

Information about authors. Andrey Petrochinin — Leading Scientific Editor of "Military Historical Journal" (Moscow. E-mail: avpetr-10@mail.ru);

Vera Ukharova — Museum Archivist of the Moscow SBEC "Durov's theatre" (Moscow. E-mail: v.uharova@uddmos.ru).

Summary. The article, based on previously unpublished documents kept in the archives of the "Durov" theatre's museum, describes unique experiments by the famous Russian trainer, conducted with marine animals according to the instructions of the Russian Naval Ministry during the First World War.

Keywords: First World War; V.L. Durov; training of animals for military purposes; marine animals; Naval Ministry; General I.I. Mrozovsky.

Использование дрессированных морских животных в военных целях получило широкое распространение с середины прошлого столетия, особенно в американской армии. По распоряжению высшего военного командования США для их подготовки были построены сразу несколько баз в Тихом и Атлантическом океанах, сформированы пять подразделений боевых дельфинов и морских львов. Животные использовались для обнаружения и маркирования якорных мин, поиска донных мин и потерянных торпед, быстрого нахождения безопасных коридоров для высадки десанта, охраны объектов от диверсантов, поиска испытательных устройств, запущенных с кораблей или самолётов. По обыкновению, заокеанские специалисты приписывают себе авторство методик по работе с морскими млекопитающими. Однако это не соответствует историческим реалиям. Первые подобные эксперименты были проведены ещё в дореволюционной России, и их истинный автор — великий отечественный дрессировщик В.Л. Дуров. В 1916 году он разработал первую научно-практическую методику дрессуры «ластоногих» в интересах военного флота России и составил её подробное описание. Часть этих документов с первой эмигрантской волной была вывезена в США и использовалась американскими учёными при проведении дальнейших экспериментов.

ВЛАДИМИР Леонидович Дуров (1863—1934 гг.) происходил из старинного дворянского рода, первое упоминание о котором относится к XV веку. На протяжении более пяти столетий представители этой славной династии достойно служили своему Отечеству, за военную доблесть были многократно жалованы царскими милостями: титулами, орденами,

грамотами и поместьями. Прах более пятнадцати представителей рода Дуровых покоится в Троице-Сергиевой лавре.

Неудивительно, что оставшийся на пятом году жизни круглым сиротой Володя Дуров, как и его брат Анатолий, были по достижении отроческого возраста помещены своим крёстным отцом, присяжным стряпчим Захаровым, в военную гимназию. «Учился маленький

Володя Дуров хорошо, но живая подвижная натура не выносила суровой военной дисциплины, и гимназия ему пришлась не по сердцу, — писал биограф знаменитого дрессировщика А. Алтаев. — Дома он убежал от уроков и скучных наставлений опекунов, требовавших от него благонравия, и целые сутки проводил среди прислуги, принимая живейшее участие в её горестях и радостях»¹.

Новое увлечение цирковой акробатикой и неуправляемый характер вконец погубили гимназическую карьеру 13-летнего подростка. Совет педагогов исключил Дурова «за дерзкое поведение во время экзамена закона божьего в присутствии царских портретов».

Дядюшка попытался устроить строптивного мальчика в Дворянский пансион Крестовоздвиженского. Но Володя со своим младшим братом Анатолием сбежал оттуда в Тверь, в балаган фокусника Ринальдо. Испытывая нужду и голод, они были вынуждены вернуться в Москву и вынести жестокую порку. Затем снова сбежали и снова возвращались в дом своего опекуна. «Юного Дурова тянуло в балаган; он тяготился однообразной школьной жизнью, тянуло его к бродяжничеству, к приключениям, — писал А. Алтаев. — Возможно, что эта ненависть к мирной жизни была у него наследственной: когда-то, в 1812 году, его бабка, Надежда Андреевна Дурова [так в тексте. — Прим. авт.]*, бежала из дома отца на войну, скрывала свой пол военным мундиром и получила чин и отличие за храбрость, как офицер Александров»².

Наконец в жизни мальчика появился достойный и понимающий пылкую юношескую натуру педагог Д.И. Тихомиров, пансион которого Володя успешно окончил, выдержав экзамен на городского учителя, и был назначен в училище на Покровку. Но тотчас отказался от места и теперь уже навсегда посвятил себя цирковому искусству и работе с животными.

За долгие годы практической деятельности этот талантливый самоучка стал не только любимцем российской публики, но и авторитетным специалистом в области зоопсихологии, обще-

ние с которым считали за честь многие видные отечественные и зарубежные учёные. Недаром среди друзей и постоянных гостей дрессировщика наряду с мэтрами российской культуры А.П. Чеховым, А.И. Куприным, Ф.И. Шаляпиным, В.И. Качаловым были светила отечественной науки — основатель рефлексологии В.М. Бехтерев и биофизик А.Л. Чижевский. Венцом научной деятельности В.Л. Дурова стал фундаментальный трактат по зоопсихологии и дрессировке животных, который и по сей день является настольной книгой большинства профильных специалистов с мировыми именами**.

В 1908 году для проведения своих экспериментальных исследований Владимир Леонидович приобрёл отдельный особняк в центре Москвы, на Старой Божедомке, где сегодня располагаются театр зверей и музей его имени. Именно в этом здании были впервые сформулированы и апробированы дуровские методики гуманного использования животных в военных целях.

Представители высшего армейского командования обратили внимание на таланты известного дрессировщика ещё задолго до начала империалистических войн начала XX века. Одной из таких знаковых встреч предшествовала весьма трагикомичная ситуация. Дело происходило в 1890 году в Одессе. Вот как описывал этот эпизод В.Л. Дуров в своих воспоминаниях:

«Градоначальник Одессы адмирал Зелёный... глумился, где только мог, над евреями... Он до того ненавидел евреев, что когда ему раз пожаловались на одного из них и тот оказался невиноват, адмирал крикнул:

— Так запишите его в книгу воров!

Конечно, на самом деле такой книги вовсе не существовало.

Адмирал Зелёный держал город в вечном страхе арестов и высылки. При встрече с ним все должны были вставать и снимать шляпы. Столкнувшись раз с гимназистом, грозный адмирал закричал на него:

— Шапку долой!

А так как гимназист растерялся, Зелёный сбил с него фуражку и надрал уши.

** Дуров В.Л. Дрессировка животных. Психологические наблюдения над животными, дрессированными по моему методу (40-летний опыт). Новое в зоопсихологии. М.: Универсальное изд-во, 1924. 529 с., ил.

В.Л. Дуров

После этого директор гимназии просил Зелёного приехать в учреждение, чтобы ученики знали его в лицо и при встрече знали бы, перед кем снимать фуражку. Все эти возмутительные истории заставили меня обратить внимание на всесильного диктатора Одессы и бороться с ним посредством сатиры»³.

Последовавшая резкая цирковая реприза Дурова не осталась незамеченной градоначальником.

«И вот вдруг градоначальник, не предупреждая, приехал в цирк посмотреть на «этого нахала»... Первое отделение уже началось, цирк был переполнен. Я сидел за столиком в буфете, спиной к входной двери. И в это время раздался шум, и в буфет вошёл Зелёный в сопровождении полиции. Все, находящиеся в буфете, встали из-за своих столиков: один только я сидел неподвижно и продолжал курить. Зелёный грозно мне крикнул:

— Встать!

Я сделал вид, что ничего не слышу...

— Встать! — ещё громче закричал Зелёный.

Здание «Уголка В.Л. Дурова» на Старой Божедомке

* Дальняя родственница В.Л. Дурова — Надежда Андреевна Дурова, первая в России женщина-офицер («кавалерист-девица»), писательница. Дочь гусарского ротмистра, воспитывалась денщиком-гусаром. В 1806 г., переодевшись в мужское платье и выдав себя за помещичьего сына Александра Васильевича Дурова, бежала с проходившим через Сарапул казачьим полком в Гродно, где поступила в Конно-Польский уланский полк. В 1807 г. участвовала в войне с Францией, за храбрость произведена Александром I в офицеры под именем Александра Андреевича Александрова; служила в Мариупольском гусарском, а с 1811 г. в Литовском уланском полках. Участвовала в Отечественной войне 1812 г. (контужена в Бородинском сражении) и кампаниях 1813—1814 гг. Была ординарцем у М.И. Кутузова. В 1816 г. в чине штаб-ротмистра уволена в отставку.

В.Л. Дуров проводит опыт по зоопсихологии (справа налево: В.Л. Дуров, академик А.В. Леонтович, проф. Г.А. Кожевников и Б.В. Кажинский)

Тогда я, повернув к нему своё лицо, спокойно и вежливо ответил:

— Я не имею чести вас знать.

— Встать! — опять закричал Зелёный и раздражённо крикнул своим приближённым:

— Скажите же этому олуху, что я Зелёный.

На это я отвечал резко и чётко:

— А, Зелёный! Ну, когда ты дозреешь, тогда я и буду с тобой разговаривать»⁴.

Слух о такой наглости лицедея быстро разнёсся по городу, и история получила неожиданное продолжение.

«На следующий день к цирку подъехал роскошный экипаж. Князь Святополк-Мирский, командующий войсками Одесского округа, сам явился в кассу покупать себе ложу и пожелал видеть меня. За мной послали. Первые слова князя Святополка-Мирского были:

— Вы у нас в России считаетесь самым лучшим дрессировщиком животных. Между прочим, у нас из-за границы есть запрос о дрессировке собак для военных целей. На самом же деле у нас, к несчастью, это дело обстоит слабо. Вы можете нам помочь. И я надеюсь воспользоваться вашим талантом. Мы выберем для вас в ученики более развитых и грамотных нижних чинов. Приезжайте ко мне, — пожимая мне руку, добавил князь, — мы об этом подробно поговорим»⁵.

Несмотря на внимание, проявленное к персоне дрессировщика командующим войсками округа, Дуров был выслан из Одессы административным порядком. Предложение князя Святополка-Мирского осталось лишь благим пожеланием. Обвинения циркача-острослова в политической неблагонадёжности со стороны местных

властей перевесили мнение здравомыслящих военных. «Король шутов, но не шут королей!» — говорил о себе Владимир Дуров.

Только спустя два с лишним десятилетия, с началом Первой мировой войны, царские военные сановники вновь заинтересовались исследованиями уже масти того дрессировщика и зоопсихолога. К тому времени и сам В.Л. Дуров, глубоко возмущённый зверствами германских подводников, безжалостно топивших мирные пассажирские и торговые суда, пришёл к мысли предложить свои услуги сражавшейся армии.

Владимир Леонидович писал в своих воспоминаниях:

«Империалистическая война, эта всемирная бойня, не прошла и мимо меня, перевернула уклад моей жизни, она потрясла давно установившиеся понятия и заставила принять почти активное участие в ней меня, который всю жизнь пропагандировал общечеловеческую взаимную любовь, меня, всегда приводившего в пример своих зверьков, живущих дружно вместе: волка — с козлом, кошку — с крысой, лисицу — с петухом и орлом и т.д.

Я только что вернулся из плена в Германии, где застала меня война, и первое время бросался в больницы, лазареты, казармы с пропагандой всеобщей любви. Развлекая и забавляя, я говорил людям о бессмысленности самоистребления...

Мысль моя шла дальше: каждый гражданин обязан в этот трагический момент все свои способности применить на изыскание средств к прекращению бойни. Вот я — артист; одна часть моего искусства — дрессировка животных, — почему бы мне не исполь-

зовать на такое дело мою специальность.

И я решил, что должен применить особо дрессированных животных к войне. Я начал действовать и изобрёл способ посредством ластоногих срезать мины, взрывать подводные лодки и т.д...

Германия сильна своим подводным флотом. Германское правительство награждает и поощряет за каждое потопленное судно, будь оно даже плавучим лазаретом.

Какое животное могло бы идти на борьбу с подобными разбойниками? Понятно — водный хищник ластоногий.

Морские львы прекрасно плавают и прекрасно видят даже в мутной воде. В море они — цари. Посредством повадки-приманки можно очень скоро заставить животное производить много различных нужных движений.

Морские львы по складу ума ближе всего подходят к человеку и имеют одну общую особенность и способность — внимательно следить за малейшим движением и мимикой сообщавшегося с ним человека и понимать его желание и даже душевные переживания.

Благодаря этой способности и особенности морского льва легче и скорее выдрессировать, чем какое-либо другое животное.

Если бы великий Эдиссон знал о моём способе дрессировки, то давно бы уже применил к механизму ещё и живую силу или, наоборот, в живой силе свои вспомогательные механизмы»⁶.

Прибыв в Москву, Дуров немедленно взялся за дело. Прежде всего он за собственный счёт более чем вдвое увеличил штат своих помощников. Теперь на Божедомке, кроме самого дрессировщика, трудились ещё 13 специалистов по морской фауне. Далее были проведены работы по обустройству в подвале особняка глубоководного бассейна с имитацией минных заграждений. Дрессировщик по собственным чертежам изготовил несколько уникальных приспособлений, при помощи которых его морские подопечные могли преодолевать подводные препятствия, срезать мины, поднимать со дна манекены, преследовать имитаторы подводных лодок, намагничивая на их корпуса макеты взрывных устройств. После чего начались упорные каждодневные тренировки.

Вновь обратимся к воспоминаниям В.Л. Дурова, датированным 1916 годом.

«Вот я отрезаю несколько аршин от пожарного рукава, сшивая крепкую гурту и надеваю её на моего морского льва Лео. Большое железное кольцо на спине и застёжки с помощью стальных карабинов довершают незатейливую сбрую.

Лео с гуртой беспокойно бросается в воду. Он трётся об стенки аквариума, быстро плавая и ныряя в бассейне; он, видимо, старается сбросить непривычное одеяние, но тщетно: вымокший рукав ещё плотнее облекает его гибкое, скользкое тело.

Мало-помалу Лео свыкается с гуртой. Я его оставляю в ней ночевать. На другой день он как бы не чувствует сбруи. Теперь дальше гораздо сложнее, я надеваю на голову Лео протез и прикрепляю его к гурте.

Лео сначала чувствует себя неважно и машет головой, стараясь сбросить незнакомое, мешающее ему постороннее тело. Но постепенно, мало-помалу, он свыкается, видя бесполезность сопротивления. Брошенная мною рыбка подхватывается на лету.

Лео уже забыл о протезе. Сетка позволяет льву взять в зубы рыбу, но проглотить её он не может. Тут начинается борьба с неподвижным неудобством. Лео болтает рыбу во все стороны, подкидывает её в воздух и вновь ловит, но проглотить не может. Сетка делает своё дело. Лев растрепал на мелкие кусочки рыбу, но в рот ничего не получает. Лео перестал пробовать проглотить её и держал в недоумении во рту.

Но вот моё слово, ему знакомое «апорт», и он подносит ко мне рыбу.

Быстро беру у него изо рта рыбу, ещё быстрее открываю протез с сеткой, кладу прямо в пасть Лео рыбу и тотчас же закрываю протез. Лео доволен — в высшей степени доволен и я. Следующую брошенную рыбу он моментально преподносит мне и ждёт, когда я открою протез и дам ему проглотить.

Так побеждено мною пространство. Оно для нас с Лео не существует. Лео без меня питаться не может.

Это была первая моя победа в области применения дрессированных животных на пользу человеку. Это был первый шаг к изобретению»⁷.

А вот как описывал дуровский метод военной дрессировки современный исследователь В.Т. Пономарёв:

«Из отрезка брезентового пожарного шланга Дуров сшил широкий пояс-сумку, который наполнял песком, потом обвязывал его вокруг туловища Лео, чтобы груз равномерно распределялся по бокам животного. К поясу прикрепил макет автоматических ножниц для перерезания минрепов.

Чтобы обучить Лео перерезать минные тросы, дрессировщик всякий раз применял испытанный способ дрессировки — поощрение. Дуров спускал в воду рядом с шарообразной «миной» привязанную к палке награду — рыбу. Лишь только Лео касался «ножницами» минрепа, сразу получал лакомство. Если необходимого касания не происходило, палка поднималась наверх. Лео оказался умницей и стал вскоре быстро делать то, что от него требовалось.

Завершив эту операцию, Дуров начал разрабатывать конструкцию ножниц. Механические, наподобие кровельных, не годились, поскольку необходимо было, чтобы ножницы сами, автоматически захватив минреп, здесь же его перерезали. Дурову удалось соорудить пневматические крючкообразные ножницы. Этот инструмент пересекал стальной трос.

Потом Дуров научил Лео мгновенно нырять на дно за брошенной туда человекообразной куклой. Лео понял: поднимешь куклу — получишь награду, не удалось — нет и премиального вознаграждения!

Вскоре Дуров научил Лео бросаться вслед за движущимся макетом подводной лодки. Укреплённая на теле морского льва магнитная «мина» с часовым механизмом миглом прилипла к корпусу макета. Дрессировщик усложнил эксперимент — он снабдил макет пузырьком с соляром. Лео уверенно находил макет по запаху соляра, просачивавшегося через отверстие в пробке пузырька. Лео всегда настигал макет субмарины и оставлял на ней «магнитку»⁸.

За относительно короткий период В.Л. Дурову удалось подготовить двадцать «ластоногих бойцов», способных принести ощутимую пользу русскому военному флоту при обезвреживании мин, спасении тонущих моряков и при атаках на вражеские субмарины. Изобретение требовало

Генерал от артиллерии
И.И. Мрозовский

немедленной апробации уже в естественных условиях, а для этого было необходимо получить соответствующее распоряжение высоких армейских чинов. Но как добиться у них аудиенции в тяжёлый военный период при колоссальной занятости всех высших штабистов? Согласно воспоминаниям Владимира Леонидовича помог «его величество случай».

«В один вечер приехала к нам в гости жена покойного председателя Государственной Думы М.Н. Муромцева. Она сумела проникнуть в святая святых, в мою лабораторию, увидела мои работы и сейчас же принялась хлопотать, чтобы провести моё изобретение в жизнь.

На следующий день она привезла ко мне командующего войсками Московского округа генерала Мразовского [Так в тексте. Правильно И.И. Мрозовский. — Прим. авт.].

Суровый генерал сначала недоверчиво отнёсся к моим изобретениям, но чем больше он наблюдал и вникал, тем сильнее разгорался в нём интерес, и он провёл в моей лаборатории около пяти часов, а уезжая, захватил с собою написанный мною на машинке мой труд с рисунками и чертежами.

Через несколько дней я узнал, что Мразовский послал мой труд и письмо в Петроград к военному министру Беляеву и ответа ещё не получил. Я вооружился терпением. Проходит ещё две недели. Командующий посылает нарочного за ответом, причём добавляет в своём письме к министру, какое громадное значение имеет для войны моё изобретение — применение живой силы в военном деле, и подробно описал, как

В. Л. ДУРОВ

О СИЛЬНЫХ
МИРА ТОГО

Автобиографическое издание
В.Л. Дурова
1925 г.

видел у меня дрессировку морских львов»⁹.

По версии В.Т. Пономарёва, Дуров сам записался на приём к влиятельному военному сановнику.

«Знаменитого циркового артиста генерал Мрозовский принял любезно и со вниманием выслушал. Во время разговора генерал многозначительно поддакивал, кивал головой в знак полного согласия. Однако прятал в своих пышных усах ироническую усмешку: «Тоже аника-воин выискался, — думал генерал. — Занимался бы лучше своим циркачеством... Тюлени на войне, надо же подобное замыслить!».

— Ваш проект, господин Дуров, — сказал командующий, — замечателен! Чтобы оценить его по достоинству, необходимо знать мнение специалистов. Будьте добры, срочным порядком изложите на бумаге всё, что вы мне сейчас рассказали. Строго секретно. Доклад ваш мы сами распечатываем на «Ундервуде»¹⁰.

Так или иначе, командующий войсками Московского военного округа генерал от артиллерии Иосиф Иванович Мрозовский¹¹ (участник Китайского похода, Русско-японской войны, командир гренадерского корпуса в первые месяцы Первой мировой войны) дал путёвку в жизнь изобретённому В.Л. Дуровым методу применения морских животных в военных целях. Завязалась активная переписка дрессировщика с военным

ведомством; на Черноморском флоте была подготовлена база для начала практических экспериментов с ластиногими. Сохранившиеся в музее театра «Уголок дедушки Дурова» архивные документы позволяют проследить хронологию последующих событий***.

Докладная записка Командующему войсками Московского военного округа генералу Мрозовскому от потомственного дворянина Владимира Леонидовича Дурова (представлена 26 января 1917 г.).

«Желая быть полезным своей родине, применив свои познания по дрессировке животных для обороны Государства, имею честь представить на усмотрение Вашего Превосходительства следующий проект:

1/ ЛАСТОНОГИЕ. /морские тюлени, львы и проч./

а/ Вывод из строя неприятельских судов.

б/ Срезывание морских мин на мертвых якорях.

в/ Спасение утопающих при гибели судна.

2/ СОБАКИ.

а/ Уничтожение проволочных заграждений.

б/ Подвозка снарядов и пищи.

Примечание. Число ластиногих и собак может быть представлено в неограниченном количестве Правительством мне, а также и число необходимых мне, хорошо грамотных людей для моей «школы».

Мой дом имеет возможность поместить — ластиногих до 50 штук, собак 50, и людей 80.

Помещение, так как оно есть, стоит мне пятнадцать тысяч рублей в год, без содержания животных.

Сколько потребуется затрат для расширения помещения для 50 ластиногих, 50 собак и 80 человек, это мною может быть указано, если мой проект будет принят.

Сценическая моя деятельность дает мне ежегодно приблизительно около ста двадцати тысяч рублей.

Содержание названного числа людей и животных и всех необходимых приобретений для школы, а также и все расходы, связанные с изысканиями способов, вышеупомянутых мною, — определяется на практике.

*** Орфография и пунктуация оригиналов сохранены.

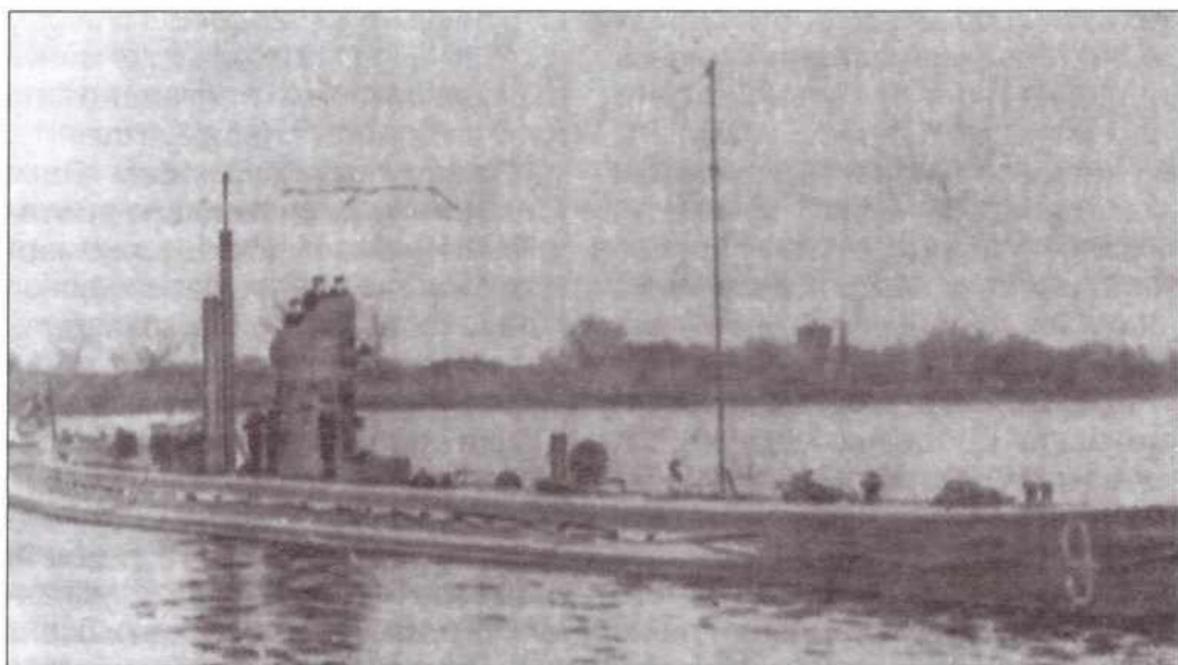
Если мой проект будет принят, то более подробные и точные сведения по вопросам, мною изложенным, могу представить Военному Министерству лично, а также, если потребуется, и мой научный труд, находящийся у Вашего Высочайшего Превосходительства»¹².

Два никак не связанных между собой события февраля 1917 года едва не поставили окончательный крест на уникальном эксперименте.

Оборонные разработки во все времена были объектом пристального внимания иностранных разведок. В годы Первой мировой войны кайзеровские агенты всеми силами старались получить доступ к русским военным секретам. Поэтому вопрос конфиденциальности новых оборонных исследований ставился особенно остро. В своих мемуарах В.Л. Дуров подчёркивал: «Отдав всё своё время секретной дрессировке, я никого не впускал в мою лабораторию, кроме служащих». Тем не менее информация об эксперименте просочилась в стан противника. В узкий круг специалистов, участвовавших в тренировках животных, удалось проникнуть германскому шпиону. По версии В.Т. Пономарёва, не подтверждённой другими историками и биографами, им был гамбургский зоолог Гагенбек. Якобы именно он инициировал отравление всех подготовленных Дуровым ластиногих рыбой, начинённой цианистым калием.

Как пишет исследователь, «розыски через полицию не дали никаких результатов. Расследование, которое предпринял сам Дуров, ничего существенного не дало. Рыботорговец, уже многие годы поставлявший рыбу для дуровских питомцев, подтвердил, что самолично сдал плотву и треску «служителю от Гагенбека». Вместе с этим «служителем» исчезли схемы, чертежи, макеты, образцы ножиц, записи всех экспериментов...»¹³.

Февральская революция нанесла ещё один удар по начинаниям В.Л. Дурова. Как с горечью писал дрессировщик: «Началось массовое бегство сановников. Я вспомнил о генерале Мрозовском и тотчас же поехал справиться об его участии и об участии моего изобретения. Узнаю, что командующий войсками со всем своим штабом засел в городском манеже и, окружённый восставшими войсками, не сдаётся, ожидая

Германская керосин-электрическая подводная лодка U-9

Сборка морских мин периода Первой мировой войны

распоряжения из Петрограда. В конце концов он принужден был сдаться. Я его потерял из вида... Что касается моих документов, то с ними связаны тесно революционные события. В дни восстания в Петрограде к министру Беляеву явились революционеры. Беляев успел сжечь у себя в камине то, что не хотел показывать, и в том числе мои труды с планами и чертежами»¹⁴.

Однако и после этих февральских событий эксперимент продолжился уже на черноморской военно-морской базе, после того, как В.Л. Дуров вновь обратился с письмом к военному командованию.

«Докладная записка Дворянина Владимира Леонидовича Дурова.

Любя свою родину и сознавая, что на обязанности каждого гражданина лежит нравственный долг чем либо быть ей полезным, я, посвятивши многие годы изучению

души животных, имею смелость думать, что мог бы оказать по моей специальности существенную пользу.

Долголетняя практика изысканий и наблюдений в области зоопсихологии даёт мне некоторое основание предложить свои услуги.

Стремясь оказать посильную помощь в войне союзных народов против бесправия центральных держав, я имею честь представить на благоусмотрение и заключение мой настоящий труд.

При сем считаю необходимым для некоторого уяснения моих способов обучения животных приложить часть элементарного курса дрессировки, ряд лекций по зоопсихологии и схемы изобретённых мною некоторых механических приспособлений.

Программа доклада:

1/ Ознакомление с моей деятельностью по изучению души животных.

2/ Значение зоопсихологии.

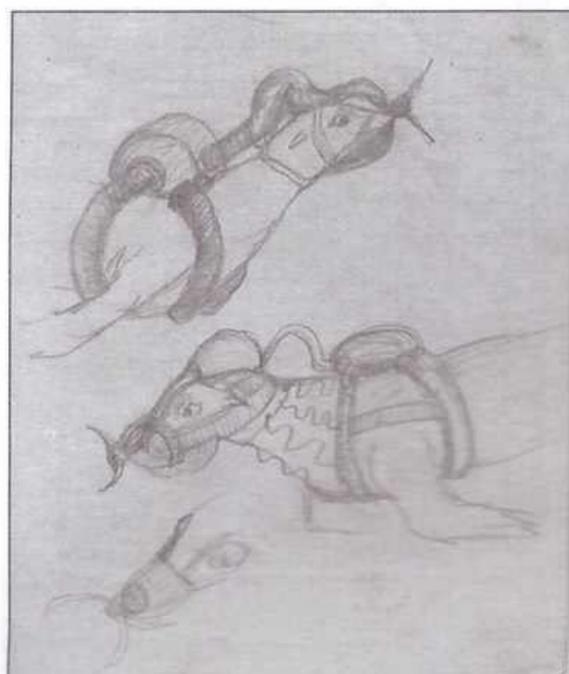
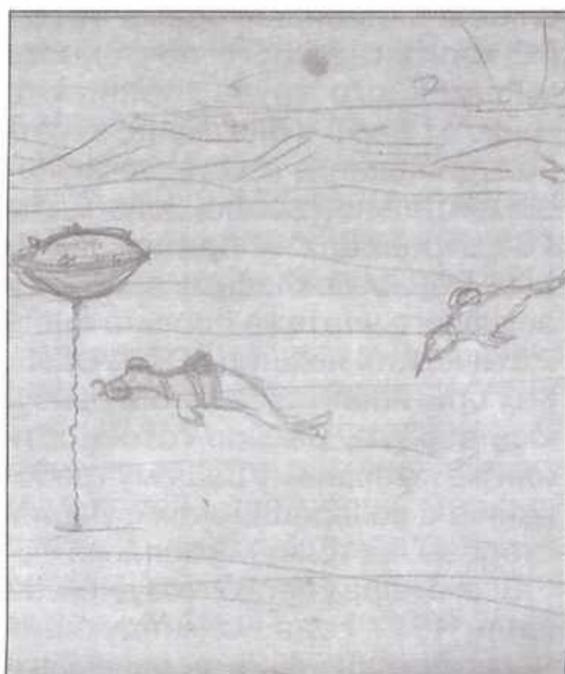
3/ Применение дрессированных животных в современной войне»¹⁵.

3 июля 1917 года состоялось заседание Минной комиссии Черноморского флота, по итогам которого был составлен протокол № 27 под грифом «В.СЕКРЕТНО».

«Минная комиссия Черноморского флота при участии представителей от Подводного плавания и минной части Учебного отряда Чёрного моря, 3 сего июля в Морском собрании, выслушав сообщение Владимира Леонидовича Дурова по экспериментальной зоопсихологии и доклад его о различных способах применения дрессировки животных для военных целей, а в частности применения индивидуальных способностей тюленей и морских львов для военно-морских целей, как то: траления мин заграждения и взрывания неприятельских кораблей, пришла к заключению, что:

1/ Идея, предложенная В.Л. Дуровым, заслуживает большо-

Эскизы приспособлений для тренировок морских животных из личных записных книжек В.Л. Дурова

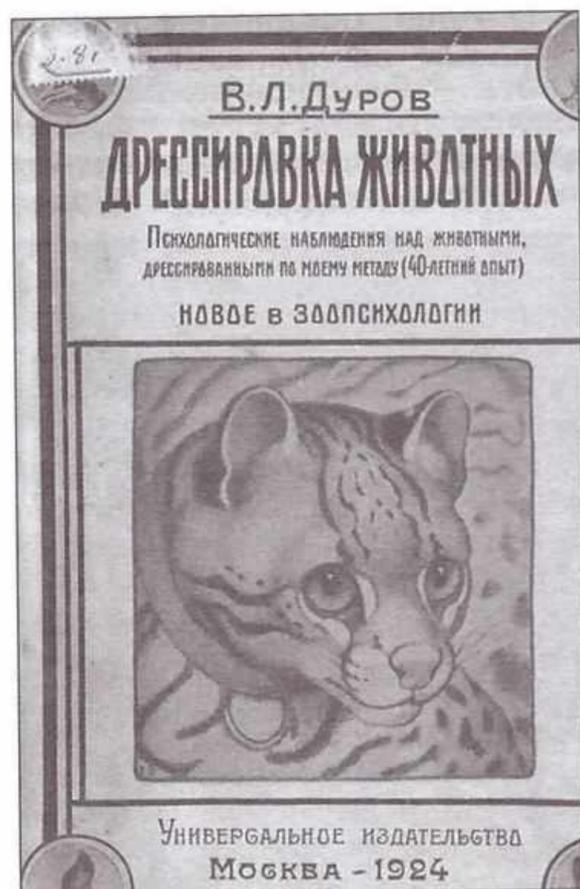

В.Л. Дуров с морским львом

го внимания, очень заманчива и в случае осуществления принесет огромную пользу в военноморском деле.

2/ Не имея однако достаточно данных для суждения о возможности осуществления этой цели, принимая во внимание, что все эксперименты в этом направлении, на которых основывается В.Л. Дуров, производились в пределах бассейна, а комиссия не видела даже и этих опытов, комиссия считает необходимым, чтобы эти опыты были произведены срочно в условиях действительной обстановки, причём необходимо обратить особое внимание на способы, заставляющие тюленей держать направление на заданную цель с

Фундаментальный труд Дурова по дрессировке животных

помощью средств, соответствующих боевым условиям плавания, и на гарантии безопасности своих судов и сооружений. Опыты желательно поставить в широком масштабе, соблюдая секретность их, чтобы можно было бы в случае хороших результатов сразу иметь партию обученных тюленей для боевого дела.

3/ Ввиду того, что В.Л. Дуровым не было представлено образцового прибора для срезания минрепов, приспособления для взрывания судов и вообще необходимого вооружения тюленей, а был продемонстрирован лишь незаконченный эскизный чертеж пневматических ножниц, по которому нельзя даже сделать заключения о безусловной их применимости на практике, необходимо предварительно разработать эти приборы в деталях, построить образцы и испытать, в чем комиссия берется помочь В.Л. Дурову, усматривая важное значение данного вопроса и признавая выполнимость с технической точки зрения сконструирования подобных приборов»¹⁶.

Протокол подписали председатель и члены Минной комиссии Черноморского флота, а также представители подводного плавания и учебного отряда.

В тот же день В.Л. Дуров передал в распоряжение флотского командования все созданные им за последние месяцы титанического труда разработки по военной тематике. Об этом свидетельствует полученная дрессировщиком 4 июля расписка главного минёра Черноморского флота за № 27868:

«Считаюсь с серьёзностью затронутого Вами вопроса по использованию животных для боевых целей и желая оказать Вам посильную пользу, обязуюсь, сохраняя полную секретность, снять в ближайшее время ЧЕТЫРЕ копии с Вашего почтенного письменного труда, принятого мною от Вас 3 июля в виде печатной на машинке лекции по экспериментальной зоопсихологии на 184 страницах — приложением двух Ваших докладных записок и эскизного чертежа проекта пневматических ножниц «ОТКУСКИ». Как оригинал, так и копии обязуюсь вернуть Вам по готовности или же по первому Вашему требованию с возвращением с Вашей стороны настоящей расписки»¹⁷.

Всего через несколько дней, 13 июля 1917 года, командующий Черноморским флотом обращает-

ся с письмом № 2058 под грифом «В.СЕКРЕТНО» к Морскому министру, в котором настаивает на продолжении эксперимента.

«Представляя при сем Вам, Господин Министр, копию протокола Минной комиссии Черноморского флота от 3-го сего июля за № 27, ходатайствую об оказании содействия и предоставлении необходимых средств В.Л. Дурову для возможности выполнения им опытов в широком размере по применению дрессированных тюленей для боевых целей, признавая этот вопрос заслуживающим большого внимания и очень важным в военно-морском деле.

Полагаю очень важным в данном вопросе сохранить секретность»¹⁸.

Письмо также подписали начальник штаба и главный минёр Черноморского флота.

Следует отметить, что все свои исследования в интересах обороны страны В.Л. Дуров проводил на собственные скопленные от артистической деятельности средства. Забросив более чем на полтора года свою сценическую практику, дрессировщик попал в достаточно затруднительное финансовое положение. Необходимо было не только содержать дом и семью, но и выплачивать денежное содержание служащим, а также обеспечивать кормом многочисленных питомцев уникального звериного театра. Тем не менее Владимир Леонидович продолжал заниматься «оборонным проектом», восстанавливая по крупицам всю утраченную в феврале 1917 года документацию. В своей последней докладной записке, адресованной Морскому генеральному штабу, датированной 9 августа 1917 года, он подтверждает готовность и дальше служить на благо воюющего Отечества, а также обращает внимание флотского руководства на необходимые условия для продолжения военного эксперимента.

«Предлагая Морскому министерству моё изобретение, применение морских животных для военно-морских целей, я руководствовался исключительно патриотическим побуждением принести пользу родине в той области, которую занимался всю жизнь и которую знаю лучше чем кто-либо.

Меня воодушевляла идея и истребления неприятельских судов и минных заграждений во время войны, и очистка от них морей по окончании ея. При широко поставленной организации одно спасение

судов от набросанных во время войны мин сохранит для судоходства сотни миллионов рублей.

Начав разработку моего изобретения и опыты с имевшимися у меня морскими львами, я потратил на это около года, бросив профессиональную работу. Создав элементарный курс дрессировки, я старался объяснить в нем все то, чего удалось мне добиться на практике, передавая в нем же все свои изобретения и секреты. Подготавливая специально для морской войны имеющихся у меня морских львов, я добился поразительных результатов, но чьей-то злоумышленной рукой они все были один за другим отравлены, что подтверждено медицинским вскрытием. Бывший командующий войсками Московского округа генерал Мразовский, заинтересовавшись моими трудами и опытами, переслал их бывшему Военному министру генералу Беляеву, который, однако, все уничтожил в дни революции. Пришлось восстанавливать с самого начала чертежи, схемы, лекции, убивая на это массу времени. Я терял на это время и заработок, проживая личные средства. Посвящать дальнейшее время на это я не имею возможности. Я должен зарабатывать на содержание свое, своего семейства, штата служащих на прокормление моих животных, которых у меня большое количество, начиная с крыс и кончая слоном, свободных же средств на это я не имею. Вот почему заняться постановкою дела дрессировки морских львов и тюленей для вышеуказанных целей я могу только при следующих условиях:

1/ Морское министерство дает мне возможность организовать по моему плану на средства казны все предприятие.

2/ Морское министерство возмещает мне мой приблизительный валовой годовой доход в 120.000 рублей, из которого мне приходится содержать моих животных и служащих и заработать который я буду лишен возможности, отдавая все свое время на дело обороны родины.

3/ Со своей стороны, я обязуюсь приложить все усилия провести означенные работы в возможно кратчайший срок отнюдь не более года.

Министерство может разделить вышеуказанные 120.000 р. По 10.000 рублей ежемесячно.

Ввиду громадной важности и срочности дела, с чем полагаю

согласится и Морской генеральный штаб, необходимо приступить к нему немедленно, а именно:

1. Послать агентов приискать нужное количество тюленей и морских львов,

2. отвести место для пункта дрессировки, желательно Бухта Балакв [возможно — Балаклава. — Прим. авт.] как самая удобная для опытов и приспособить её по моему плану,

3. устроить по моему указанию необходимое [количество] приспособленных мастерских,

4. откомандировать для слушания лекций около 150 человек для подготовки их к обязанностям пугальщиков и приручителей, а также наделение их особой формой по моему проекту.

Для первоначальных расходов по приобретению и перевозке тюленей и первых приспособления, считая мой месячный оклад, необходимо 50.000 рублей»¹⁹.

В военно-морском ведомстве с крайним вниманием отнеслись к полученному документу. Практически незамедлительно была дана команда на Северный флот о поимке нескольких морских млекопитающих и предоставлении ластоногих В.Л. Дурову для их последующей дрессировки. Об этом, в частности, свидетельствует ответная телеграмма начальника Службы связи Белого моря капитана 2 ранга Алеамбарова от 12 августа 1917 г. № 9764 начальнику Морского генерального штаба:

«[В] Соловецком живых не держат, поймать в течении месяца могут пять штук, как их держать живыми не знают. Сладе берется достать желаемое число только весной. Запросил факториста Мурманского берега; ответ донесу дополнительно».

«Справка — дополнительно сообщения о сем от Кап. 2-го ранга Алеамбарова до сего времени не было»²⁰.

Наконец 20 августа 1917 года в письме Морского генерального штаба № 375 сообщается о полной поддержке дальнейших исследований знаменитого дрессировщика:

«Морской генеральный штаб рассмотрел предложение г-на ДУРОВА о дрессировке им морских животных: морских львов и тюленей, для целей морской войны и находит это предложение весьма интересным, осуществимым и полезным, вследствие чего в случае осуществления г-ном

Дуровым его проекта Штаб мог бы оказать все возможное содействие при организации дела.

Начальник штаба, контр-адмирал

Начальник тактического отделения, капитан 2-го ранга»²¹.

Однако последующие октябрьские события окончательно похоронили первый в истории масштабный проект использования морских животных в военных целях. Практически вся научно-методическая документация вместе с результатами экспериментов были вывезены за рубеж. В последующем новаторские идеи В.Л. Дурова скопировали западные учёные и воплотили их на практике уже в иностранных армиях.

Несмотря на исторические перипетии, научное наследие великого дрессировщика не кануло в Лету, а явилось стартовой площадкой для дальнейших исследований отечественных зоопсихологов в интересах обороны страны. А новые поколения славного рода Дуровых, достойно пронёсшего через столетия свой фамильный девиз «Служение Отечеству», сумели донести память о своём знаменитом предке до наших дней. «Уголок дедушки Дурова» является сегодня одним из самых посещаемых культурно-просветительных центров столицы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дуров В.Л. О сильных мира того. М.: Мосполиграф, 1925. С. 3.

² Там же. С. 4, 5.

³ Там же. С. 35, 36.

⁴ Там же. С. 37.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 60, 61.

⁷ Там же. С. 61, 62.

⁸ Пономарёв В.Т. Боевые животные: Секретное оружие всех времен и народов. Донецк: Кредо, 2006. С. 44.

⁹ Дуров В.Л. Указ. соч. С. 62.

¹⁰ Пономарёв В.Т. Указ. соч.

¹¹ Во время Февральской революции, 1 марта 1917 г., посажен под домашний арест, а 10 марта уволен со службы по болезни «с мундиром и пенсией». После Октябрьской революции эмигрировал во Францию.

¹² Архив музея театра «Уголок дедушки Дурова» (АМ УДД). Ф. 1. Оп. 1. Л. 1, 2.

¹³ Пономарёв В.Т. Указ. соч. С. 45.

¹⁴ Дуров В.Л. Указ. соч. С. 62.

¹⁵ АМ УДД. Ф. 1. Оп. 1. Л. 3.

¹⁶ Там же. Л. 4, 5.

¹⁷ Там же. Л. 6.

¹⁸ Там же. Л. 7.

¹⁹ Там же. Л. 10—12.

²⁰ Там же. Л. 8.

²¹ Там же. Л. 9.

«10 ПРОБОИН ИЗ 10 ВОЗМОЖНЫХ ЗА 57 СЕКУНД...»

Подготовка женщин — командиров стрелковых подразделений
в годы Великой Отечественной войны

"10 HOLES OUT OF 10 POSSIBLE ONES IN 57 SECONDS..."

Training of women commanders of rifle divisions during the Great Patriotic War

Сведения об авторе. Шайкин Владимир Иванович — старший научный сотрудник Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища, полковник запаса, кандидат военных наук, доцент, профессор Академии военных наук (г. Рязань. E-mail: shaikin1@rambler.ru).

Аннотация. В статье на основе ранее не публиковавшихся архивных документов рассматриваются особенности подготовки командиров из числа женщин и девушек в Рязанском пехотном училище им. Ворошилова в период Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Рязанское пехотное училище; подготовка командиров стрелковых подразделений; женщины-офицеры.

Information about author. Vladimir Shaykin — Senior Researcher at the Ryazan Higher Airborne Command School, Colonel (res.), Cand. Sc. (Mil.), Associate Professor, Professor of the Academy of Military Sciences (Ryazan. E-mail: shaikin1@rambler.ru).

Summary. The article, based on previously unpublished archival documents, considers the features of training commanders from among women and girls in the Ryazan Infantry School named after Voroshilov during the Great Patriotic War.

Keywords: Great Patriotic War; Ryazan Infantry School; training commanders of rifle subdivisions; female officers.

СНАЧАЛОМ Великой Отечественной войны в Красную армию были мобилизованы десятки тысяч советских женщин. Большинство из них принимали непосредственное участие в боевых действиях или находились на линии фронта, выполняя задачи по обеспечению действующей армии. Среди основных освоенных представительницами слабого пола воинских специальностей были военная медицина, связь, топография, противовоздушная оборона. Многие женщины наравне с мужчинами служили в пехоте,

танковых частях, артиллерии, авиационных эскадрильях, были отличными снайперами, высококлассными шофёрами, отважными разведчицами. Всё это требовало особой подготовки, и с учётом большого количества потерь среди личного состава в первые месяцы войны перед военно-учебными заведениями страны была поставлена задача: в короткие сроки пополнить армию хорошо обученным подкреплением.

Осенью 1942 года Рязанское пехотное училище имени К.Е. Ворошилова (РПУ) получило зада-

ние подготовить из среды добровольцев — советских девушек 1500 офицеров и младших командиров, способных выполнять боевые и оперативные задания в действующих и тыловых частях армии. Срок начала занятий — 15 ноября 1942 года¹. Девушки из Москвы, Ленинграда, Горького, Иванова, Ярославля, Кирова, Рязани, из далёких городов Сибири и Урала, других регионов Советского Союза собрались в училище, чтобы научиться военному мастерству².

В докладной записке секретарю ЦК ВЛКСМ тов. Михайлову

Занятия 3-го взвода 8-й роты 2-го батальона

Сельцы, июнь 1943 г.

Занятия по рукопашному бою с женским взводом пулемётной роты

Занятия по тактике с подразделением курсантов-девушек

Младший командный состав
12-й роты

Утренняя физическая зарядка

Курсанты-девушки со своим
командиром
Зима 1943 г.

отмечалось: «Специальное задание по подготовке командиров для КА из числа женщин и девушек, в основном членов ВЛКСМ. В конце ноября — начале декабря 1942 г. набрано 3 батальона и с 14.12.42 г. приступили к плановым занятиям. Всего было набрано 1505 чел. Были проведены 3-х недельные сборы с лучшими (280 человек). Из них 270 были присвоены звания от ефрейтора до старшего сержанта...»³.

Большая часть курсантов РПУ проходила учёбу по программе подготовки пехотных командиров. Только за 1943 год училище выпустило 1388 женщин — командиров миномётных, разведывательных, пулемётных и других стрелковых подразделений. 704 воспитанницы Рязанского пехотного училища имени К.Е. Ворошилова получили офицерские назначения. Из них 382 девушки — командирами пулемётных и 302 — миномётных подразделений действующей армии.

Об успехах курсантов-девушек училища свидетельствуют оценки по контрольным испытаниям, проведённым в октябре 1943 года с личным составом трёх батальонов, в одном из которых учились мужчины. Результаты проверки удивили многих: успеваемость курсантов женских батальонов по большинству предметов по общим показателям превосходила успеваемость курсантов мужского батальона.

Так, например, в досрочном выпуске в апреле 1943 года из 30 выпускниц все получили оценки «отлично», всем присвоено воинское звание лейтенанта (стрелки — 12; пулемётчики — 6; миномётчики — 12)⁴.

В двух июльских выпусках 1943 года был 281 человек, из них оценки «отлично» получил 241 курсант и 40 человек — «хоро-

шо». Присвоены воинские звания лейтенанта — 264 человека, младшего лейтенанта — 17 человек. Подготовлено по специальности: стрелков — 193, пулемётчиков — 47, миномётчиков — 41.

Показателен пример распределения курсантов-женщин в одном из июльских выпусков 1943 года:

- адъютант — 4 человека;
- помощник начальника батальона — 8 человек;
- командир стрелковой роты — 26 человек;
- командир разведывательной роты — 1 человек;
- командир пулемётной роты — 10 человек;
- командир миномётной роты — 6 человек;
- командир снайперской роты — 1 человек;
- командир роты автоматчиков — 8 человек;
- командир роты ПТР — 7 человек;
- командир стрелкового взвода — 93 человека;

— командир пулемётного взвода — 26 человек;

— командир миномётного взвода — 12 человек;

— командир взвода ПТР — 17 человек;

— командир взвода автоматчиков — 24 человека;

— командир взвода разведки — 4 человека;

— командир взвода снайперов — 2 человека⁵.

22 октября 1943 года выпущены 8 человек, все 8 с оценкой «отлично» и со званием младшего лейтенанта (стрелки — 4, пулемётчики — 2, миномётчики — 2)⁶.

Самый большой выпуск офицеров-женщин был произведён 29 декабря 1943 года — 1069 человек. Всем было присвоено звание младшего лейтенанта. Получили оценки: «отлично» — 850 человек, «хорошо» — 216 человек, «средственно» — 3 человека. Из выпуска стрелки — 494, пулемётчики — 326, миномётчики — 249 человек⁷.

Многие из выпускниц училища были направлены в военкоматы

Младший лейтенант
Г.А. Королевич

В.Д. Томилина

для подготовки допризывников к отправке на фронт. В их обязанности входило не только обучение молодёжи армейским навыкам, но и проверка военной подготовки в школах, работа с военруками, выполнение особых заданий по выявлению дезертиров. Кроме того, они являлись членами комиссий по переосвидетельствованию военнослужащих и отправке их в действующую армию. По воспоминаниям выпускницы РПУ младшего лейтенанта Г.А. Королевич, направленной для прохождения дальнейшей службы в Звенигородский военкомат, его сотрудницам приходилось сопровождать на фронт воинские эшелоны.

В политических донесениях командования училища военной поры есть множество сообщений, посвящённых боевому мастерству девушек-курсантов. В одном из них приводились результаты соревнований по огневой подготовке: «Разборка винтовки с завязанными глазами; разборка пулемета Максим; стрельба на точность и скорость (например, курсант Ганзина: 10 пробоин из 10 возможных за 57 секунд)...»⁸.

В адрес командования РПУ поступало немало писем, характеризовавших боевую выучку подготовленных в его стенах женщин-офицеров. Вот что писал командир части № 07158 Гулиницкий: «Ваши молодые командиры показывают образцы дисциплинированности, требовательны к себе и подчиненным. Мы просим Вас больше готовить таких воспитанников. Их мы будем принимать с радостью и благодарностью».

Командир другой части, Бештоков, сообщал: «С первых дней воспитанники вашего училища показали большую аккуратность к военной службе, желание и стремление к дальнейшему овладению военным делом. Они стали отличными командирами миномётных подразделений»⁹.

10 февраля 1944 года согласно решению президиума Союза польских патриотов в СССР в стенах Рязанского пехотного училища был произведён выпуск подхорунжих, окончивших Польское офицерское отделение. Из

354 выпускников — 51 женщина¹⁰.

Особую ценность как для историков, так и для всего нашего поколения представляют воспоминания участниц тех событий. Как девушки попадали в Рязанское военное училище, как складывалась их дальнейшая судьба, можно проследить по воспоминаниям Беллы Цукерман¹¹:

«Меня вызвали в ЦК комсомола и дали направление в Рязанское пехотное училище. Я мечтала стать связисткой, медсестрой, но не в пехоту же! «Хотите положить комсомольский билет на стол?» Я не хотела — и оказалась в Рязани.

Всем доводилось читать о славных лётчицах, воевавших не хуже мужчин, а о женщинах, мевших наравне с ними грязь в пехоте, мне что-то после войны ничего не встречалось.

И в Рязанском училище появились два женских батальона — миномётный и пулемётный. Романтика Анки-пулемётчицы дала себя знать, и я выбрала пулемётный. Двухгодичные курсы мы прошли за 11 месяцев. Дрессировали нас без всяких скидок на женские особенности: форсированные 20-километровые ночные марши с пулемётом, ствол которого весит 10 килограммов, а станина с колёсами — 16. Всё это на себе плюс шинель в скатку и прочие причиндалы.

А тогда нас направили в резервную женскую бригаду под Москвой. Встретили нас в штыки: одно дело подчиняться мужчинам, но совсем другое — своим ровесницам, а то и девчонкам помоложе. Словом, я снова писала одно заявление за другим и просилась в действующую армию. Получила назначение в обычный стрелковый полк — командиром пулемётного взвода. Тут и начались мои испытания — я оказалась одна среди 100—150 парней. Чтобы помыться, брала ведро воды, уходила за 2—3 километра в лес и быстро обливалась, озираясь по сторонам. К счастью, меня вскоре легко ранило...».

В послевоенные годы некоторые выпускницы училища навсегда связали с ним свою дальнейшую судьбу. В их числе — заведующая кафедрой высшей математики Вера Дмитри-

евна Томилина. В 1965 и 1969 гг. она, будучи ещё старшим преподавателем, признавалась лучшим педагогом прославленного рязанского военно-учебного заведения.

Бесценную историю военных выпусков РПУ помогает сохранить ещё одна его воспитанница Галина Александровна Королевич. С первых месяцев войны в течение полутора лет она работала на лесозаготовках в Алапаевском районе Свердловской области в целях обеспечения лесоматериалом Московской зоны обороны. В 18-летнем возрасте стала курсантом Рязанского пехотного училища, окончив которое в декабре 1943 года, надолго посвятила себя подготовке допризывной армейской молодёжи.

Долг мужчины — защищать свой дом, своих близких, свою Отчизну. Тем величественнее и значимее подвиг женщины, вставшей рядом с мужчиной в период военного лихолетья. Подвиг женщин-фронтовиков навсегда останется в памяти поколений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Директива начальника Главного упрформа от 4 ноября 1942 г. № Орг/2/788972 и оргмоботдела штаба МВО от 8 ноября 1942 г. №120038.

² Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 60066. Оп. 35132. Д. 1. Л. 2 об.

³ Там же. Д. 11. Л. 4.

⁴ Там же. Д. 1. Л. 9.

⁵ Там же. Оп. 35133. Д. 13. Л. 27.

⁶ Там же. Д. 1. Л. 9.

⁷ Там же. Л. 9 об.

⁸ Там же. Оп. 35132. Д. 26. Л. 90.

⁹ История Рязанского Краснознамённого высшего общевойскового командного училища (1918—1958 гг.). Рязань, 1958. С. 75, 76.

¹⁰ Приказ 1-го Польского АК № 5 от 8 февраля 1944 г. См.: ЦАМО РФ. Ф. 60066. Оп. 35132. Д. 1. Л. 10 об.

¹¹ Из досье газеты «Московские новости»: «Всё детство, до 11 лет, Белла Цукерман прожила в Америке, где её отец работал вице-президентом Амторга, акционерного общества по торговле между США и СССР. Позже отца отозвали и арестовали. После войны она окончила исторический факультет МГУ, но долгое время не могла устроиться по специальности. Почти 25 лет, с 1964 по 1990 год, работала в английской редакции «Московских новостей»». ■

С.А. КУСКОВ

S.A. KUSKOV

ЭВАКОГОСПИТАЛИ УРАЛА В 1945 ГОДУ

Участие в санитарном обеспечении Красной армии
в ходе Советско-японской войны

EVACUATION HOSPITALS URALS IN 1945

Participation in the sanitation of the Red Army during the Soviet-Japanese War

Сведения об авторе. Кусков Сергей Александрович — ведущий археограф Объединённого государственного архива Челябинской области, кандидат исторических наук (г. Челябинск. E-mail: kuskov_1981@mail.ru).

Аннотация. Статья посвящена малоизвестной странице истории деятельности эвакогоспиталей Урала в 1945 году по санитарному обеспечению войск Красной армии на Дальневосточном театре военных действий.

Ключевые слова: 1945 год; Советско-японская война; Великая Отечественная война; эвакогоспиталь; эвакуация больных и раненых воинов.

Information about author. Sergey Kuskov — Leading Archaeographer of the Joint State Archives of the Chelyabinsk Region, Cand. Sc. (Hist.) (the city of Chelyabinsk. E-mail: kuskov_1981@mail.ru).

Summary. The article is devoted to a little-known page of the history of the Urals evacuation hospitals in 1945 for sanitary maintenance of the Red Army in the Far Eastern theatre of military operations.

Keywords: 1945; Soviet-Japanese War; Great Patriotic War; evacuation hospital; evacuation of sick and wounded soldiers.

В ходе Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. и Советско-японской войны 1945 года активно использовались ресурсы Урала, в том числе система здравоохранения региона. Поэтому обращение к теме участия уральских эвакогоспиталей в обеспечении последней кампании Второй мировой войны позволяет не только лучше осознать многоаспектный характер мобилизации народных сил на отпор врагу, но и рассмотреть развитие госпитального здравоохранения региона в контексте других вооружённых конфликтов первой половины XX века.

СОБЫТИЯ Советско-японской войны, разгром Квантунской армии привлекают внимание исследователей, остаются предметом идейной борьбы. Хорошо изучены вопросы внешнеполитической и военной подготовки Дальневосточной кампании, организации манёвра подвижных соединений через пустыню Гоби и горы Большого Хингана, освобождения Сахалина и других операций. Имеются подробные обзоры участия военно-санитарной службы. Особое внимание уделено передовым санитарным частям. Участие же госпиталей Урала в лечении раненых, эвакуированных с Дальнего Востока, в них не рассматривалось¹.

На региональном уровне тема участия госпиталей Урала в санитарном обеспечении Красной армии в Советско-японской войне ранее не поднималась, так как исследование истории деятельности военного здравоохранения в регионе оказалось замкнутым в хронологических границах

Великой Отечественной войны. Быстрое свёртывание госпитальной сети в 1944—1945 гг. и ограниченность доступных источников вынуждали историков сосредоточить основное внимание на ранних этапах развития системы военного здравоохранения, то есть на 1941—1943 гг. Таким образом, большая часть исследований по

истории эвакогоспиталей страдает неоднородной глубиной разработки темы. Формальное ограничение верхней границы исследования апрелем—маем 1945 года также далеко не всегда оправданно, поскольку региональные госпитальные системы имели разные сроки расформирования. Например, сеть эвакогоспиталей

Переход советских войск через Хинган

Художник Ф. Усыпенко

на Урале была ликвидирована в апреле 1946 года².

Зимой 1944—1945 гг. развитие военно-санитарной службы Красной армии по-прежнему определялось условиями и задачами борьбы с фашистской Германией. Изменение характера боевых действий на завершающем этапе Великой Отечественной войны, насыщенность позиций противника огневыми средствами, нарастание ожесточённости боёв способствовали росту степени тяжести ранений, которые, как правило, имели комплексный характер. Увеличивались сроки реабилитации раненых, росла среди них доля тяжёлых поражений, что накладывало новые требования к работе эвакуогоспиталей глубокого тыла. Коменданты военных гарнизонов всё чаще отказывались от направления больных тыловых частей и подразделений в эвакуогоспитали и переадресовывали санитарные «летучки» на гарнизонные госпитали. Главные силы

военно-санитарной службы в этот период были выдвинуты к фронту. В ближнем армейском и фронтовом тылу размещалось более половины госпитальных коек³.

Если военно-промышленное, транспортное значение Урала в 1944—1945 гг. продолжало нарастать, то госпитальная система региона резко сократилась и была переориентирована на лечение тяжелораненых и инвалидов. В 1944 году проводилась передислокация как отдельных госпиталей на территорию Украинской и Белорусской ССР, Смоленской, Ростовской, Брянской, Воронежской, Курской, Белгородской, Калининской областей РСФСР, так и целыми кустами. Например, в сентябре 1944 года в результате передислокации Челябинского эвакуопункта № 98 и его госпиталей была воссоздана сеть эвакуогоспиталей в Белоруссии. К ноябрю 1944 года госпитальная сеть на территории Уральского военного округа стабилизирова-

лась на уровне 33 865 штатных коек (в 92 госпиталях).

После окончания боевых действий в Европе процесс свёртывания госпитальной сети в регионе активизировался. За август—декабрь 1945 года произошло сокращение госпитальной сети более чем в четыре раза. Значит, ликвидация госпитальной сети на Урале шла рука об руку с подготовкой кампании на Дальнем Востоке, а массового заполнения госпиталей ранеными, эвакуированными с Дальневосточного театра военных действий, не планировалось. Тем не менее эвакуогоспитали Курганской, Свердловской, Молотовской (Пермской со 2 октября 1957 г. — Прим. авт.), Челябинской областей сохраняли избыточную коечную мощность, которая использовалась далеко не полностью. Показатель заполняемости коек снижался на протяжении почти всего 1945 года. Минимума он достиг в августе, когда в эвакуогоспиталях пустовало 40 проц. коечного фонда.

Наиболее стабильной была госпитальная сеть в Свердловской области, так как отдел эвакуогоспиталей Свердловского облздравотдела противодействовал передислокации военных лечебных учреждений. В этом он получил полную поддержку в лице начальника Главного военно-санитарного управления РККА Ефима Ивановича Смирнова, а также Алексея Николаевича Косыгина (председатель СНК РСФСР)⁴.

В 1945 году сохранялась прежняя система управления эвакуогоспиталями на Урале. Оперативное руководство госпитальными гарнизонами осуществлялось местными эвакуационными пунктами (МЭП) № 44 (Молотовская, Кировская области и Удмуртия), № 91 (Свердловская, Челябинская, Курганская области, Тюменское Зауралье). В ноябре 1945 года МЭП № 44 был ликвидирован, а его подведомственная сеть передана МЭП № 91. Таким образом, Свердловский эвакуопункт управлял всеми эвакуогоспиталями Уральского военного округа. Эвакуопункты являлись территориальными подразделениями Главного военно-санитарного управления РККА, осуществляли сбор и обобщение медицинской статистики, дирижировали процессом распределения, сортировки, реэвакуации раненых, обеспечивали методи-

Таблица 1

Сокращение сети эвакуогоспиталей на Урале (Свердловская, Молотовская, Челябинская, Курганская обл., Удмуртская АССР) в 1945 — начале 1946 г.

Месяц	Число эвакуогоспиталей	Коек по штату	Число раненых и больных
1945 г.			
Январь	92	33 865	30 474
Февраль	92	33 865	25 420
Март	92	33 865	29 446
Апрель	91	33 065	35 654
Май	90	32 865	30 707
Июнь	88	32 165	29 411
Июль	89	32 165	21 971
Август	83	30 665	17 766
Сентябрь	49	17 675	12 623
Октябрь	28*	11 940*	8093*
Ноябрь	25*	9650*	10 881*
Декабрь	21*	7200*	5787*
1946 г.			
Январь	20*	7400*	4995*
Февраль	11*	3800*	3176*
Март	10*	3550*	3124*

* В таблицу не включены данные об эвакуогоспиталях Удмуртии. С октября 1945 г. эвакуогоспитали Удмуртии 1124, 1352, 3671, 3672, 3673, 3674, 3776, 3777, 3888, 3862, 5122, 5333 были переподчинены МЭП № 48 (г. Казань). См.: Урал ковал Победу. Сборник-справочник. Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 1993. С. 373—376.

Составлена по фондам Архива военно-медицинских документов МО РФ.

ческую, научную, воспитательную работу в госпитальных коллективах.

Сокращение числа госпиталей на Урале и окончание боевых действий весной 1945 года не отменяли задачу медицинской реабилитации оставшихся раненых. В этот период эвакогоспитали Урала всё чаще использовали физиотерапию, механотерапию, лечебное питание, переливание крови в качестве средства медицинской реабилитации тяжёлых комплексных поражений и заболеваний. Особый приоритет в освоении физиотерапевтических, курортных и иных лечебных средств восстановления физических и духовных сил раненых имелся у работников эвакогоспиталей ВЦСПС, то есть на базе действовавших в мирное время профсоюзных санаториев и домов отдыха. Количество проведённых операций на протяжении 1944—1945 гг. в абсолютных показателях быстро сокращалось, но доля прооперированных пациентов оставалась стабильной и даже росла.

В госпиталях работали наиболее опытные врачи и медицинские сёстры. К 1945 году весь старший и средний медицинский персонал повысил квалификацию не только за счёт многочисленных курсов «без отрыва от производства», но и благодаря продолжительной работе с военными травмами, освоению хирургической специализации.

Со второго полугодия 1944 года на Урале под руководством лучших врачей развернулся процесс внедрения достижений медицинской науки и техники, ранее апробированных в госпиталях, в систему гражданского здравоохранения. В промышленно развитом, индустриальном районе, каким являлся Урал, особо востребованными были наработки в сфере травматологии, неврологической и психиатрической реабилитации боевых травм, гигиенических мероприятий, внедрения противошоковых и противовоспалительных препаратов, использования климатических, температурных, радиационного факторов влияния на раневой процесс. Особое внимание учёные уделяли поиску заменителей остродефицитных медицинских препаратов и вспомогательных материалов, а также разработке новых методик лечения, которые могли быть использованы как в

госпиталях инвалидов, так и в основной гражданской медицинской сети, особенно в направлении восстановительной хирургии⁵.

Сотрудники госпиталей оставались частью своего народа, и радовались вместе со всеми победе в Великой Отечественной войне. Госпитальные коллективы с надеждой ожидали демобилизацию и увольнение. Готовились продолжить учёбу, устроить личную жизнь, вернуться на работу в гражданские учреждения.

К 1945 году почти все госпитали располагали современными средствами диагностики: рентгеновским оборудованием, лабораториями. Проблема износа материально-технической базы эвакогоспиталей в 1945 году была менее острой, чем в предыдущий период. Дело в том, что в условиях сокращения коечной мощности имелась возможность высвободить в первую очередь наиболее ветхие здания, медицинское и техническое оборудование.

Материально-бытовое обслуживание раненых по сравнению с начальным периодом Великой Отечественной войны улучшилось во многом благодаря некоторому оживлению сельскохозяйственного производства, в том числе в подсобных хозяйствах госпиталей. Руководство уральских госпиталей имело многолетний административный и технический опыт организации заготовки и завоза топлива, продовольствия, проведения ремонтов хозяйственным способом. Особенностью 1945 года стало прекращение поступления марли в качестве перевязочного средства. Но уральские медики уже научились её экономить и использовать повторно.

Помимо госпиталей НКО, Наркомздрава, ВЦСПС на Урале действовали госпитали НКВД, предназначенные для лечения больных и раненых военнопленных. В госпиталях НКВД (в документах они фигурировали под названием «спецгоспитали») лечились военнослужащие Германии, Италии и их сателлитов. Возможно, из соображений гуманности раненых военнослужащих японской армии направляли в более южные районы страны⁶.

При планировании кампании на Дальнем Востоке Главное военно-санитарное управление РККА и Генштаб опирались на опыт санитарного обеспечения предыдущих военных кампаний, в том числе на территории освобождённых госу-

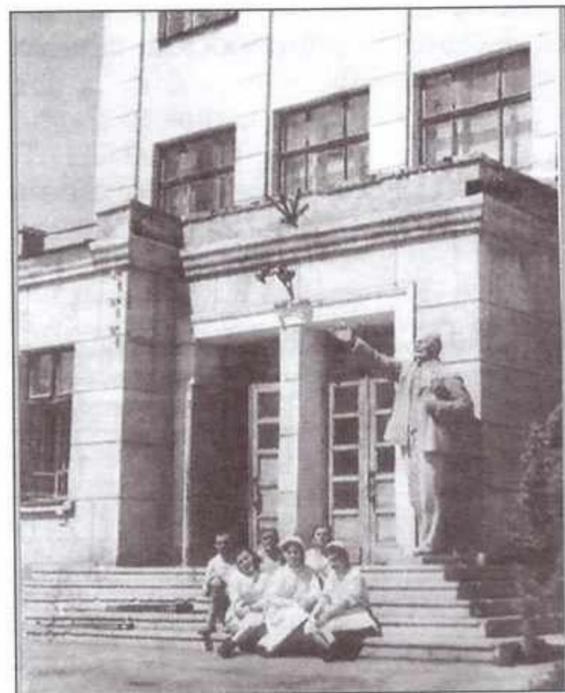

Оформление наглядной агитации перед началом наступления

дарств Восточной Европы. Также ГВСУ исходило из возможности тяжёлых боёв на каком-то этапе операции, а также климатических особенностей театра боевых действий, учитывались и эпидемические риски. В практическом плане эти опасения нашли выражение в максимальной концентрации военно-медицинских учреждений во фронтовом оперативном тылу⁷. Накануне Советско-японской войны во фронтовом тылу сосредоточили более 200 тыс. госпитальных коек. Основное внимание уделялось развёртыванию подвижных полевых госпиталей и их техническому обеспечению⁸.

Уже в 1943 году в Восточной Сибири сеть эвакогоспиталей

Эвакогоспиталь № 1722, работал в Челябинске на протяжении 1945 г.

Первая полоса газеты «Челябинский рабочий» от 3 сентября 1945 г., посвящённая победе над Японией

Памятник «Поклон тебе, сестричка»
Скульптор А. Л. Тишин
г. Челябинск

была почти полностью свёрнута. Поэтому в ходе подготовки военной операции по разгрому Квантунской армии на территории Приморья, Хабаровского края, Читинской, Амурской, Иркутской областей, Бурятии вновь были развернуты эвакогоспитали. Летом 1945 года имевшиеся на Востоке СССР силы позволяли обеспечивать эвакуацию больших масс больных и раненых в глубь страны. Таким образом, на Дальнем Востоке была сформирована особая госпитальная группировка. Приём раненых с Дальнего Востока в госпитальных гарнизонах Урала не планировался. Об этом свидетельствует ускоренное сокращение сети госпиталей, к тому же наполненных тяжелоранеными бойцами со сроками реабилитации более года. В случае особенно тяжёлых потерь имелась возможность переброски раненых

в западные районы страны. Вероятно, по этой причине расформирование военно-санитарных поездов, приписанных к уральским областям, было задержано до осени—зимы 1945 года и завершено только в первом полугодии 1946 года. В ходе боевых действий в Северном Китае и в Корее войска понесли минимальные потери. Всего в операции были задействованы 1670 тыс. бойцов и командиров, из них 12 тыс. убиты, санитарные потери составили 24 425 человек. Предполагалось, что раненых и больных будет более 50 тыс. Значительная часть военно-санитарных учреждений и командированных на Дальний Восток врачей встретила окончание войны в дороге к фронту. В новых условиях было целесообразно сократить фронтальную госпитальную базу, а раненых направить в

эвакогоспитали глубокого тыла, в том числе и на Урал⁹. Во втором полугодии 1945 года руководство госпиталей Урала решало взаимоисключающие задачи: перепрофилирование и свёртывание коек, приём военно-санитарных поездов. В этот период раненых эвакуировали с западного и восточного направлений. За 1945 год были приняты и разгружены 47 военно-санитарных поездов. Только за 2-е полугодие 1945 года на Урал (Челябинская, Курганская, Свердловская, Молотовская области) прибыли 9729 раненых и больных. В сентябре 1945 года в Свердловск прибыл первый военно-санитарный поезд с Дальнего Востока. Всего в сентябре 1945 года в Свердловске разгрузились военно-санитарные поезда № 18, 19, 112. За октябрь и ноябрь — ещё четыре поезда. В итоге были

Таблица 2

Рост лечебной активности уральских эвакогоспиталей

Полугодие	Всего лечившихся	Физиотерапия		Всего операций	Переливаний крови
		Всего процедур	В т.ч. на одного лечившегося		
1-е полугодие 1944 г.	116 168	2 996 542	25,8	57 429	15 828
2-е полугодие 1944 г.	73 018	2 842 089	39,0	31 876	15 430
1-е полугодие 1945 г.	61 422	2 454 885	40,0	31 530	16 948
2-е полугодие 1945 г.	17 843	807 737	45,3	6893	1954

приняты 1772 раненых и больных, в том числе 418 человек с Дальнего Востока¹⁰.

Всего за 1945—1946 гг. на Урал с восточного направления прибыли 16 военно-санитарных поездов (в 1945 г. — 9, в 1946 г. — 7) с 3213 бойцами¹¹. В общей доле принятых на лечение в годы Второй мировой войны доля эвакуированных с Дальнего Востока не превышала 1 проц. Но каждый седьмой боец, раненный или заболевший в ходе Советско-японской войны, лечился в эвакогоспиталях Урала (более 13 проц. всех заболевших и раненных в ходе кампании на Дальнем Востоке). Учитывая тот факт, что значительная часть раненых осела на ранних этапах эвакуации, а в тыл вывозились тяжелораненые, доля Урала среди эвакогоспиталей других регионов была значительнее.

Об особенностях медицинской реабилитации раненых, эвакуированных с Дальнего Востока, в архивных документах имеются только разрозненные сведения. В статистических отчётах тыловых госпитальных учреждений вычленение групп раненых, эвакуированных с одного направления, не производилось. В документах эвакопунктов и областных органов руководства здравоохранением такие сведения приводились крайне редко. Например, по данным Курганского областного отдела эвакогоспиталей, интенсивность диагностической и лечебной работы среди этой категории была значительно выше, чем в среднем по всем категориям лечившихся. Врачебные коллективы в связи с ликвидацией и переподчинением госпиталей со сравнительно невысокой концентрацией данной категории раненых не имели достаточно времени и возможности для обобщения лечебной работы среди раненых в ходе кампании на Дальнем Востоке. Мы можем предполагать, что характер поражений не отличался от наблюдавшихся в предыдущие годы на советско-германском фронте. Методики и сроки лечения раненых были утверждены Главным военно-санитарным управлением РККА в ходе Великой Отечественной войны. В апреле 1946 года все оставшиеся на Урале эвакогоспитали вместе с ранеными были реорганизованы в гарнизонные. Долечивание оставшихся больных и раненых было возложено на санитарный отдел Уральского военного округа.

В целом для эвакогоспиталей Урала Советско-японская война явилась продолжением Великой Отечественной войны, так как пришлось на заключительный этап развития госпитальной системы в регионе. В период подготовки и развёртывания операции по разгрому Квантунской армии в Северном Китае и в Корее стратегическое значение Уральского санитарного района сокращалось. К августу 1945 года госпитальная сеть Урала потеряла более половины коечной мощности, так как 50 госпиталей были расформированы или преобразованы в госпитали инвалидов. Когда обозначилось восточное направление санитарной эвакуации, процесс ликвидации госпитальной сети был замедлен. Участие эвакогоспиталей Урала в лечении раненых, эвакуированных с Дальнего Востока, оказалось значительным. Каждый седьмой раненый или больной боец лечился на Урале.

Опыт работы эвакогоспиталей региона в первой половине XX века показывает возрастание их роли в санитарном обеспечении войск. Прогресс транспорта, а также быстрый рост производительных сил на Урале привели к тому, что регион стал не только районом транзита раненых как с западного, так и с восточного стратегического направления, но и местом дислокации значительной госпитальной группировки. В отдельные периоды эвакогоспитали работали со значительным перегрузом. Задачи лечения и обслуживания раненых в эвакогоспиталях всегда решались путём привлечения ресурсов учреждений образования, гражданского здравоохранения, что обрекало местное население на немалые лишения. Обычные граждане принимали личное участие в обслуживании раненых. Санитарное обеспечение каждой военной кампании имело свою специфику. Летом 1945 года оно проходило на фоне перенапряжения социальной сферы, психологической ориентации населения к условиям мирного времени. Но в целом военные медики Урала справились со вновь поставленными им задачами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945: 6 т. Т. 6. Итоги Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1965. С. 246, 550.

² Радич А.М. Руководство партийных организаций Урала восстановлением здоровья раненых и больных воинов Советской Армии в годы Великой Отечественной войны: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1981; Выродов И.К., Дюкарева А.М., Мешалкин Г.Л. Организация лечения раненых и больных в эвакогоспиталях Южного Урала // Военно-медицинский журнал. 1985. № 7. С. 25—28; Кулагина А.А. Эвакогоспитали Башкирии в годы Великой Отечественной войны: организация лечения раненых и больных воинов Советской Армии в эвакогоспиталях Народного комиссариата здравоохранения Башкирской АССР. Уфа, 1988; Дегтярёва Н.А. Госпитали на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2007 и др.

³ Варламов В.М., Селиванов В.И., Селиванов Е.Ф. Некоторые вопросы медицинского обеспечения войск в третьем периоде Великой Отечественной войны // Воен.-истор. журнал. 1985. № 11. С. 72—77.

⁴ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДОО СО). Ф. 4. Оп. 31. Д. 611. Л. 81.

⁵ Гроссман Я.Л. Медико-санитарное обслуживание инвалидов Великой Отечественной войны // Медицинская сестра. 1946. № 6. С. 1—5; Руфанов И.Г. Достижения советской хирургии в годы Великой Отечественной войны // Труды IV пленума госпитального совета. М., 1946. С. 28—47; Базанов В.А. Управление медицинскими научными исследованиями в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) // Советское здравоохранение. 1983. № 5. С. 52—55; Левшин Б.В. Советская наука в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1983 и др.

⁶ Военнопленные в СССР. 1939—1956. Документы и материалы. М.: Логос, 2000. С. 87, 214.

⁷ Смирнов Е.И. Война и военная медицина 1939—1945 годы. М.: Медицина, 1979. С. 493; История Второй мировой войны (1939—1945): В 12 т. Т. 11. Поражение милитаристской Японии. Окончание Второй мировой войны. М.: Военное издательство МО СССР, 1980. С. 441.

⁸ Внотченко Л.Н. Победа на Дальнем Востоке. М.: Воениздат, 1971. С. 392; Смирнов Е.И. Указ. соч. С. 493, 496.

⁹ Хаттори Такусиро. Япония в войне 1941—1945 гг. СПб.: Полигон, 2000. С. 837.

¹⁰ ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 726. Л. 233.

¹¹ Центральный архив Министерства обороны РФ (филиал военно-медицинских документов). Ф. 283/307. Оп. 4549. Д. 1. Л. 143. ■

И.В. ТОРОПИЦЫН

I.V. TOROPITSYN

«ЗА ПОЛТОРА ЧАСА ДО СВЕТУ ПРИШЛИ НА ГОРОД ТЕРЕК НЕПРИЯТЕЛЬСКИЕ ЛЮДИ»

«ENEMY PEOPLE CAME NEARER TO THE CITY TEREK THE HOUR AND A HALF BEFORE THE FIRST LIGHT»

Сведения об авторе: Торопицын Илья Васильевич — доцент кафедры истории России Астраханского государственного университета, кандидат исторических наук (г. Астрахань. E-mail: itoropitsyn@mail.ru).

Аннотация. В статье исследуются подробности осады горцами города Терека в начале XVIII века.

Ключевые слова: Терская крепость; восстание 1708 года; турки и горцы.

Information about author: Ilya Toropitsyn — Associate Professor of the Department of Russian History, Astrakhan State University, Cand. Sc. (Hist.) (city of Astrakhan. E-mail: itoropitsyn@mail.ru).

Summary. The article examines the details of the siege by highlanders of the city of Terek at the beginning of the XVIII century.

Keywords: Terek fortress; uprising in 1708; Turks and highlanders.

В истории народов Юга России особняком стоит восстание 1708 года, поднятое местным тюркским и горским населением¹ против российского военно-политического присутствия на Северном Кавказе. Краткосрочное по своей продолжительности, оно вызвало значительный общественный резонанс не только в России, но и за рубежом, а на его подавление были брошены все силы, имевшиеся в распоряжении российских властей на Юге страны. Однако каких-либо подробностей, связанных с ним, в историографии практически не встречается. Большинство исследователей выделяют три основных этапа данного конфликта: нападение восставших на Терскую крепость, направление помощи Терскому гарнизону из Астрахани, разгром российским корпусом противника под Терками и пленение их предводителя. Однако не только эти события объясняют сложную тогдашнюю обстановку, в которой оказались защитники Терской крепости, да и существуют противоречивые данные о времени самого похода. Так, В.А. Потто, Е. Савельев, М.К. Любавский считали, что инцидент имел место в 1707 году, Н.А. Сотавов — в 1708-м, а некоторые авторы склонны относить его к более широкому периоду времени (1707—1708 гг.)². Сопоставляя и оценивая различные архивные документы и исторические хроники, всё же можно сделать вывод: нападение на крепость было совершено в ночь на 12 февраля 1708 года. К примеру, в челобитной местного священника Ф. Яковлева астраханскому митрополиту значится, что в тот день «за полтора часа до свету пришли на город Терек неприятельские люди»³.

УСПЕХУ горцев во многом способствовал фактор внезапности. Гарнизон явно не ожидал подобного, да и сама крепость находилась не в лучшем оборонительном состоянии. Информаторы (терские окочены и другие) уверяли предводителя восставших, которого они именовали «салтаном» (султаном)⁴, что крепостные укрепления Терков обвалились и защитников в ней мало. К слову, их заверения вполне соответствовали действительности — крепостные стены Терков местами нуждались в ремонте. К тому же в январе 1708 года по указу Петра I в Казань из Терской крепости отправились 308 стрельцов под командой подполковника Фливерка⁵.

Горцы пробрались в Терки через пролом в крепостной стене, подожгли слободы и Терский острог, захватили в

плен часть жителей. По свидетельству упомянутого священника Яковлева, «неприятельские люди», ворвавшись в город, «жилье все и церкви выжгли и раззорили... московских стрельцов жен и детей, неприятельские люди многих побрали в плен...»⁶. Несмотря на это полностью сломить сопротивление гарнизона им не удалось. Местный воевода Роман Вельяминов «после долгого сопротивления» сумел отступить со служилыми людьми в верхний город (кремль) Терской крепости и занять оборону⁷. Там же укрылось и спасшееся во время погрома гражданское население. Из этой цитадели Вельяминову, очевидно, удалось передать сообщение о нападении на Терки в Астрахань, воевода которой П.М. Апраксин в ответ «послал в Терку морем 1200 солдат да степью несколько сот верных татар

и 3000 калмыков». 26 февраля «это войско напало на неприятеля под Терком и разбило его наголову; сам султан, раненный, был взят в плен»⁸. По мнению иного исследователя, «только благодаря помощи из Астрахани (1200 солдат, 3 тыс. калмыков) удалось отбить это наступление кавказских племен и казаков»⁹. Но он не упоминает об участии астраханских юртовских татар в Терском походе¹⁰.

Объективность исследования ослабляют большие расхождения в оценке сил, подавивших восстание¹¹, в том числе и устоявшееся представление о превосходстве царской армии. Но так ли велико было оно?

Астраханский воевода сообщил царю, что отправил «чрез море в судах с полковником 1200 человек салдат да с ними ж малолюдства ради татар юртовских 250; да степью по нужде, что

русских конных нет, приведчи к шерти [присяге на верность] астраханских же мурз и татар послал что собрать мог, с 400»¹². При этом утвердилось мнение, что вместе с астраханскими солдатами и татарами в этой военной операции участвовали и калмыки. Апраксин действительно сообщил Петру I, что по его просьбе хан Аюка прислал к нему трёхтысячный отряд калмыков со своим внуком. Однако в том же донесении указал, что «калмык от того терского походу одержал я и прошу Аюку, чтоб больши послал на башкирцов»¹³. Комментируя это решение, советник Коллегии иностранных дел В. М. Бакунин попытался убедительно разъяснить его. Калмыцкие отряды, уточнил он, направленные в помощь защитникам Терской крепости в 1708 году, в тот период (1707—1709 гг.) регулярно в ходе Северной войны против шведов привлекались для борьбы с бунтовщиками (булавинцами и некрасовцами)¹⁴. Вот и «во время тогдашнего башкирского бунта» хан Аюка, дескать, направил на его подавление «многие свои калмыцкие войска» во главе с сыном Чакдоржапом, которые «над башкирами производили поиски»¹⁵.

И всё же, что заставило П. М. Апраксина, испытывавшего недостаток в коннице, удержать калмыцкое войско от похода на помощь осаждённому гарнизону Терской крепости? Обратимся к статьям договора, заключённого в сентябре 1708 года на реке Даниловке астраханским воеводой и калмыцким ханом. «В прошлом годе, какое было городу Терку от вора самозванца Салтана и от Чеченцов и от Кумык и от Нагайцов Терских разорение, о том ему хану от меня чрез письма и прежняя присылки ведомо, — указывал в них астраханский начальник. — И как Терек был в осаде, обещал он Хан прислать три тысячи Калмык с внуком своим Дасаном и Дундукой, и то не исполнено. Дасан приезжал с малыми людьми, и награжден был жалованьем, и пошед из Астрахани, с дороги воротился»¹⁶.

По всей видимости, обещанный ханом Аюкой калмыцкий отряд прибыл не в том количестве и слишком поздно, потому-то воевода и решил не направлять калмыков в поход на Северный Кавказ. Впрочем, у некоторых публикаторов сложилось мнение, что хан Аюка не прислал обещанное П. М. Апраксину калмыцкое войско («3000 латников») из-за недовольства воеводами Астрахани и Азова, «стеснявших его самовластие и вольные удалые промыслы»¹⁷, а также центральной властью.

Свидетельство Апраксина заставляет пересмотреть устоявшееся в

историографии представление о характере борьбы за освобождение Терской крепости. Из Астрахани на помощь терскому воеводе Р. Вельяминову прибыли всего 1850 солдат и юртовских татар. Им противостояли мятежники, численность которых составляла на начальный период около 2000 человек¹⁸, впоследствии достигшая нескольких тысяч¹⁹. Таким образом, силы восставших и верных царю войск Терского и Астраханского гарнизонов, подкреплённых отрядами юртовских татар, были примерно равны, а в отдельные периоды перевес оказывался даже на стороне мятежников, к тому же захвативших в Терках часть артиллерийских орудий. Всё это должно было предопределить ожесточённый характер схватки за российский форпост на Северном Кавказе, что, кстати, отмечают и сами участники похода.

Подробностей событий, развернувшихся в период осады Терской крепости, не много. Поэтому любой источник на эту тему представляет особый интерес. Так, выявленные Н. Б. Голиковой архивные источники свидетельствуют, что население Терского городка во время осады испытывало голод, от которого умерли много стрелецких жён и детей, сумевших во время нападения укрыться в Терском кремле. В упомянутой ранее челобитной терского священника Ф. Яковлева сообщается также, что он «приял от неприятельских людей многие налоги и скорби с служилыми людьми на градской стене», что можно расценить как его непосредственное участие в обороне кремля наряду с другими участниками осадного сидения²⁰. Двадцать лет спустя полковник Казанского гарнизонного драгунского полка С. Друманд, командовавший высланным в 1708 году из Астрахани на Северный Кавказ экспедиционным корпусом, вспоминал о многих лишениях, выпавших на долю участников военного похода к Терской крепости. Ему вместе с присланными из Астрахани силами пришлось выдержать от «неприятельских людей» двенадцатинедельную осаду в Терках, испытывая «великия нужды и голод». Тогда в схватках с противником «многие и побиты»²¹. Другой участник тех событий, капитан нерегулярной команды низового корпуса при крепости Святого Креста Раслаббек Шейдяков, «в челобитной» припомнил ещё одну подробность. По его словам, «во время прихода неприятеля Каип Султана с войски» были разорены их жилища, располагавшиеся в верховьях реки Терек по Баклаковскому устью. Многие его

соотечественники погибли. Оставшиеся в живых смогли укрыться в Терской крепости, где «некоторые сидели в осаде несколько время»²².

К числу такого рода документов относится и переписка калмыцкого хана Аюки с турецкими властями. Как докладывал его посол Пехлеван Кулыбая турецкому визирю, восставшим на Северном Кавказе поначалу сопутствовал успех. «Воспользовавшись случаем, он [предводитель восставших] захватил внешнюю часть указанной крепости. Однако судьба не споспешествовала ему. Он, будучи преисполнен надежды каким-либо образом захватить внутреннюю часть крепости, был пленён...»²³.

Факт пленения «салтана» Кучукова не подлежит сомнению. На это указывает донесение астраханского воеводы П. М. Апраксина царю от 20 марта 1708 года. Он сообщил, что «тот вор салтан февраля 12 пришол к Терку ночью и слободы, которые были за городом, и острог зажгли и разорение многое починили». Последовало и наказание за злодейство после прибытия подкрепления из Астрахани. «Февраля ж в 26 день милосердием божиею и счастием твоим, государевым, тех неприятелей под Терком побили и того злодея, самого владетеля их, салтана, взяли ранена лёхкою раною, жива, и ныне в наших руках. И как того злодея взяли, тотчас неприятели от Терка отошли...»²⁴.

Как видим, взятие в плен предводителя восставших в хронологическом порядке следует за сообщением о направлении военной помощи осаждённому гарнизону. Из этого можно заключить, что прибытие подкрепления из Астрахани (или известие о его скором прибытии) могло ободряюще подействовать на служилых людей в Терской крепости, вдохновить их на смелую вылазку. С другой стороны, беспечность Мурата Кучукова при проведении рекогносцировки местности можно объяснить его неведением относительно усиления гарнизона. Предводитель восставших явно чувствовал себя в безопасности, потому и решился приблизиться к Терской крепости, не ожидая от её защитников активных действий.

Сохранился протокол допроса Мурата (от 20 апреля 1708 г.) в Астраханской приказной палате о причинах и характере восстания. В нём тоже приводятся некоторые подробности событий на Тереке. В частности, идёт речь о том, что восставшие, получив подкрепление от кумыкских владельцев из

П. М. Апраксин

Андреевского и Аксайского селений, предприняли генеральный штурм Терского кремля, но были «городскими сидельцами» отбиты. Сказался перевес оборонявшихся в огнестрельном оружии, хотя часть пушек и попала в руки горцев во время первого нападения на Терки. После этого осаждавшие изменили тактику, решив взять защитников крепости измором, окружив город «шанцами». Спустя 10 дней «салтан» Кучуков отправился в сопровождении брагунского бея Салтан-бека и ещё десяти человек (чеченцев и мичкисов) в «шанцы для осмотра». Там его и пленили служилые, проведя вылазку. При этом Мурат был ранен из фузеи, Салтан-бек убит, а остальные горцы не смогли ни оказать сопротивления, ни спасти предводителя²⁵. Исследователь, излагая события, связанные с захватом «Каип Султана», также отмечает, что тот был взят в плен во время вылазки защитников Терской крепости, когда «с малыми людьми» приблизился к ней «для осмотра шанцов». При этом, по его словам, удалось захватить «и имеющих при нём знаменщиков»²⁶.

Между тем восстание северокавказских народов даже с пленением их предводителя «салтана» Мурата не закончилось, и русским войскам рано было праздновать окончательную победу. На этот счёт астраханский воевода в упомянутом донесении Петру I уведомлял: «Потом ещё тех же неприятелей немало к Терку пришли и городу в свободе чинят тесноту, однако ж хотя у нас конницы и безлюдно, а пехотою послано довольно на Терк, и за помощью божию управитися

будем»²⁷. Согласно утверждению полковника С. Друманда, осада восставшими Терской крепости длилась в общей сложности около трёх месяцев²⁸. Из этого следует, что с захватом в плен «салтана» Мурата внешняя угроза для Терской крепости ликвидирована не была, более того, в осаде Терков приняли участие новые силы «неприятельских людей». О том же свидетельствует и переписка английских дипломатов. 5 мая 1708 года английский посол в России Ч. Витворт сообщал статс-секретарю Гарлею из Москвы, что внутри царских владений «свирепствуют три мятежа», имея в виду башкирское и булавинское восстания, события на Северном Кавказе. «Другие татары — черкасские, — уточнял он, — проживающие у Каспийского моря, взяли за оружие и сожгли Терки — город пограничный с Персией и имеющий большое значение. В этой местности для усмирения бунта военной силы нет»²⁹. Однако спустя неделю (12 мая 1708 г.) в письме всё тому же адресату извещал: «Терский бунт тоже неожиданно присмирел. Мятежников было тысяч восемь, они думали захватить Астрахань и затем соединиться с казаками. Но многочисленный астраханский гарнизон, подкрепленный татарами, оставшимися верными Царю, встретил бунтовщиков, рассеял их, и главу их захватил в плен»³⁰. Одним из решающих факторов успеха русских сил в подавлении восстания на Северном Кавказе английский посол считал военную поддержку Астраханскому гарнизону со стороны юртовских татар, а не калмыков.

Некоторую ясность в хронологию событий, последовавших после пленения «Каип-Султана», вносит донесение Р. Шейдякова. «Токмо оное войско многое время для разорения настояло, — указывал он, — и как мы помянутого Каип Султана отвезли в Казань, где оный и повешен, тогда оное неприятельское войско отступило»³¹. Таким образом, согласно утверждению Р. Шейдякова, осада Терской крепости продолжилась до тех пор, пока у бунтарей сохранялась надежда на продолжение борьбы, которую они связывали со своим лидером. После поступления известия о его гибели восстание быстро угасло.

17 июня 1708 года Пётр I прислал в Астрахань указ о высылке терских стрельцов на службу в Санкт-Петербург³², поскольку ситуация вокруг Терской крепости стабилизировалась и не требовала

присутствия здесь большого количества войск.

Что касается непосредственного участия в Терском походе астраханских юртовских татар, то оно подтверждается архивными источниками, в частности «челобитными» (прошениями; середина XVIII в.) астраханских мурз и «табунных голов». Добиваясь нужных им «милостей», они напоминали, что их предки участвовали в указанной военной экспедиции. Так, в 1756 году сын «табунного головы»³³ Биякая Булатаева Абдий Биякаев, заявляя о «законных правах на наследство», отмечал в «челобитной», что его отец был «во многих великого государя службах, в швецких и в других походах и ранен и за раны ис той службы отпущен в дом свой и от тех многих служб и походов весьма раззорился». Ещё раньше, почти за полвека до сыновнего прошения сам Биякай Булатаев (1719 г.) утверждал, что его дядя Ерошай Темирев, в то время управлявший их «табунными людьми» и землями, «в нынешние великого государя службы, в швецких и в терских и в хивинских походах не был и нигде не служил»³⁴. Юртовский Нурадыл-мурза Урусов тоже указывал в «челобитной» (1760 г.) заслуги предка, деда Ак-мурзы Урусова, а именно в походе к Терской крепости. Тот, дескать, против «Каип-султана», «пришедшего из гор с воровскою партией татар», осадивших Терки, «в числе протчих российских войск с теми осаждающими татарами имел неоднократно сражение»³⁵. На этом событии, а точнее, на подавлении мятежа и пленении «салтана», делался акцент в наказе, данном в 1765 году депутату от астраханских юртовских татар Би-мурзе Урусову для участия в разработке нового свода законов Российской империи³⁶. По всей видимости, именно этот факт наиболее ярко запомнился участникам Терского похода. Как указывал полковник С. Друманд, посланным из Астрахани военным силам удалось разбить нападавших, захватить в плен их предводителя и «от осады оной город выручить»³⁷.

Таким образом, упомянутое событие явилось одной из ярких страниц военной истории Астраханского гарнизона и юртовских татар. Для последних поход на Северный Кавказ против восставших горских и тюркских народов стал к тому же серьёзной проверкой на их преданность России после восстания 1705—1706 гг., в которое были вовлечены и широкие массы населения Нижнего Поволжья.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Перечисляя участников восстания, астраханский воевода П. М. Апраксин в письме к царю Петру I указывал, что к ним примкнули «с Кубани казаки расколщики», что значительно расширяет социальную базу восставших. См.: Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1936. Ч. 1. С. 232; Письма и бумаги императора Петра Великого: В 13 т. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1946. Т. 7. С. 750.

² *Потто В. А.* Два века Терского казачества (1577—1801). Владикавказ, 1912. Т. 1. С. 104, 105; *Савельев Е.* Рязанские казаки — Гребенские казаки. Терское казачество. Аграханское Войско. Терско-Кизлярское Войско. Хоперский полк // Донские областные ведомости. 1913. № 180. С. 4; *Любавский М. К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времён и до XX века / Отв. ред. А. Я. Дегтярёв; вступ. ст. А. Я. Дегтярёва, Ю. Ф. Иванова, Д. В. Карева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. С. 399; *Сотавов Н. А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М.: Наука, 1991. С. 39; *Приймак Ю. В.* Взаимоотношения России с Калмыцким ханством в контексте осmano-русского соперничества в Северо-Восточном Причерноморье (конец XVII — начало XVIII вв.) // Научные проблемы гуманитарных исследований. Пятигорск, 2010. № 8. С. 112; *Махмудова К. З.* повстанческие движения и военно-политический вектор политики Петра I на Северо-Восточном Кавказе накануне Каспийского похода // Кавказ и Ближний Восток: от Каспийского похода Петра I до распада державы Надир-шаха. Материалы международной научно-практической конференции, проведённой в рамках «Года Российской истории» 25 мая 2012 г., г. Махачкала. Махачкала: ИИФЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2012. С. 187.

³ Цит. по: *Голикова Н. Б.* Очерки по истории городов России конца XVII — начала XVIII в. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 31.

⁴ Этим самозванным «салтаном» оказался Мурат, сын каракалпакского хана Кучука. С. М. Соловьёв сообщал, что в 1707 г. этот «уфимский башкирец, назвавшись султаном, ездил в Константинополь и Крым просить помощи делу единоверцев; потом пробрался на Кубань, оттуда к горским народам, чеченцам, мичкисам, аксайцам, и прельстил их, выдавая себя за святого и за султана башкирского. Горцы провозгласили его своим владыкою». См.: *Соловьёв С. М.* Сочинения. История России с древнейших времён. М.: Мысль, 1993. Кн. VIII. Т. 15. С. 167. Видимо, с этим связано то, что Мурат Кучуков был известен среди участников восстания на Северном Кавказе как Эштек-султан (Эштек-Каип-султан). См.: *Потто В. А.* Указ. соч. С. 105; *Караулов М. А.* Терское казачество. М.: Вече, 2008. С. 113). Даже калмыцкий хан Аюка считал предводителя восставших, штурмовавших Терскую крепость, султаном «из племени эштеков». По мнению ещё одного исследователя, эштеками (иштяками) некоторые тюркские народы и племена называли башкир. См.: *Мустакимов И.* Новые документы по истории Волго-Уральского региона начала XVIII в. // Эхо веков. Казань, 2006. № 2(45). С. 55.

⁵ Терские стрельцы принимали участие в борьбе с восставшими башкирами в составе полка бригадира Дмитриева и впоследствии оставались «до указа» в Казани (см.: Письма и бумаги императора Петра Великого... Т. 7. С. 885—887).

⁶ Цит. по: *Голикова Н. Б.* Указ. соч. С. 31.

⁷ *Соловьёв С. М.* Указ. соч. С. 167; *Лебедев В. И.* Булавинское восстание, 1707—1708 гг. // Историк-Марксист. 1933. № 3. С. 64; Материалы по истории Башкирской АССР... С. 232; Письма и бумаги императора Петра Великого... Т. 7. С. 750, 751; *Ахмадов Ш. Б.* Чечня и Ингушетия в XVIII — начале XIX века. (Очерки социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII — начале XIX века). Монография. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 348, 349; *Кидирниязов Д. С.* Формирование политики России на Северном Кавказе в начале XVIII века // Народы Северного Кавказа: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 15-летию филиала ДГУ в г. Хасавюрте. Хасавюрт, 2012. С. 109.

⁸ *Соловьёв С. М.* Указ. соч. С. 167; *Максимов К. Н.* Военная интеграция калмыков с донскими казаками в первой четверти XVIII века // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста, 2010. № 2. С. 4.

⁹ *Лебедев В. И.* Указ. соч. С. 64.

¹⁰ *Соловьёв С. М.* Указ. соч. С. 167; *Максимов К. Н.* Указ. соч. С. 4.

¹¹ Публикация исторических источников, связанных с восстанием на Северном Кавказе (1708 г.), предоставила историкам богатый фактический материал. К ним, например, обращались Ш. Б. Ахмадов и А. А. Адилсултанов. Первый из них указывал, что в феврале 1708 г. два отряда юртовских татар численностью в 250 и 400 человек во главе с мурзами вместе с астраханскими солдатами и калмыцким войском были направлены астраханским воеводой П. М. Апраксиным против восставших народов Северного Кавказа, осадивших Терскую крепость (*Ахмадов Ш. Б.* Указ. соч. С. 349). Второй, не оспаривая «цифровые данные», ошибочно называет юртовских татар наёмниками, хотя их статус больше сравним с представителями иррегулярных войск России (*Адилсултанов А. А.* Акки и аккинцы в XVI—XVIII веках. Грозный, 1992. С. 63). Оба же оценивают военные силы, направленные астраханским воеводой на борьбу с восставшими на Северном Кавказе, более чем в 9000 человек (*Ахмадов Ш. Б.* Указ. соч. С. 340—350; *Адилсултанов А. А.* Указ. соч. С. 63). Аналогичные сведения о составе и численности русских войск и вспомогательных отрядов в Терском походе, в частности юртовцев, приводятся в других исследованиях (*Махмудова К. З.* Указ. соч. С. 188; *Рахаев Д.* Движение народов Северо-Восточного Кавказа под предводительством Мурата Кучукова (1707—1708) // Ислам в России и за её пределами: история, общество, культура: Сборник материалов международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня кончины выдающегося религиозного деятеля шейха Батал-хаджи Белхароева. СПб.; Магас, 2011. С. 597).

¹² Материалы по истории Башкирской АССР... С. 232; Письма и бумаги императора Петра Великого... Т. 7. С. 750, 751.

¹³ Материалы по истории Башкирской АССР... С. 232, 233; Письма и бумаги императора Петра Великого... Т. 7. С. 751.

¹⁴ *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста: Калмыцкое книжн. изд-во, 1995. С. 29.

¹⁵ Там же.

¹⁶ П. М. Апраксин на встрече с калмыцким ханом Аюкой подчеркнул, что потребность в использовании военной силы калмыков против народов Северного Кавказа по-прежнему

актуальна, потому что «ныне те ж Чеченцы и Нагайцы и другие тамошние владельцы Тереку всякие наглости чинят, и разорением хвалятся». Поэтому он включил в договор специальную статью, которая обязывала бы калмыцкого хана, чтобы он «к Терку на Чеченцов и на Терских Нагайцов послал людей своих тысячи четыре или пять и велел их разорить за то, что они Царскому Величеству, общему нашему Государю, с тем воровским Салтаном учинили великую обиду, и Терку многое разорение, и многих Русских людей побрали и распродали в разные земли, а иных и ныне у себя в неволе на великих откупках держат; и тем бы он Аюка Хан показал Великому Государю верную свою службу». См.: Полное собрание законов Российской империи. 1-е собр.: В 45 т. СПб., 1830. Т. 4. С. 421.

¹⁷ *Броневицкий В.* История Донского войска. Описание донской земли и Кавказских Минеральных вод. СПб., 1834. Ч. III. С. 70; *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Элиста. Калмыцкое книжн. изд-во, 1991. С. 88, 89.

¹⁸ Материалы по истории Башкирской АССР... С. 238—243; Письма и бумаги императора Петра Великого... Т. 7. С. 750, 751.

¹⁹ Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 50. СПб., 1886. С. 12.

²⁰ *Голикова Н. Б.* Указ. соч. С. 31.

²¹ Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 84. СПб., 1893. С. 44.

²² Челобитная капитана Р. Шейдякова в Военную коллегия (15 мая 1734 г.) // Столетие военного министерства. Воинская повинность казачьих войск. Исторический очерк / Сост. А. И. Никольский, Н. А. Чернощеков. СПб., 1907. Т. 11. Ч. 3. С. 457.

²³ *Мустакимов И.* Указ. соч. С. 55.

²⁴ Материалы по истории Башкирской АССР... С. 232, 233; *Усенко О. Г.* Начальная история кубанского казачества (1692—1708 гг.) // Из архива тверских историков. Тверь, 2000. Вып. 2. С. 65.

²⁵ Материалы по истории Башкирской АССР... С. 238—243.

²⁶ Столетие военного министерства... С. 457.

²⁷ Материалы по истории Башкирской АССР... С. 232, 233; Письма и бумаги императора Петра Великого... Т. 7. С. 750, 751; *Усенко О. Г.* Указ. соч. С. 65.

²⁸ Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 84. С. 44.

²⁹ Там же. Т. 50. С. 9.

³⁰ Там же. С. 12.

³¹ Столетие военного министерства... С. 457.

³² Письма и бумаги императора Петра Великого... С. 885.

³³ «Табунный голова» — административная должность у астраханских юртовских татар в XVII—XVIII вв. «Табунные головы» получали царское жалованье и обязаны были обеспечивать участие татар «своего табуна» (административная единица) в выполнении различных служебных заданий, в том числе в военных походах.

³⁴ Государственный архив Астраханской области. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1907. Л. 20б.

³⁵ Там же. Д. 1999. Л. 37.

³⁶ Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 134. СПб., 1911. С. 175, 176.

³⁷ Там же. Т. 84. С. 44.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Астраханские юртовские татары в орбите внутренней и внешней политики России в XVII—XVIII вв.», проект № 14-01-00054/14. ■

И.В. ЗИМИН

I.V. ZIMIN

КАМЕР-КАЗАКИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЁДОРОВНЫ

COURT COSSACKS OF THE EMPRESS ALEKSANDRA FYODOROVNA

Сведения об авторе. Зимин Игорь Викторович – заведующий кафедрой истории Отечества Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И.П. Павлова, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург. E-mail: 30maler@mail.ru).

Аннотация. Статья посвящена истории возникновения при Российском императорском дворе особой охраны – камер-казаков для обеспечения личной безопасности императриц. Показано прохождение службы камер-казаками при императрице Александре Фёдоровне – супруге Николая I.

Ключевые слова: Николай I; императрица Александра Фёдоровна; камер-казак; Собственный его императорского величества конвой.

Information about author. Igor Zimin – Head of the Department of the Fatherland's History, St. Petersburg State Medical University named after Academician I.P. Pavlov, D. Sc. (Hist.), Professor (Saint-Petersburg. E-mail: 30maler@mail.ru).

Summary. The article is devoted to the history of the Russian Imperial Court's Special Guard – Court Cossacks – to providing personal security of Empresses. Service of Court Cossacks at the time of the Empress Aleksandra Fyodorovna – the wife of Nikolay I – is shown.

Keywords: Nikolay I; Empress Aleksandra Fyodorovna; Court Cossack; His Imperial Majesty's Own Convoy.

В ПЕРВЫЕ камер-казаки появились при Российском императорском дворе в 1775 году, когда по воле Екатерины II была создана «придворная Донская казачья команда» численностью 65 человек. Несколько позже сформировали ещё одно казачье подразделение — Чугуевскую казачью команду из 60 человек. Главной задачей донских и чугуевских казаков являлась охрана государыни во время её переездов из столицы в пригородные резиденции, а также караульная служба в самих резиденциях.

В 1796 году по приказу Павла I из придворных казачьих отрядов был создан лейб-гвардии гусар-

ский Казачий полк¹, из состава которого 12 человек назначили для несения внутренней дворцовой службы². В ряде документов их стали называть «камер-гусарами».

Однако камер-казаки как таковые, судя по всему, появились при Александре I. Среди ближайшей прислуги, находившейся при умирающем в Таганроге Александре I, указывается и камер-казак Фёдор Кузьмич Овчаров, служивший у императора с 1812 года. По устойчивой легенде, именно его имя якобы взял Александр I, «уходя» из Таганрога в образе старца Фёдора Кузьмича. Упоминается о камер-казаках в перечне придворных служителей и при описании коронации Николая I. Именно при нём камер-казаки привлекаются к охране императрицы. Имеются основания полагать, что процесс официального введения камер-казаков в придворный штат инициировал генерал-фельдмаршал граф И.Ф. Паскевич-Эриванский, одно из наиболее близких к Николаю I лиц, к рекомендациям которого государь всегда внимательно прислушивался.

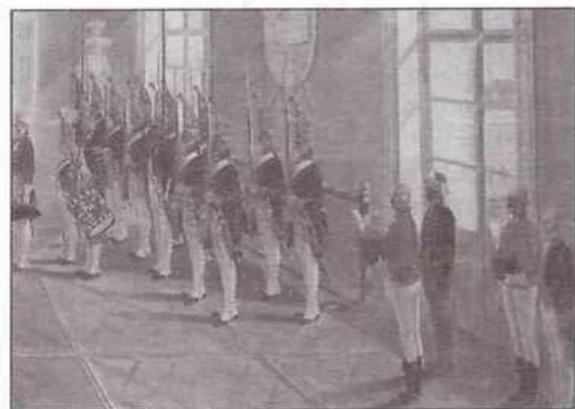
События развивались таким образом. В октябре 1832 года в составе Собственного его императорского величества (ЕИВ) конвоя появилась команда кав-

казских линейных казаков, набранная из Сборного линейного казачьего полка, находившегося в ведении И.Ф. Паскевича-Эриванского, руководившего подавлением Польского восстания 1830—1831 гг.³ Личный состав команды состоял из 24 терских казаков при четырёх урядниках и двух офицерах. Осенью 1832 года эскадрон терских казаков Собственного ЕИВ конвоя уже патрулировал петергофские парки, где располагалась летняя резиденция Николая I. Именно из урядников этого подразделения и вышли «официальные» камер-казаки, отвечавшие за личную безопасность императриц. Первым подобным телохранителем с лёгкой руки Николая I стал урядник Герасим Подсвилов (Подсвиринов).

В 1835 году вскоре после подавления восстания в Польше Николай I с супругой отправился в польский город Калиш, в окрестностях которого предполагалось провести совместные манёвры русских и прусских войск. Отправляясь в Польшу, Николай I не исключал возможности покушения, о чём писал И.Ф. Паскевичу из Петергофа: «Я знаю, что меня хотят зарезать, но верю, что без воли Божией ничего не будет, и совершенно спокоен. Меры предосторожно-

Караул лейб-гвардии Семёновского полка в Павловском дворце. Впереди придворного арапа стоит камер-гусар

Художник Г. Шварц

И.Ф. Паскевич-Эриванский

Александра Фёдоровна

Николай I

Художник Ф. Крюгер, 1852 г.

А.Х. Бенкендорф

Гравюра Т. Райта с оригинала Д. Доу, 1824 г.

сти беру, и для того официально объявил, и поручаю и тебе разгласить, что еду из Данцига на Познань смотреть укрепления, но одному тебе даю знать, что въеду в Царство [Польское] чрез Торунь на Нешаву. Конвои вели приготовить на Познань, других не надо»⁴.

И.Ф. Паскевич исполнил приказание, но, кроме того, отправил из Варшавы в Данциг урядника Герасима Подсвинова и казака Макара Рубцова «как бы для встречи имеющих прибыть в Данциг экипажей Государя императора»⁵. На них возлагалась обязанность личных телохранителей императора, поэтому казаки так и остались рядом с Николаем I, отправившись затем из Польши в Богемию. По возвращении императора в Россию каждый из них получил по 100 рублей наградных, что свидетельствовало о высокой оценке их службы. Об этом же говорит и тот факт, что в 1836 году Герасим Подсвинов был приглашён для личной охраны императрицы Александры Фёдоровны с подчинением при этом руководству Гофмаршальской части. Подчеркнём, что Подсвинов предпочёл «назначение это производству в офицеры по истечении 10-летнего срока. По словам Бенкендорфа, урядник Подсвинов выделялся «отличным поведением, трезвостью и в повиновении начальству всегда служил примером своим товарищам, а с тем вместе росту большого и наружности самой удовлетворительной»⁶.

Отметим, что характеристику Г. Подсвинову давал лично А.Х. Бенкендорф, возглавлявший

главные спецслужбы империи — III Отделение Собственной ЕИВ канцелярии и Отдельный корпус жандармов. Следовательно, это назначение шло с его ведома, и он с 1835 года лично знал Подсвинова. Но окончательное решение по выбору телохранителя императрицы, несомненно, принадлежало Николаю I. Со временем это стало традицией, и на должность камер-казака можно было попасть только по высочайшему выбору. Поэтому многие из будущих камер-казачков сначала служили в ближайшем окружении наследника или императора и только после этого оказывались при комнатах императриц.

Поскольку камер-казаки являлись своего рода визитной карточкой российского императорского двора и принадлежали к верхнему слою придворных служителей, их внешний вид наряду с боевыми заслугами должен был соответствовать высокому статусу. Поэтому выбирали их весьма тщательно. Так как служба камер-казачков при дворе, как правило, сводилась к представительским задачам, в первую очередь отбирали мужчин красивых, высокого роста с окладистыми бородами. По мнению правящей верхушки, именно этот облик должен был напоминать европейским дипломатам о том времени, когда русские казаки стояли лагерем на Елисейских полях Парижа.

Главной задачей камер-казака Г. Подсвинова было сопровождать императрицу Александру Фёдоровну на выездах, выполняя обязанности телохранителя. Помогал ему его сослуживец урядник Макар Рубцов,

также получивший штатную должность камер-казака. После того как в составе Собственного ЕИВ конвоя появился Кубанский эскадрон, камер-казачков стали выбирать и из него, попеременно меняя эскадроны. Что касается Подсвинова и Рубцова, они оставались на своих должностях

Последний раз камер-казаки императрицы Александры Фёдоровны появились на коронации Александра II в Москве в 1856 году. В описании коронационных торжеств говорится, что при торжественном въезде в столицу по сторонам кареты вдовствующей императрицы Александры Фёдоровны «шли четыре камер-казака»⁷. Что касается Подсвинова и Рубцова, они оставались на своих должностях до середины 1840-х годов. Так, камер-казак Г. Подсвинов прослужил до 1 мая 1845 года и был уволен в чине хорунжего.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка. СПб., 1876. С. 25.

² Полное собрание законов Российской империи. 1-е изд. Т. 24. № 17700. Придворный штат. 1796.

³ Галушкин Н.В. Собственный Его Императорского Величества конвой. М., 2004. С. 38.

⁴ Письма императора Николая Павловича И.Ф. Паскевичу. 1832—1847. См. интернет-ресурс: <http://dugward.ru>.

⁵ Петин С. Собственный Его Императорского Величества Конвой. Исторический очерк. СПб., 1899. С. 91.

⁶ Там же.

⁷ Описание священного Коронования Их Императорских Величеств Государя Императора Александра Второго и Государыни Императрицы Марии Александровны всея России. СПб., б/г. С. 19. ■

А.В. ПЕЧЕЙКИН

A.V. PECHEYKIN

ОТ КИРАСЫ К БРОНЕЖИЛЕТУ

FROM CUIRASS TO BODY ARMOUR

Сведения об авторе: Печейкин Александр Валерьевич — ведущий научный сотрудник Центрального пограничного музея, кандидат исторических наук (Москва. E-mail: pe4av@mail.ru).

Аннотация. В статье рассказывается о типах защитного вооружения воинов в различные эпохи, прежде всего о тельных доспехах, их устройстве, постоянном совершенствовании и модификации в зависимости от предназначения и возможностей промышленного производства.

Ключевые слова: защитное вооружение; тельные доспехи; кольчуга; кираса; панцирь; бронежилет.

Information about author: Aleksandr Pecheykin — Leading Researcher of the Central Border Museum, Cand. Sc. (Hist.) (Moscow. E-mail: pe4av@mail.ru).

Summary. The article describes the types of protective equipping of warriors at different times, first of all their armour suits, their structure, continuous improvement and modification, depending on the purpose and possibilities of industrial production.

Keywords: protective equipping; armour suits; shirt of mail; cuirass; coat of mail; body armour.

Защитное вооружение, то есть средства защиты воинов в бою, имеют такую же историю, как и само оружие: совершенствовалось оружие — неизменно улучшались и средства защиты от него. Средства эти были весьма многообразными: одни предназначались для защиты головы, верхних и нижних конечностей, другие — панцири, кольчуги, кирасы и т.п. — служили для защиты тела воина и потому носили название «тельные доспехи». Универсальным защитным средством являлись и разнообразные щиты. С появлением и развитием огнестрельного оружия защитное вооружение, задачей которого изначально являлось предохранение воина от поражения метательным и холодным оружием, не только не исчезло, а, наоборот, изменяясь и совершенствуясь, стало важным фактором боеспособности силовых структур.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ меча и щита началось в глубокой древности. При этом оружейники испокон веков уделяли особое внимание защите туловища воина. Время от времени в этом направлении достигались определённые успехи, но повышение пробивных способностей наступательного

оружия нередко сводило к нулю их усилия. Случалось, что отказываться от тяжёлых и дорогостоящих доспехов заставляли новые тактические требования, делавшие ставку на подвижность воина. Свою роль играли и финансовые соображения: если в относительно небольших средневековых армиях можно было снабдить практически весь личный состав дорогостоящими защитными изделиями, то в значительно возросших численно армиях нового и новейшего времени сделать это не представлялось реальным.

В войсках XVI—XIX вв. в основном применялся комбинированный подход к воинской экипировке. Так, шлемы и различные защищавшие туловище приспособления считались обязательными лишь для основы войска — пикинёров, воевавших сомкнутым строем и наносивших удар противнику холодным оружием, а для всевозможных разновидностей стрелков, обстреливавших врага издали и подготавливавших атаку пикинёров, по выражению одного генерала XVII века, лучшей защитой являлись быстрота и храбрость. Что касается всадников, то защитное снаряжение использовалось, да и то не всегда, в основном тяжёлой кавалерией. Но и здесь к середине XVII века предпочтение отдавалось

облегчённым доспехам, которые в отличие от полных рыцарских лат позднего Средневековья стали называться полудоспехом. В конце концов и он сократился до кирасы или только до нагрудника. В ряде стран, в том числе в Швеции и Англии, конные воины уходили в бой в куртках из лосиной, буйволоковой или иной прочной кожи. Такие куртки сохранились в больших количествах в коллекциях ряда музеев, в том числе и отечественных.

С годами в коннице появлялось всё больше сторонников мнения, что защитное вооружение всадникам не нужно. Главное — быстрота и натиск. Если войска налетали на противника быстрее, чем тот успевал рассмотреть, что на солдатах надето, они гарантированно побеждали. О том же писал и А.В. Суворов: «Атакуй с чем пришёл, с чем Бог послал!»¹. Конечно, это была крайняя точка зрения, как и другой афоризм великого полководца: «Пуля — дура, штык — молодец». Вызваны эти высказывания были тем, что возможности стрелкового оружия практически не позволяли вести эффективную прицельную стрельбу. Поэтому пехота, как и кавалерия, предпочитала обходиться без тяжёлого защитного вооружения, тем более что особой надежды на него не было. Так, в XVIII веке на полигонных

Кирасирский доспех XIX в., состоявший из шлема и кирасы

испытаниях 33-граммовая пуля, выпущенная из ружья, снаряжённого 11 г дымного пороха, на дистанции 43 м пробивала дюжину железных кирас, оставляя вмятины ещё на пяти. Это не значит, что в русской армии отказались от такого защитного вооружения, как кирасы. Введённые в тяжёлой кавалерии в 1731 году, они с небольшим перерывом с 1801 по 1812 год использовались кирасирами до 60-х годов XIX века, затем перешли в разряд парадного снаряжения, сохраняясь в таком статусе в гвардейской кавалерии до 1917 года².

С широким внедрением нарезных магазинных винтовок, скорострельных полевых орудий, а затем и первых пулемётов плотность огня существенно повысилась, что привело к возрастанию людских потерь. Это заставило инженеров и конструкторов искать способы защиты личного состава, прежде всего пехоты, от пуль. В армиях ряда стран стали появляться различные варианты нагрудников, щитов и т.п. Например, японцы при осаде Порт-Артура не без успеха применяли щиты английского производства, носившиеся на руке и весившие около 20 кг. Командование нашей Маньчжурской армии также запросило 2000 панцирей «системы инженера Чемерзина», но войска признали их негодными. Российское военное ведомство в начале 1905 года заключило контракт с французами на поставку 100 тыс. противопульных панцирей. Правда, изделия оказались никуда не годными, с французами пришлось судиться и судебное разбирательство длилось до 1908 года.

Российские изобретатели также пытались найти достойную замену кирасе. Подполковник Франковский предложил проект бронированного ранца. Вес пустого ранца составлял 1 пуд (16 кг), с вещами и патронами (330 штук) — 2 пуда 18 фунтов (около 39,4 кг). Ранец предполагалось возить на колёсиках, подобно тележке, а во время боя передвигать перед собой, прикрываясь им и ведя огонь из положения лёжа. Испытания показали, что ранец для полевых условий непригоден, так как нести на плечах полный груз крайне тяжело, везти за собой, даже по ровной дороге, — неудобно, а по пересечённой местности практически невозможно, к тому же конструкция оказалась очень непрочной, и через версту похода ранец развалился³.

Первая мировая война породила бурный поток проектов всевозможной «брони» для солдата. Сформировалось пять основных направлений поисков: переносные стрелковые

щиты; носимые панцири и щиты-панцири; «наружейные» щиты (по аналогии с пулемётными щитками); щиты — сапёрные лопаты и щиты для одного, двух и более человек. Русская армия использовала в небольших количествах различные щиты: стрелковые конструкции Технического комитета Главного военно-технического управления (ГВТУ), поручика Гельгара, генерала от инфантерии Э.-Л.Ф. Свидзинского, «наружейные» доктора Кочкина и есаула Бобровского, щиты-лопаты, несколько разновидностей колёсных щитов. Щиты изготавливались из броневой стали с присадками марганца, никеля, хрома, молибдена или ванадия. Доверие в России именно к щитам объяснялось тем, что изобретатели опасались возможного травмирования панцирем самого стрелка, а в случае пробития защиты её осколки могли усугубить тяжесть ранения.

Применялись и панцири. За неимением лучшего сначала извлекли со складов «ветеранов» Русско-японской войны. В конце 1914 года общество заводов «Сормово» по заявке группы офицеров-фронтовиков выработало три разновидности носимых панцирей массой 4,1, 5,5 и 7,6 кг. Некоторое количество панцирей планировали продать России французы. Кроме стальных, различные дельцы предлагали армии тканевые и даже деревянные панцири и щиты ценой в сотни, а то и тысячи рублей. Дело дошло до того, что в мае 1915 года на высшем уровне было решено через печать предостеречь военнослужащих от покупки подобных изделий. В целом же ни одна из воюющих сторон тогда не смогла в массовом количестве снабдить солдат приемлемыми образцами защитного вооружения⁴.

В СОВЕТСКОМ Союзе вспомнить о защитном вооружении заставила Советско-финляндская война 1939—1940 гг. С учётом опыта боёв был разработан переносной стрелковый щит, представлявший собой стальной двускатный лист с отгибами внутрь и по бокам, бойницей и внутренней полочкой для обойм к винтовке. В первый период Великой Отечественной войны такие щиты использовались так называемыми бронещитковыми группами.

Перед Великой Отечественной войной проходили испытания опытные партии стальных нагрудников СН-38, СН-39, СН-40 и СН-40А. Все они использовались в начальный период войны. С 1942 года на снабжение РККА стали поступать знаменитые стальные нагрудники СН-42.

Данный нагрудник состоял из двух фигурных секций, связанных между собой ремнями. Толщина стальных листов составляла 2 мм, изнутри имелась мягкая подкладка, на туловище нагрудник крепился системой ремней. У правого плеча верхней пластины был вырез, позволявший плотнее прижимать приклад оружия. СН-42 достаточно надёжно защищал грудь и часть живота от 9-мм пуль «парабеллум», выпущенных из пистолета, на всех дистанциях, от тех же пуль, выпущенных из пистолета-пулемёта, — до 120 м, от винтовочных пуль — не ближе 300 м. Его масса составляла около 3,5 кг. Для сравнения: СН-38 весил от 6 до 7 кг. Матерчатый подбой плохо смягчал удар пули, поэтому дополнительные слои поддетого под нагрудник обмундирования солдата лишними не считали. Особенно удачно нагрудник «работал», если его надевали на телогрейку. В этом случае он мог спасти даже от огня вражеского пулемёта. В качестве носимого панциря СН-42 активно применялся бойцами штурмовых инженерно-сапёрных бригад, кроме того, благодаря амбразуре его можно было использовать и как переносимый щит при стрельбе лёжа или при переползании. Был у СН-42 и более надёжный вариант, но существенно тяжелее — до 8 кг.

Доспехи европейского пикинёра XVI в. (около 1560—1580 гг.), Нюрнберг
Музей Германской истории

Пехотный траншейный панцирь образца 1917 г., Германия

Музей Германской истории

Поэтому в штурмовых инженерно-сапёрных бригадах он применения не нашёл.

Именно для участия в штурмовых группах, а также для противодействия им создавали носимую броню японцы и американцы. Японскими солдатами, кроме традиционных бронежилетов, применялись и такие изделия, которые предназначались для защиты затылка и спины. Считалось, что они удобны при ведении боёв на береговой полосе, когда противник может оказаться и за спиной⁵.

На Тихоокеанском театре военных действий состоялось и первое массовое применение бронежилетов американскими солдатами. Для высадки на Окинаву в 1944 году морские пехотинцы США должны были получить

бронежилеты на основе дорона⁶. По другим сведениям, солдат Корпуса морской пехоты в действительности снабдили стандартной униформой с нашитыми спереди пластинами дорона. Информация о том, насколько эффективным это оказалось, к сожалению, отсутствует.

Одновременно с поисками неметаллических средств защиты американцы экспериментировали и с металлами. Так, летом 1945 года на снабжение был принят бронежилет M12. Он состоял из нагрудной и наспинной пластин, скреплённых между собой на плечах и поясе. Защитными элементами служили 72 алюминиевые пластины на нейлоновой подкладке. Масса изделия составляла 4,8 кг; до конца боевых действий армия получила 53 552 бронежилета.

Над усовершенствованием бронежилетов в США продолжали работать и после Второй мировой войны. Основным защитным материалом в них оставался дорон, а плечи защищались накладками из многослойного нейлона. При этом Управление вещевого снабжения армии США продолжило разработку полностью нейлонового образца. В результате появился бронежилет T-52-1 массой всего около 2,5 кг, состоявший из 12-слойного баллистического нейлона T-728, покрытого водонепроницаемым и огнеупорным винилом. Война в Корее доказала преимущество нового образца: число ранений в область туловища снизилось наполовину.

Вьетнамская война упрочила позиции баллистического нейлона. Ранения в грудную клетку и область живота насчитывали лишь 10 и 8 проц. соответственно, а смертельный исход от них составлял 19 и 18 проц. Использование бронежилетов на

75 проц. снизило число осколочных ранений и на 25 — пулевых; общее количество ранений в грудь и живот сократилось на 60—70 проц., а их тяжесть — на 25—30 проц.

Основными бронежилетами, применявшимися американцами во Вьетнаме, были M-69 массой 3,85 кг с воротником-стойкой и так называемые модульные. Первый начал поступать в войска в 1962 году. Защита из баллистического нейлона располагалась так: 12 слоёв спереди и в верхней части спины, 10 слоёв на спине, вдоль позвоночника ещё два узких дополнительных слоя, 6 слоёв в воротнике. Конструкция обшивалась водонепроницаемым винилом, после чего покрывалась нейлоновым чехлом с двумя карманами и лентами для подвешивания ручных гранат. Застёгивался жилет на металлические кнопки, «молнию», «липучку» или на их комбинации.

Вариант бронежилета — противосколочный титаново-нейлоновый появился в 1964 году и также применялся американской пехотой. Жилет состоял из 11 сегментов, повышавших мобильность и удобство эксплуатации. Защитой служили три слоя баллистического нейлона, на которые нашивались титановые пластины размером 57 x 57 мм и толщиной 8 мм, поверх них шли ещё 4 слоя нейлона. Специальные наплечники защищали плечи.

Появившиеся в 1968 году модульные бронежилеты с бронепластинами на груди и спине защищали не только от осколков, но и от пуль. Бронепластины изготавливались из керамики, в зависимости от комплектации масса жилета составляла от 2,3 до 10 кг. Соответственно, применялись такие жилеты в механизированных, амфибийных частях, а также в подразделениях, находившихся на стационарных позициях⁷.

В СССР первый бронежилет, названный 6-Б-1, датируется 1954 годом. У истоков его создания стояли специалисты Всесоюзного института авиационных материалов. Жилет состоял из мозаично расположенных шестиугольных пластин алюминиевого сплава, за которыми располагались несколько слоёв капрона и подкладка из ватина. На дистанции 50 м жилет защищал от осколков и 7,62 x 25 пуль, выпущенных из пистолета-пулемёта. В 1957 году этот бронежилет начал поступать на снабжение Вооружённых Сил СССР. Но так как потребности в них тогда не ощущалось — страна жила в условиях мира, — то всего было изготовлено порядка 1500 экземпляров.

Группа солдат РККА в стальных нагрудниках

Фонды ЦПМ ФСБ РФ

Обстоятельства войны в Афганистане заставили задуматься о снабжении солдат средствами индивидуальной защиты в относительно массовых количествах. На основе предыдущих разработок в НИИ стали (НИИС) в 1979 году создали бронежилет, сразу же отправленный в Афганистан «на боевую стажировку». В 1981 году под обозначением 6-Б-2 (Ж-81) изделие было принято на снабжение войск. Его основой являлся арамидный материал, аналог кевлара. Правда, 6-Б-2 особых защитных качеств не показал, а вот его модификации — 6-Б-3 и 6-Б-3-ТМ с титановыми бронеэлементами уже обеспечивали защиту от пуль АК-74 и М-16. Жилет 6-Б-4 с керамическими пластинами выдерживал попадания пули с термоупроченными сердечниками. Тканевый модуль из арамидов был идентичен на всех модификациях. В целом по своим характеристикам элементы, созданные в НИИС на основе карбида бора, не уступают многим зарубежным и отечественным разработкам.

Именно НИИС принадлежит авторство всех «афганских» бронежилетов. С 1983 по 1985 год армия получила около 25 тыс. экземпляров. Войсковая эксплуатация показала, что изделия довольно тяжеловаты — порядка 12 кг. Тем не менее начало было положено.

В последующие годы в стране продолжались работы по созданию для солдата надежной индивидуальной защиты. Конструкции бронежилетов совершенствовались с учётом эргономических, медицинских и иных требований. Были разработаны новые противопульные сплавы на основе титана, методы их упрочения токами высокой частоты, создано новое поколение высокопрочных сталей. Карбид бора, корунд и карбид кремния ещё и сегодня применяются при изготовлении бронежилетов для Российской армии. Преимущество этих материалов перед металлами заключается в том, что при попадании пули они не создают осколков, усугубляющих ранение, а рассыпаются в относительно безопасный песок.

Конечно, универсальной защиты не существует. Поэтому одним из важнейших вопросов для разработчиков современных носимых «телохранителей» является: от чего защищать? Ответ даёт статистика ранений. В современных войнах основной причиной потерь личного состава армии являются осколочные ранения, в криминальных же ситуациях — пулевые. В последнем случае на первом месте стоят pistolетные и револьверные пули, на втором — пули портативных pistolетов-пулемётов, на третьем — автоматные и

винтовочные боеприпасы. Следовательно, массово поставляемые в армию бронежилеты должны быть преимущественно противоосколочными, а полицейские бронежилеты, броня различных спецподразделений и продаваемая гражданскому населению — противопульными.

При этом крайне важно в изготовлении бронежилетов опираться прежде всего на собственное производство. В случае с Вооружёнными силами это очевидно, но и полицейским, бойцам спецподразделений по борьбе с терроризмом и т.п., а также гражданским лицам, опасющимся покушений на свою жизнь, имеет смысл «поддерживать своего производителя». Во-первых, в нашей стране делают индивидуальные средства защиты, не уступающие зарубежным аналогам; во-вторых, иностранная продукция рассчитана на противодействие иностранному же оружию и боеприпасам. А в России если и стреляют, то, как правило, из нашего оружия, и не иностранной пулей без стального сердечника, а нашей, родной, со стальным, а то и бронебойным сердечником.

Согласно действовавшему в конце XX века в нашей стране классификации и общим требованиям к бронеодежде бронежилеты по стойкости разделялись на шесть основных и два вспомогательных класса. К вспомогательным классам относилась защита от холодного и охотничьего оружия, к основным — защита от средств поражения — от револьвера Нагана до винтовки СВД и её НАТОвских аналогов. В 2014 году вступили в действие новые требования, где средствами поражения рассматриваются образцы огнестрельного оружия — от автоматического pistolета Стечкина до винтовки ОСВ-96.

Важнейшая проблема конструкторов и производителей — снижение действия заброневого контузионной травмы. Сталь, титан, кевлар, композитные, иные защитные материалы, в одиночку или все вместе, задерживают осколок или пулю, погасив часть кинетической энергии. Одновременно происходит тепловой выброс, жилет деформируется, тело человека получает импульс, сравнимый с ударом в грудь копытом крупного животного. Автоматная пуля, тем более пуля крупнокалиберного пулемёта, ударив по бронепластине, ломает рёбра, отбивает внутренние органы. Именно поэтому наши предки подкладывали под кирасы и нагрудники как можно больше амортизирующих прокладок, вплоть до телогреек или свёрнутых плащ-палаток. И сегодня создатели

современных средств защиты комплектуют свою продукцию смягчающими прокладками, позволяющими снижать заброневою деформацию до известных пределов.

Инстинкт самосохранения побуждает живое существо волноваться заранее. Для изготовления любой защиты необходимо время. А следует ли её носить или полагаться исключительно на собственную скорость и ловкость — этот выбор каждый человек делает индивидуально. При этом полезно помнить, что в США, например, раненые или получившие увечье участники боевых действий лишаются части положенных им льгот, если доказано, что при получении ранения они не применяли предписанную им к обязательному ношению защитную экипировку.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Марков С.Л. История конницы. Ч. 4. От Фридриха Великого до введения нарезного оружия. Отдел I. Реформы Фридриха. Устройство и образ действий конницы европейских государств во время Фридриха. Румянцев и Суворов. Революционные войны. Перпендикулярная тактика. Тверь, 1890. С. 96; Суворов А.В. Письма. М.: Наука, 1986. С. 399.

² История винтовки. От пищали до автомата. М.: Техника — молодёжи, 1993. С. 6; Военный сборник. Статьи и публикации по Российской военной истории до 1917. М.: ПРОФИС, 2004. С. 36—39; Knötel R. Uniformkunde. Lose Blätter zur Geschichte der Entwicklung der militärischen Tracht. Band 14. Rathenow, o. J. № 18; Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. 10. М.: Кучково поле; Военная книга, 2012. С. 40 и др.

³ Аранович А.В. Русский военный костюм 1907—1917: Учебное пособие. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2005. С. 42, 43.

⁴ Федосеев С. Современные кирасы // Военные знания. 1994. № 4. С. 19—21; Функен Л., Функен Ф. Первая мировая война 1914—1918: Пехота — Бронетехника — Авиация / Пер. с фр. А.А. Китайцевой. М.: АСТ; Астрель, 2002. С. 60, 61, 97—99; Уиндрой М. Воин и Солдат. История военного костюма: иллюстрированная энциклопедия / Пер. с англ. С. Дробязко. М.: Эксмо, 2010. С. 263, 273, 286—288 и др.

⁵ Функен Л., Функен Ф. Вторая мировая война 1939—1945: США — Япония — Китай — Армии великих держав в 1943—1945 — Сражающаяся Франция — Дания — Нидерланды — Балканские страны / Пер. с фр. А.Г. Кавтаскина. М.: АСТ; Астрель, 2002. С. 32, 33.

⁶ Дорон — защитный материал, представляющий собой фибреглас, армированный пластиком. Название произошло от фамилии бригадного генерала Джерарда Дорно, начальника исследовательского отдела Управления военной снабжения армии США.

⁷ Карпов В.Е. Бронежилеты армии США в 1950—1970 гг. // Сержант. 2002. № 3/4. С. 31—35.

МАРТ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

1 марта — Международный день гражданской обороны. В этот день в 1972 году создана Международная организация гражданской обороны. В России отмечается с 1994 года.

1 марта 1996 года, 20 лет назад, в районе г. Свободный Амурской обл. на базе Главного центра испытаний и применения космической техники создан второй Государственный испытательный космодром «Свободный» Министерства обороны Российской Федерации.

8 марта — Международный женский день (установлен Трудовым кодексом РФ № 197-ФЗ от 30 декабря 2004 г.).

10 марта 1941 года, 75 лет назад, на Воронежском авиазаводе выпущен первый серийный штурмовик Ил-2. К началу войны изготовлено 249 машин. Немцы называли его «летающая смерть» или «летающий танк». В августе завод награждён орденом Ленина.

11 марта 1726 года, 190 лет назад, родился В.Я. Чичагов, адмирал (1782), исследователь Севера, победитель в морских сражениях при Эланде, Ревеле, Выборге, единственный из моряков кавалер ордена Св. Георгия 1-й степени (1790), в 1774 году награждён орденом 4-й степени. Умер 16 апреля 1809 года.

11 марта 1981 года, 35 лет назад, Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР принят на вооружение ПЗРК «Игла-1» (9К310). 23 сентября 1983 года принят на вооружение ПЗРК «Игла» (9К38).

12 марта 1921 года, 95 лет назад, началась Батумская наступательная операция 11-й армии Кавказского фронта (А.И. Геккер). Цель операции — оказание помощи восставшим трудящимся Грузии в освобождении Батума. Группа советских войск под командованием Д.П. Жлобы, совершив переход через труднодоступный Годердзский перевал, ударила в тыл войскам Грузинской буржуазной республики и захватила г. Батум. Грузинское меньшевистское правительство бежало в Турцию. Операция завершилась 19 марта.

13 марта 1881 года, 135 лет назад, на набережной Екатерининского канала в Санкт-Петербурге от бомбы террористов-народовольцев Н.И. Рысакова и И.И. Гринвицкого погиб император Александр II.

13 марта (второе воскресенье марта) — День работника геодезии и картографии (установлен Указом Президента РФ № 1867 от 11 ноября 2000 г.).

18 марта 1921 года, 95 лет назад, в Риге между РСФСР, УССР и буржуазно-помещичьей Польшей подписан мирный договор о прекращении войны и нормализации отношений. Договор завершал советско-польскую войну 1920 года. Советско-польская граница устанавливалась значительно восточнее «линии Керзона». К Польше отходили западные земли Украины и Белоруссии. Польше возвращались все военные трофеи, все культурные и научные ценности, вывезенные с её территории с 1772 года. Советская сторона, признавая роль польских земель в хозяйственной жизни бывшей России, обязалась уплатить Польше в годичный срок 30 млн золотых рублей. Польша освобождалась от ответственности за долги и иные обязательства бывшей Российской империи.

19 марта — День моряка-подводника (установлен приказом ГК ВМФ № 253 от 15 июля 1996 г.). В этот день в 1906 году императорским указом в установленную 11 января 1892 года классификацию судов военного флота включены разряды: а) посыльных судов, б) подводных лодок.

21 марта 1891 года, 125 лет назад, родился А.В. Горбатов (дер. Похотино Ивановской обл.), Герой Советского Союза (1945), генерал армии (1955), кавалер 3 орденов Ленина и 2 — Суворова 1-й степени. Участник Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн. В 1937—1941 гг. был репрессирован. С июня 1945 года командовал 5-й ударной армией и был комендантом Берлина. В 1946—1950 гг. командовал армиями. В 1950—1954 гг. был командующим Воздушно-десантными войсками, а в 1954—1958 гг. — войсками ПриБВО. Умер 7 декабря 1973 года.

24 марта 1951 года, 65 лет назад, образовано ОКБ № 23 В.М. Мясищева для разработки межконтинентального реактивного бомбардировщика. Уникальный М-4 впервые поднял в воздух 20 января 1953 года лётчик Ф.Ф. Опадчий. 4 мая 1954 года начались его госиспытания. 27 марта 1956 года начались лётные испытания высотного дальнего бомбардировщика ЗМ. Всего построено М-4 и ЗМ всех модификаций 93 единицы. ЗМ состоял на вооружении до 1985 года. ОКБ-23 в 1960 году расформировано. В 1967 году вновь воссоздано, впоследствии входило в состав НПО «Молния», а ныне приобретено «ОАК».

27 марта — День Внутренних войск МВД РФ (установлен указом Президента РФ № 394 от 19 марта 1996 г.).

28 марта 1991 года, 25 лет назад, основана Академия космонавтики им. К.Э. Циолковского. Академия в своём уставе декларирует множество целей, связанных с исследованиями и развитием в области космонавтики. В настоящее время Академия имеет официальное наименование «Межрегиональная общественная организация «Российская академия космонавтики имени К. Э. Циолковского»».

29 марта — День специалиста юридической службы (установлен Указом Президента РФ № 549 от 31 мая 2006 г.).

Публикация А.Л. БОЧАРОВОЙ

Сведения об авторе. Бочарова Анастасия Леонидовна — научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва. E-mail: mil_hist_magazin@mail.ru)

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция принимает к рассмотрению рукописи (распечатанный экземпляр и на электронном носителе) объёмом не более одного авторского листа, набранного в Word через два интервала с концевыми ссылками на использованные источники. В обязательном порядке вместе с рукописью представляются иллюстрации. Ответственность за достоверность информации, точность цифр и цитат, а также за то, что в материалах нет данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы. Материалы, опубликованные в периодической печати, а также в Интернете, редакцией не рассматриваются.

Авторы могут присылать свои рукописи на электронный адрес издания.

Материалы, присланные в редакцию, рецензируются членами редакционной коллегии журнала.

В соответствии с действующим законодательством редакция имеет право не вступать с авторами в переписку. Присланные в редакцию материалы и электронные носители не возвращаются.

Авторы должны представить на русском и английском языках свои личные данные: фамилию, имя, отчество, должность, для военнослужащих — воинское звание, учёную степень, учёное звание, контактную информацию для переписки, которая будет помещена в бумажной и электронной версиях издания, а также краткую аннотацию на свой материал и ключевые слова. Кроме этого необходимо сообщить в редакцию почтовый адрес с индексом, номера телефонов для связи, а также адрес электронной почты, если эти данные не были указаны ранее.

Редакция доводит до сведения потенциальных авторов, что нами выявлены случаи представления авторами рукописей одних и тех же статей, в том числе ранее опубликованных, одновременно в несколько научных изданий. Редакция «Военно-исторического журнала» предупреждает, что при выявлении подобных фактов всякое сотрудничество с авторами этих рукописей будет прекращено.

Позиция редакции не обязательно совпадает с точкой зрения авторов. При перепечатке материалов ссылка на «Военно-исторический журнал» обязательна.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

За справками о присланных в редакцию материалах обращаться по тел.: (495) 693-57-45; 8-906-751-06-97.

Адрес редакции для переписки:
119160, Москва, Хорошёвское шоссе, д. 38Д,
редакция «Военно-исторического журнала». Тел.: (495) 693-57-45;
8-906-751-06-97
E-mail: Mil_Hist_magazin@mail.ru

Сдано в набор 18.01.2016
Подписано к печати 19.02.2016
Формат 60x84/8.

Тираж 2625 экз. Зак. № 695
Регистрац. № 01978 от 30.03.1992

Журнал издаётся ФГКУ «Редакционно-издательский центр» Министерства обороны Российской Федерации
119160, Москва, Хорошёвское шоссе, д. 38 Д. Тел.: 8(495)693-58-68

Журнал отпечатан в ООО «ПОЛИГРАФ-ПЛЮС»
107023, г. Москва, ул. Электrozаводская, д. 21.
Тел.: 8(903) 511-04-26
E-mail: rostest-iv@inbox.ru

Цена свободная

© «Военно-исторический журнал», 2016

ПУЛЕНЕПРОБИВАЕМЫЕ ДОСПЕХИ

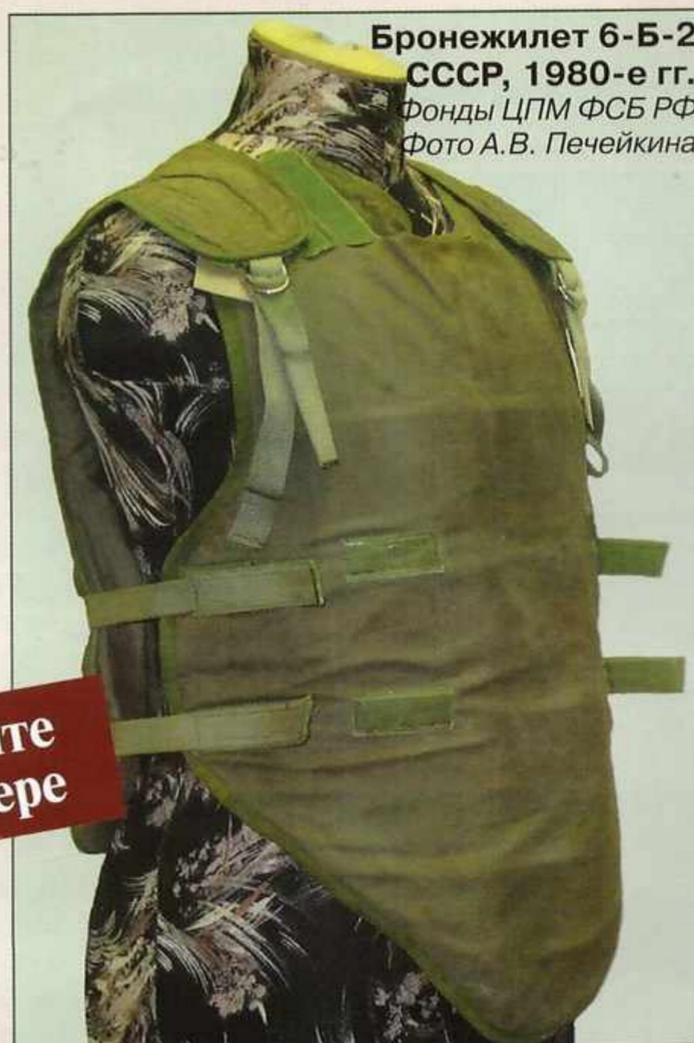
Броневой жилет (бронезилет) — это элемент индивидуальной защиты человека в виде жилета, который обеспечивает защиту торса от воздействия холодного и огнестрельного оружия, а также от осколков снарядов, мин и гранат. Сегодня его изготавливают из современных материалов, способных задержать и рассеять поражающую силу пули и осколков: баллистической ткани (кевлар, арамид), различных металлических и керамических пластин.

История индивидуальной брони насчитывает несколько тысячелетий. Воины использовали для защиты своих тел доспехи, выполненные из различных материалов. Защитные свойства брони сильно зависели от её качества. Распространение получили латы из кожи, плотной ткани, металлов (бронзы, железа). Кульминацией развития индивидуальной защиты стал сплошной рыцарский доспех, закрывающий всё тело от рубяще-дробящего и колющего холодного оружия.

Об истории создания и применении бронезилетов подробно читайте в статье А.В. Печейкина «От кирасы к бронезилету».

Ударники «батальона смерти»
Италия, 1916 г.
Художники Л. и Ф. Функен

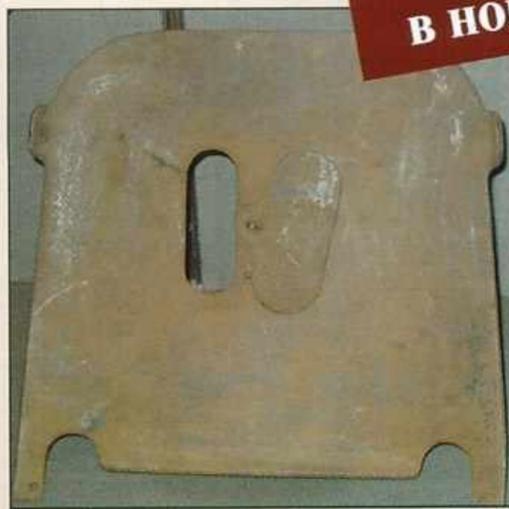
Бронезилет 6-Б-2
СССР, 1980-е гг.
Фонды ЦПМ ФСБ РФ
Фото А.В. Печейкина

Японский стрелок, прикрывшийся специальным бронезилетом для ведения боя на береговой полосе
Вторая мировая война 1939—1945 гг.
Фрагмент иллюстрации художников Л. и Ф. Функен

Переносной стрелковый щит СССР, около 1940 г.
Предмет установлен в витрине «вверх ногами»
Экспозиция Центрального музея Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.
Фото А.В. Печейкина

Еще один вариант применявшегося в РККА переносного стрелкового щита. Вид изнутри
Экспозиция Центрального музея Вооружённых Сил РФ
Фото А.В. Печейкина

Стальные нагрудники РККА: слева — СН-38, справа — СН-42

Пилот 82-го батальона армейской авиации 82-й воздушно-десантной дивизии США
На лётчике надет бронезилет «Chickenplate», впервые появившийся во время войны во Вьетнаме
Вторжение на Гренаду, 1983 г.
Художник П. Хэннон

Читайте
в номере

70137 ЧФДП

Михома 28/7 СВР2

По страницам редких изданий

ОСНОВНОЙ ВИД ВООРУЖЕНИЯ ПО ЛЕНД-ЛИЗУ

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1-80

2016

3

Ежемесячное издание
Министерства обороны
Российской Федерации

Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на «Военно-исторический журнал» в отделениях связи Почты России.

Индекс журнала для российских и зарубежных подписчиков по каталогу «Газеты. Журналы» агентства «Роспечать» — 70137.

Адрес для переписки:
119160, Москва,
Хорошёвское шоссе,
д. 38д, редакция «Военно-исторического журнала».
Тел. редакции для справок:
(495) 693-57-45;
8-906-751-06-97
E-mail: Mil_Hist_magazin@mail.ru

Электронная версия «Военно-исторического журнала» — на сайте www.history.milportal.ru, на сайте Министерства обороны РФ www.mil.ru и на сайте Научной электронной библиотеки www.elibrary.ru

Обложка книги

ОПЫТ ПРОШЛОГО

Невозможно сказать, чтобы и до начала Великой Отечественной войны наши летчики и инженеры не были знакомы с английской и американской авиационной техникой. Наоборот, у нас уже имелся немалый опыт в этом отношении.

Первые американские и английские самолеты прибыли в Россию еще до начала Первой мировой войны. Самое первое предложение о поставке хороших российских военному министерству поступило из Америки. Весной 1906 г. братья Райт написали в Санкт-Петербург письмо с соответствующим содержанием. Но ему не придали большого значения.

В 1909 г. российские генералы решили купить самолеты «Райт», но не в США, а во Франции. Эта страна быстро выдвинула в лидеры мировой авиации. Там детали лучших самолетов и лучшие мо-

торы. Неудивительно, что именно Франция надолго стала основным партнером России в создании российской авиации. Оттуда импортировалась большая часть техники для сухопутной военной авиации. Там покупали двигатели и приборы, там же обучались первые русские пилоты. По лицензиям французских фирм начинали работать самолетостроительные заводы России, французы создавали там филиалы своих предприятий, в основном выпускавшие авиадвигатели. Английская авиация в этот период качественно и количественно уступала французской. Соответственно и закупки в Великобритании были невелики. Оттуда везли лишь небольшие партии учебных бипланов Bristol «Boxkite» в 1911 г. (кстати, авиационная компания французского «фармаца»).

Воздушная техника — английский истребитель Воккер «Кингкобра» в России. (Музей-информационный центр И.Е. Жуковского)

Такие самолеты по два-три выдвигали в погоню, обманывая реактивные истребители. Например, 28-й гв. иап, летавший на МиГ-9 и Ми-15, в январе 1948 г. облетел троем УР-63.

Сейчас в России сохранились две отреставрированные «Кингкобры». Одна стоит в Музее ИВС в Монино, вторая — на площадке натурной техники Музея Великой Отечественной войны на Посольской горе в Москве. Обе они собраны из обломков нескольких самолетов, разбившихся на сибирской трассе.

«Кингкобра» в Музее ИВС России в Монино. Сейчас ее перенесли в один из вышек залов (на собрании авиаторы)

Самолет «Кингкобра» в первоначальной окраске на площадке Музея Великой Отечественной войны на Посольской горе в Москве. Самолет был же собран из обломков нескольких самолетов. 2012 г. (на собрании авиаторы)

Таблица 5 Данные истребителя Белл Р-63 «Кингкобра»

	Р-63А-1	Р-63А-8	Р-63А-10*	Р-63С-1
Длина, м	9,96	9,96	9,96	9,96
Размах, м	11,69	11,69	11,69	11,69
Высота, м	3,84	3,84	3,84	3,84
Вес, кг:				
пустого	2894	—	—	3371
полетный нормальный	3791	—	3822	3995
Скорость максимальная, км/ч у земли	—	—	522	—
на высоте	660	671	654	654
Набор высоты 5000 м, мин	—	—	—	—
Практический потолок, м	13115	—	12500	—
Дальность полета, км	723 [†]	—	—	—
Вооружение	1 x 37+4 x 12,7	1 x 37+4 x 12,7	1 x 37+4 x 12,7	1 x 37+2 x 12,7
Боевая нагрузка	102	681	681	681

* на вооружении использовался в ИНИИ ВВС; † без учета топлива; †† без учета топлива; ††† без учета топлива; †††† без учета топлива.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «Фонд «Русские витязи»» в 2015 году вышла уникальная книга В.Р. Котельникова «Авиационный ленд-лиз»*. Более двадцати лет автор собирал документальный материал и готовил издание для печати. Лётчики, инженеры и техники — непосредственные участники боевых событий делились с автором своими воспоминаниями.

Книга посвящена влиянию на ход Великой Отечественной войны поставок Советскому Союзу авиационной техники союзниками и послевоенному развитию нашей авиации. В издании собрано много материалов о транспортировке, испытаниях и боевом применении английских и американских самолётов в нашей стране. Дается подробная количественная и качественная оценка поставок в хронологической последовательности. Особое внимание уделено приспособлению импортных машин к специфическим условиям советско-германского фронта, их доработкам и переделкам. Важной составной частью книги является раздел о влиянии помощи союзников на советскую авиационную промышленность.

Труд содержит большое количество фотографий, схем и рисунков из государственных архивов и личных собраний. Издание предназначено для широкого круга читателей и будет интересно как специалистам, так и всем, кто увлекается историей отечественной авиации.

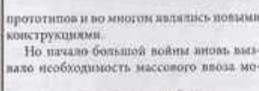
* Котельников В.Р. Авиационный ленд-лиз. М.: Фонд «Русские витязи». 2015. 368 с., ил.

Страницы книги

Мотор «Мерлин» XX на «Харрикейне», подвешен со дни овер, хорошо сохранился (предоставлено К. Осипенко)

Р-1340 — около 100, Бристоль «Геркулес» — более 60, Бристоль «Геркулес» — более 50, «Аллисон» прибывали с истребителями Белл Р-39 и Р-63, Кертис Р-40, Норт Америка Р-51. Двигатели R-2600 — вместе

прототипов и во многом являлись новыми конструкциями.

Но начало большой войны вновь выявило необходимость массового ввоза мо-

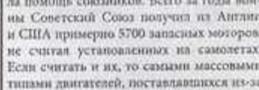

Мотор «Мерлин» 66 с двухступенчатой компрессией; также поступали и такие истребители «Спитфайр» I. (фото из книги Wilkinson P. Aircraft engines of the world, N.Y., 1946)

Вояков Р-1650 — американский вариант «Мерлина» 2-й тип двигателя комплектовался истребителями Р-40Е (фото из книги Wilkinson P. Aircraft engines of the world, N.Y., 1946)

«Мерлин» XX на эскадрильи английского музея (из собрания автора)

Аллисон V-1710-E с двухступенчатой компрессией и опционально регулируемым редуктором; место привода шасси убрано; вала закрыта технологической крышкой. Также моторы устанавливались на «Кингкобрах» (фото из книги Wilkinson P. Aircraft engines of the world, N.Y., 1946)

Аллисон V-1710-F, монтировавшиеся на истребителях Р-40 (фото из книги Wilkinson P. Aircraft engines of the world, N.Y., 1946)

Р-1340 — около 100, Бристоль «Геркулес» — более 60, Бристоль «Геркулес» — более 50, «Аллисон» прибывали с истребителями Белл Р-39 и Р-63, Кертис Р-40, Норт Америка Р-51. Двигатели R-2600 — вместе

Мотор «Мерлин» 66 с двухступенчатой компрессией; также поступали и такие истребители «Спитфайр» I. (фото из книги Wilkinson P. Aircraft engines of the world, N.Y., 1946)

Вояков Р-1650 — американский вариант «Мерлина» 2-й тип двигателя комплектовался истребителями Р-40Е (фото из книги Wilkinson P. Aircraft engines of the world, N.Y., 1946)

«Мерлин» XX на эскадрильи английского музея (из собрания автора)

Аллисон V-1710-E с двухступенчатой компрессией и опционально регулируемым редуктором; место привода шасси убрано; вала закрыта технологической крышкой. Также моторы устанавливались на «Кингкобрах» (фото из книги Wilkinson P. Aircraft engines of the world, N.Y., 1946)

Аллисон V-1710-F, монтировавшиеся на истребителях Р-40 (фото из книги Wilkinson P. Aircraft engines of the world, N.Y., 1946)

Р-1340 — около 100, Бристоль «Геркулес» — более 60, Бристоль «Геркулес» — более 50, «Аллисон» прибывали с истребителями Белл Р-39 и Р-63, Кертис Р-40, Норт Америка Р-51. Двигатели R-2600 — вместе

Мотор «Мерлин» 66 с двухступенчатой компрессией; также поступали и такие истребители «Спитфайр» I. (фото из книги Wilkinson P. Aircraft engines of the world, N.Y., 1946)

Вояков Р-1650 — американский вариант «Мерлина» 2-й тип двигателя комплектовался истребителями Р-40Е (фото из книги Wilkinson P. Aircraft engines of the world, N.Y., 1946)

«Мерлин» XX на эскадрильи английского музея (из собрания автора)

Аллисон V-1710-E с двухступенчатой компрессией и опционально регулируемым редуктором; место привода шасси убрано; вала закрыта технологической крышкой. Также моторы устанавливались на «Кингкобрах» (фото из книги Wilkinson P. Aircraft engines of the world, N.Y., 1946)

Аллисон V-1710-F, монтировавшиеся на истребителях Р-40 (фото из книги Wilkinson P. Aircraft engines of the world, N.Y., 1946)